

Cogito, ergo sum

Мыслью, следовательно, существую

сам
себе
психолог

Дебора Кэмерон

МИРОВОЙ
BEST
SELLER

Миф о Марсе и Венере

Правда ли, что мужчины и женщины говорят
на разных языках?

ПИТЕР®

Deborah Cameron

The Myth of Mars and Venus

Oxford University Press

Дебора Кэмерон

Миф о Марсе и Венере

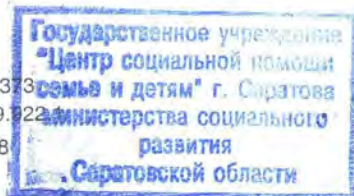
Правда ли, что мужчины и женщины
говорят на разных языках?

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск
2008

Электронный вариант предоставлен Алексеем Сар в 2016 г.

ББК 88.373
УДК 159.922
К98

Кэмерон Д.
К98 Миф о Марсе и Венере. — СПб.: Питер, 2008. — 190 с.: ил. — (Серия «Сам себе психолог»).

ISBN 978-5-91180-870-9

В последние годы тема взаимоотношений между мужчинами и женщинами вызывает у читателей неизменный интерес.

Книги о «Марсе и Венере», предлагающие решить все проблемы между полами, научив вас «правильно понимать» друг друга, стали бестселлерами. «Почему люди настолько им верят?» — спрашивает Дебора Кэмерон, профессор социолингвистики Оксфордского университета и автор ряда широко известных научных работ по лингвистике и гендерным проблемам. Используя свой тридцатилетний исследовательский опыт, она рассказывает о том, что достоверно известно о проблемах общения между мужчинами и женщинами, и насколько сильно эти научные выводы отличаются от тех сведений, которые мы получаем из популярной литературы последних лет. Узнайте, почему на самом деле вам бывает непросто понять друг друга и почему «простые решения» из бестселлеров, как правило, не работают!

ББК 88.373
УДК 159.922.1

Права на издание получены по соглашению с Oxford University Press
Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 0199214476 (англ.)
ISBN 978-5-91180-870-9

© Deborah Cameron 2007
© Перевод на русский язык ООО «Питер Пресс», 2008
© Издание на русском языке, оформление ООО «Питер Пресс», 2008

Оглавление

Благодарности	5
Глава 1. Мифы и их значение	7
Марс и Венера: пристальный взгляд	15
Поиски различий (и как это искажает реальность)	22
Звучная наука.	24
Глава 2. Время и место: вписываем мифы в контекст	29
Марс и Венера в истории.	30
Марс и Венера в разных культурах.	37
Марс и Венера на современном Западе.	42
Глава 3. Неполная правда: почему различия — это еще не все	46
Недостающие звенья	51
Акты самовыражения	56
Акты исключения	59
Глава 4. Отдельные миры? Марс и Венера в детстве и юности	62
Соперничество и сотрудничество	64
Не такие, как полагается быть девочкам?	67
Рыночные силы	72
Отдельные культуры или отдельные сферы?	75
«Ребята не говорят об этом много...»	77
Власть и различия: ложная оппозиция?	80
Глава 5. Столкновение желаний: миф о непонимании между мужчинами и женщинами	83
Перекрестные помехи	84
Говорить прямо	88
«Просто скажи „нет“»	92
Отсутствие взаимопонимания?	100
Глава 6. Назад к природе: мозг, гены и эволюция	103
Пол, язык и мозг	105
Догадки и теории	108
Эволюция, пол и язык	110
Собирательство, забота о потомстве и сплетни	112

Токование и слушание	117
Отбор фактов?	119
Глава 7. Общение на публике: Марс и Венера	
в политике и на рабочем месте	126
Женщины для личной жизни, мужчины для публичной жизни.	130
Женщины-чужаки	131
Женщины и забота об окружающих	136
«Королевское „нет“»: проблема женского авторитета	138
Гендер — это еще не все	140
Опасность: мифы и работа	144
Глава 8. Культурные надстройки: гендер,	
личность и стиль	148
Функциональность и мода.	149
Отличники и хулиганы	152
«Магазинный язык»	155
Преступая грани	160
Культурные надстройки	168
Глава 9. За пределами мифа о Марсе и Венере	171
Почему важна норма	172
Почему важны различия.	174
«Переломный этап в истории человечества»	178
Перемены и проблема общения пар	181
Отвергая все варианты	186

Благодарности

Издание данной книги преследует две цели. Первая состоит в желании развеять некоторые мифы, окружающие тему различий между мужчинами и женщинами в языке и коммуникации. Вторая цель — предложить вместо этих мифов данные последних лингвистических исследований, сделав их доступными для широкой аудитории. Часть этих исследований я провела сама, но основная масса принадлежит другим исследователям языка и гендера. Хотя последние не несут ответственности за взгляды, выраженные в этой книге, она не могла быть написана без их участия, и я с благодарностью выражаю признательность всем своим «соавторам». Я отдельно благодарю Пенелопу Экерт, Сьюзен Эрлих, Дженет Холмс, Дона Кулика, Фиону Макалинден, Салли Макконелл-Джинет, Мириам Мейергофф, Кэти О'Лири, Момоко Накамуру и Сильвию Шоу. Я также благодарна Мерил Альтман, Джоуэн Скентон и Джейн Таубман за их комментарии, предложения и поощрение, и отдельную благодарность выражаю моему редактору Бену Харрису за его терпение.

1 ГЛАВА

Мифы и их значение

Говорят ли мужчины и женщины на одном языке? Способны ли они эффективно общаться? Эти вопросы не новы, но с начала 90-х годов прошлого века интерес к ним значительно повысился. Были написаны бесчисленные самоучители и популярные книги по психологии, изображавшие мужчин и женщин как чуждых друг другу существ, а их общение — как нагромождение недоразумений. Наиболее удачливые приверженцы этой формулы, подобные Деборе Теннен и Джону Грею, возглавили списки самых продаваемых авторов по обе стороны Атлантики¹. Консультации по наведению мостов над пропастью между полами превратились в процветающую мультимедиа-индустрию. Например, официальный сайт Джона Грея рекламирует не только различные книги о Марсе и Венере, но и семинары, групповые выезды, горячую линию по вопросам взаимодействия со своей второй половинкой и, как апофеоз, — брачное агентство.

Читатели, предпочитающие более серьезную литературу, могут обратиться к научно-популярному жанру. Поищите труды с названиями наподобие «Сознание пола», «Пол

¹ Deborah Tannen, *You Just Don't Understand: Men and Women in Conversation* (New York: Morrow, 1990); John Gray, *Men Are from Mars, Women Are from Venus* (New York: HarperCollins, 1992).

и сознание», «Важнейшее различие» и «Почему мужчины не глядят...»¹. Эта литература поясняет, что пропасть между мужчинами и женщинами обусловлена природой, а не воспитанием. Представители разных полов общаются по-разному (и у женщин это получается лучше) потому, что их извилины устроены по-разному. Мозг женщины умеет «слушать» и потому успешнее справляется со словесными задачами, в то время как мозг мужчины лучше воспринимает зрительные раздражители и больше подходит для решения зрительно-пространственных и математических задач. Женщины любят говорить, а мужчины предпочитают словам действия.

Авторы подобных трудов любят представлять себя в роли современных Галилеев, противостоящих гневу ревнителей политической корректности и бросающих вызов убежденным феминисткам, отрицающим, что мужчины и женщины значительно различаются по своей природе. Саймон Барон-Кохэн, написавший книгу «*The Essential Difference*», объясняет во вступлении, что несколько лет откладывал публикацию, так как «тема слишком деликатна с политической точки зрения»². Стивен Пинкер, автор книги о человеческой природе «*The Blank Slate*», в главе о различиях полов поздравляет себя с тем, что набрался смелости озвучить вещи, «замалчиваемые в благовоспитанном обществе»³. Оба автора подчеркивают, что не преследуют политические цели, а лишь отслеживают факты и пытаются

поставить научные данные на место догмы политкорректности.

Может быть, перед тем как поаплодировать им, стоит задать вопросом: «С каких пор различия между мужчинами и женщинами скрываются покровом молчания?» Точно не с начала 90-х, когда спокойный ручеек литературы по этой теме стремительно превратился в бурлящий поток. Сейчас исследователь, утверждающий, что различия между полами естественны, не «разглашает замалчиваемое», а повторяет очевидный факт. Утверждение, что мужчины и женщины общаются по-разному, практически бесспорно. Клише наподобие «Мужчины не умеют слушать» и «Женщинам легче говорить о своих чувствах» встречаются повсюду, начиная с женских журналов и заканчивая поздравительными открытками. Несколько лет назад реклама «Бритиш Телеком» сообщила нам, что мужчины любят разговаривать по телефону стоя, в то время как женщины предпочитают в этот момент сидеть. Даже если это доказанный факт (в чем я сомневаюсь), естественной реакцией на эту информацию будет вопрос: «Ну и что?» Похоже, что в наши дни мы готовы воспринимать самые невероятные и ничтожные заявления как нечто достойное пристального внимания.

Мысль о том, что мужчины и женщины «говорят на разных языках», стала догмой, к которой относятся не как к гипотезе, требующей исследования, или к заявлению, нуждающемуся в объяснении, а как к предмету безусловной веры. В этой книге я попытаюсь поставить ее под сомнение и доказать, что подобная вера неуместна. Как и названные мною ученые, я провожу исследования и делаю выводы. Но в этом случае результаты моих наблюдений расходятся с выводами некоторых психологов. Если мы обратимся к результатам более чем тридцатилетних изысканий в области языка, коммуникации и полов, то увидим, что они дают иную, более сложную картину взаимоотношений. Именно она будет описана в этой книге.

¹ Anne Moir and David Jessel, *Brain Sex: The Real Difference between Men and Women* (New York: Delta Books, 1991); Deborah Blum, *Sex on the Brain: The Biological Differences between Men and Women* (New York: Penguin, 1997); Simon Baron-Cohen, *The Essential Difference: Men, Women and the Extreme Male Brain* (London: Allen Lane, 2003); Anne Moir and Bill Moir, *Why Men Don't Iron: The Fascinating and Unalterable Differences between Men and Women* (New York: Citadel, 1999).

² Baron-Cohen, *Essential Difference*, 11.

³ Steven Pinker, *The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature* (London: Allen Lane, 2002), 351.

Я хочу сделать это по двум причинам. Во-первых, эта тема интересна и заслуживает более широкой известности. Вторая причина носит явный политический оттенок. Я назвала свою книгу «Миф о Марсе и Венере» и использую слово «миф» в двух значениях. Мысль о том, что мужчины и женщины значительно разнятся по стилям общения, — миф в общепринятом смысле слова: широко распространенное ложное убеждение. Но миф также и история, которую люди рассказывают, чтобы объяснить, кто они такие, откуда появились и почему живут именно таким образом. Правдивы эти истории с исторической или научной точки зрения или нет, они в любом случае имеют последствия в реальном мире. Они формируют наши представления и таким образом влияют на наши действия. Миф о Марсе и Венере — не исключение.

Например, мнение о том, что существует проблема «непонимания между мужчиной и женщиной», существенно влияет на наше отношение к изнасилованиям и сексуальным домогательствам. Приняв эту точку зрения, адвокат обвиняемого на полном серьезе может утверждать, что из-за различий в языке полов его подзащитный искренне, без злого умысла решил, что женщина дает согласие на секс, когда на самом деле пострадавшая не имела в виду ничего подобного. Если принять во внимание этот довод, обвиняемый в домогательстве мужчина может быть оправдан или наказан менее сурово на основании того, что не сознательно пренебрег желаниями женщины, а лишь неправильно ее понял.

Идея «непонимания» также лежит в основе многих современных программ полового воспитания, направленных на снижение риска изнасилования. Женщинам внушают, что поскольку мужчины предпочитают прямой стиль общения, единственное доступное для них выражение отказа — твердое «нет». Как мы увидим в главе 5, лингвистические исследования показывают, что это убеждение необосно-

ванно, а следование приведенному совету может поставить женщину в еще более затруднительное положение.

Занятость — еще одна область, в которой мифы о языке и полах могут привести к пагубному эффекту. Несколько лет назад руководителя колл-центра на северо-востоке Англии спросили, почему женщины составляют большую часть нанятых им агентов. Разве мужчины не предлагают свои услуги? Оказалось, что предложенные вакансии привлекали кандидатов обоего пола, так как в секторе высок уровень безработицы. Но вот как руководитель объяснил свой выбор: «Мы ищем людей, умеющих заговаривать клиентов, взаимодействовать с ними, устанавливая связь. Мы считаем, что... женщины по природе лучше справляются с подобными заданиями». Вскоре он признал: «Если честно, я думаю, что иногда мы нанимаем женщин потому, что они женщины, а не из-за того, что на собеседовании они проявляют себя с лучшей стороны»¹.

Рост количества колл-центров — часть более значительной тенденции в жизни экономически развитых стран. Сегодня в сфере услуг гораздо больше рабочих мест, чем на производстве. А на должностях, особенно связанных с прямым контактом с клиентами, ценятся языковые и коммуникативные навыки. Многие наниматели разделяют мнение руководителя колл-центра о том, что женщины по природе своей более компетентны в этой области, чем мужчины. Результат — своего рода дискриминация. Кандидаты-мужчины вынуждены доказывать, что они владеют необходимыми навыками, в то время как их наличие у женщин принимается на веру. Учитывая, что современная экономика основана на услугах, это неприятное известие для мужчин.

¹ Цит. по: Melissa Tyler and Steve Taylor, 'Come Fly with Us: Emotional Labour and the Commodification of Difference in the Airline Industry', Paper delivered at the International Labour Process Conference, Edinburgh, 1997, p. 10.

Но не только мужчины страдают от подобных мифов. Саймон Бэрн-Коуэн, например, считает, что мужчины и женщины по своей природе подходят для разных занятий. В «*Essential Difference*» он делает следующий «научный» вывод: люди с женским типом сознания добиваются успеха в качестве консультантов, учителей младших классов, медсестер, нянь, врачей-терапевтов, социальных работников, посредников, методистов, вспомогательного персонала.

Люди с мужским типом сознания добиваются успеха в качестве ученых, инженеров, механиков, техников, музыкантов, архитекторов, электриков, водопроводчиков, классификаторов, банкиров, слесарей, программистов, а также юристов¹.

Разница между этими списками отражает мнение Бэрн-Коуэна по поводу «важнейшего различия» в сознании мужчины и женщины. «Женские» профессии предполагают способность к чуткости и общению, в то время как в профессиях для мужского сознания необходима склонность к пониманию сложных систем. Бэрн-Коуэн осторожен и говорит о «людях с женским или мужским типом сознания», а не о мужчинах и женщинах. Он подчеркивает, что существуют мужчины с женским типом сознания, женщины с мужским типом сознания и представители обоих полов, сознание которых «уравновешено». Тем не менее автор называет основные типы сознания «мужским» и «женским», так как большинство мужчин обладают мужским сознанием, а большинство женщин — женским. И во многих случаях становится ясно, что, несмотря на его предупреждения не путать биологический пол человека с полом его сознания, сам он именно так и поступает.

Приведенный выше отрывок — удачный пример. Бэрн-Коуэн определяет профессию медсестры как подходящую для женского типа сознания, предполагающую чуткость (хотя заботливая и чуткая медсестра, которая не способна

¹ Baron-Cohen, *Essential Difference*, 185.

отмерить дозу или грамотно проводить клинические наблюдения, может причинить огромный вред). Профессию юриста он относит к «мужским» профессиям, требующим системного и аналитического мышления (хотя даже очень сведущий в законах юрист не сможет работать без навыков общения и умения разбираться в людях). Такие классификации основаны не на бесстрастном анализе требований, предъявляемых к профессиям, а на ежедневном опыте, подсказывающем, что большинство медсестер женщины, а большинство юристов — мужчины.

Если обобщить приведенные выше списки, трудно не заметить еще одно «важнейшее различие»: мужские профессии предполагают больше разнообразия и творчества, а также большее вознаграждение по сравнению с женскими. Вывод Бэрн-Коуэна возвращает меня на тридцать пять лет назад, в школьные времена, когда перед собеседованием по профориентации мы заполняли тесты, напечатанные на голубой и розовой бумаге. В те дни это называлось сексизмом, а не наукой.

Марс и Венера: пристальный взгляд

Под «мифом о Марсе и Венере» я прежде всего понимаю утверждение о том, что мужчины и женщины при общении по-разному используют язык. Все версии мифа разделяют эту базовую предпосылку. Большинство версий добавляют к ней несколько или все из следующих пунктов:

1. Язык и общение имеют для женщин большее значение, чем для мужчин; женщины разговаривают больше, чем мужчины.
2. Женщины обладают бóльшим даром к общению, чем мужчины.

3. Мужчины используют язык как инструмент для выполнения каких-либо задач, а женщины — как средство установления личной связи с людьми. Мужчины больше говорят о предметах и фактах, а женщины — о людях, отношениях и чувствах.
4. Мужчины проявляют в разговоре соперничество, что отражает их склонность к достижению и поддержанию статуса. Женщины же склонны к сотрудничеству, что отражает их тяготение к равноправию и гармонии.
5. Эти различия постоянно приводят к «непониманию» полов, когда один пол неверно истолковывает намерения другого. Это вызывает постоянные трудности при общении мужчины и женщины, особенно в личной сфере.

То, на какие пункты делается акцент, а каким уделяется меньше внимания, зачастую зависит от жанра, в котором работает автор книги. Мысль о том, что женщины более легки в общении, чем мужчины, особо подчеркивается в научно-популярных книгах, но ее избегают в самоучителях. Наоборот, авторы самоучителей обычно выставляют на передний план тему непонимания между мужчинами и женщинами, в то время как авторы научно-популярной литературы менее интересуются тонкостями личных отношений.

Самые очевидные расхождения между этими жанрами касаются антитезы «природа — воспитание». Научно-популярные книги обычно придерживаются мнения, что любые различия между полами имеют биологическое, а не социальное происхождение. Таким образом, различия между вербальным поведением мужчин и женщин объясняются с биологической точки зрения. Напротив, в самоучителях делается акцент не на объяснении причин различий, а на обработке их предполагаемых последствий. Некоторые авторы придерживаются теории воспитания, но многие обходят этот вопрос. Джон Грей, например, ограничивается

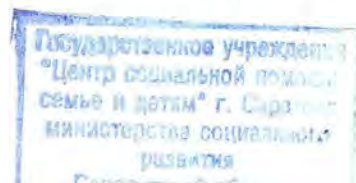
фантастической историей, давшей название его книге: мужчины и женщины различны потому, что попали на землю с разных планет.

Тем не менее, несмотря на расхождения в акцентах и манере изложения, версии мифа о Марсе и Венере в самоучителях и научно-популярной литературе имеют больше сходств, чем различий. Большинство предлагает одинаковое отношение к различиям: терпимость и взаимоуважение. Мы не должны игнорировать различия, но также не должны выносить отрицательные суждения о том или ином предположении автора. Нам следует думать о мужчинах и женщинах как о «различных, но равных».

К примеру, Саймон Бэрон-Коуэн завершает «*Essential Difference*» следующим призывом: «Общество должно стать терпимее к важнейшим различиям в сознании»¹. Он уверен, что в равноправном обществе должно признаваться и цениться многообразие. Дебора Теннен также на стороне «различий при равенстве», хотя и отрицает мысль о «важнейших различиях в сознании». С ее точки зрения, различия между мужчинами и женщинами — продукт социальных установок. Она акцентирует внимание на том, что половые различия равноценны этническому и национальному и заслуживают такого же уважения. Требовать от одного пола уподобиться другому равносильно попытке превратить одну культуру в образец для всех прочих. Биологический детерминист и культурный релятивист могут заниматься разными вещами, но в главном они всегда найдут общий язык.

Читатели готовы последовать за этими авторами потому, что их мнение согласуется с массовыми либеральными ценностями. Кто же не поддерживает терпимость и уважение! Однако теория «различия при равенстве» имеет отнюдь не либеральное происхождение. Этот тезис был частью офици-

¹ Baron-Cohen, *Essential Difference*, 184.

альной идеологии южноафриканского апартеида. Он также был популярен среди антисуфражистов, исповедовавших доктрину «раздельных сфер». Согласно этой доктрине, у каждого пола есть своя сфера деятельности и влияния. Мужчинам следует занимать главенствующее положение в областях политики, управления, торговли и промышленности, уступая женщинам первенство в частной сфере ведения домашнего хозяйства. Предоставить женщинам избирательное право означало бы разрушить естественные устои, впустив женщин в мужскую сферу и уменьшив их вклад в женской сфере.

Важной стороной этой проблемы является и то, что, назвав сферы равными, невозможно сделать их таковыми. Именно это мы видим, читая списки профессий для людей с женским и мужским сознанием Саймона Бэрон-Кюэна. То, что предлагает Бэрон-Кюээн, слишком похоже на доктрину раздельных сфер XXI века. Он не заявляет, что место женщины в доме. Однако утверждает, что естественное разделение труда — то, при котором мужчины создают, планируют, объясняют, принимают решения, а женщины служат окружающим и заботятся об их нуждах.

Сегодня, когда старые обоснования потеряли силу, идею о том, что женщины от природы склонны к заботе, начали связывать с мифом о Марсе и Венере. А он говорит, что женщины наделены даром общения, нацеленного на сотрудничество, взаимопонимание и сочувствие. Мужчины, наоборот, лишены этого дара: они немногословны, эмоционально неразвиты, бесчувственны и агрессивны.

Литература, рассматривающая миф о Марсе и Венере, в высшей степени покровительствует мужчинам. Даже если девиз автора — «различия при равенстве», он зачастую сводится на нет примерами общения мужчин и женщин, в которых мужчины выступают забияками, вздорными мальчишками, неандертальцами, живущими в пещерах. Один из создателей этого собрания стереотипов

дошел до того, что назвал свою книгу «Если бы мужчины умели говорить»¹. Книга под названием «Если бы женщины умели думать» сразу же подверглась бы осуждению. Почему мужчины мирятся с книгами, ставящими их в один ряд с кенгуру? «Эй, постойте: кажется, он пытается что-то сказать!»

Возможно, мужчины поняли, что дурная репутация может иногда оказаться полезной. Как и убеждение в том, что они не приспособлены для выполнения домашних обязанностей, убеждение в их необщительности помогает мужчинам избавиться от чего-то, что они в любом случае оставили бы женщинам. Ниже мы увидим, что мужчины далеко не всегда передают женщинам право вести переговоры. Во многих случаях у них не возникает сложностей с выражением своих мыслей. Наоборот, они склонны занимать в разговоре ведущее положение.

Это должно нам напомнить, что в отношениях между полами важны не только природные различия, но и власть. От женщин издавна ожидают проявления заботы об окружающих в связи с присущим им местом «слабого пола». То, что мы все еще живем в мире мужчин — в обществе, где представители полов далеко не равны, — бревно в глазу этого общества, которое никто не хочет замечать. Некоторые авторы признают существование неравенства, но представляют его как результат досадной ошибки в «оценке разнообразия». Если мы научимся понимать и принимать любого человека и будем уважать друг друга, несправедливость исчезнет. Но если мы добавим к нашей проблеме идею власти, окажется, что мужчины и женщины становятся различными, так как с ними по-разному общаются, а вовсе не то, что с мужчинами и женщинами следует общаться по-разному, так как они различны.

¹ Alon Gratch, *If Men Could Talk: Unlocking the Secret Language of Men* (New York: Little, Brown, 2001).

В середине 1970-х лингвист Робин Лакофф написала статью «Язык и место женщины», в которой заявила, что манера женщины разговаривать отражает и закрепляет ее второстепенное положение¹. Она предположила, что многие характеристики женского речевого поведения являются символическими выражениями подчинения и бессилия. В качестве примеров автор приводит уклончивость (использование спецификаторов «немножко», «вроде»), предпочтение «поверхностных» прилагательных («симпатичный») и точных названий цветов («сиреневый» вместо «фиолетовый»), оформление утверждений в виде вопросов, «сверхвежливость», избегание табуированной лексики. Женщины часто употребляют фразы типа «Я вовсе на этом не настаиваю...» или «Я знаю, что не имею права это говорить...» Лакофф сочла, что дамы попали в двойную западню. Если бы они не говорили на «женском языке», их бы сочли неженственными. Но, говоря на нем, они подтверждают мнение о том, что женщины не могут выражаться решительно и авторитетно, а потому не подходят для ответственных постов. У женщин был выбор, но, на что бы они ни решились, решение оказалось бы не в их пользу.

Статья Лакофф была написана более тридцати лет назад, и некоторые из ее утверждений о языке женщин, основанные более на интуиции, чем на фактах, не подтверждены данными современных исследований. Однако более общее заявление о связи коммуникации, пола и власти осталось в силе. Хотя не многие исследователи верят, что исключительно фактор власти объясняет всю картину (большинство не верит в то, что фактор может быть одним), власть является значимой составляющей. Исследовательский материал продолжает указывать на

власть как на важный фактор, определяющий общение мужчин и женщин.

Тем не менее в литературе о Марсе и Венере об этом нет ни слова. Массовые источники выборочно используют исследовательские данные. Иногда они упускают непроверяемые результаты исследований, а некоторые их высказывания вообще не подкреплены никакими данными.

Если ситуация, обрисованная в книгах о Марсе и Венере, обрывочна и неточна, почему так много людей верит в этот миф? В отношении большинства читателей, увлекающихся самоучителями и популярными книгами по психологии, можно сказать, что они судят о содержании литературы по степени схожести с собственным опытом. Самоучители часто хвалят за «мгновенно узнаваемые» примеры поведения мужчин и женщин. Это поражает: ведь читатели годами наблюдают настоящие разговоры настоящих мужчин и женщин. Почему они признают истинными описания, основанные на мифе, а не на реальности?

Это обычная ситуация. Подобное происходит благодаря склонности человека полагаться на стереотипы, не задумываясь об истинном положении дел. И хотя мы часто считаем стереотипы уделом невежества и предубеждений, мы все равно прибегаем к ним в той или иной степени. Многие психологи возразят, что стереотипы — обобщенные представления о различных группах людей — широко распространены из-за их жизненной необходимости для общества. Это ярлыки, помогающие нам иметь дело с новыми людьми и ситуациями, обобщая и систематизируя многообразие человеческого поведения. Но стереотипы имеют и отрицательную сторону: они закрепляют предубеждения и заставляют нас замечать лишь то, что мы ожидаем или хотим увидеть.

¹ Robin Lakoff, *Language and Woman's Place* (New York: Harper & Row, 1975).

Поиски различий (и как это искажает реальность)

Мой отец, как многие представители его поколения, был убежден в том, что женщины — плохие водители. Во времена моего отрочества наши поездки непременно сопровождалась бесконечными комментариями об ошибках женщин-водителей, двигающихся в соседних рядах. В конце концов мне это надоело, и я принялась прочесывать поток машин в поисках противоположных примеров: грамотных водителей-женщин и плохих водителей-мужчин.

Обычно отец соглашался, что привлекшие мое внимание мужчины водили плохо, но не потому, что они мужчины. Женские же ошибки были непременно обусловлены полом. Плохие водители-мужчины были либо «паршивцами», не считающимися с окружающими не только на дороге, либо «неумехами», мужчинами в возрасте, плохо владеющими автомобилем, так как они садятся за руль исключительно по выходным. А в отношении безупречно управляющих машинами женщин мой папа был поражен. Казалось, что он не замечал их до того, как я на них указала.

Тогда я думала, что у моего отца исключительная способность подгонять реальность под свои предубеждения, но теперь знаю, что ошибалась. Психологи обнаружили, что, оценивая ситуацию, люди обычно уделяют больше внимания тому, что отвечает их ожиданиям, и упускают то, что с ними не сходится. Когда их просят описать поведение человека, понаблюдав за ним, они вспоминают действия, «согласующиеся со стереотипами», быстрее и легче, чем не согласующиеся. Также они дольше помнят о стереотипных действиях. Если их внимание обращают на чье-либо нестереотипное поведение, они объясняют его исключением из правил (подобно «паршивцам» и «неумехам» моего отца).

Стереотипное поведение, напротив, считается не требующим объяснений¹.

Несложно понять, что читатели книг о Марсе и Венере «узнают» мифы о языке мужчин и женщин, если их наблюдения укладываются в известные им стереотипы. Проиллюстрируем это примером «мужского» поведения, основанного на соперничестве, и женского, нацеленного на сотрудничество. Читатели без труда вспомнят случаи из личного опыта, когда мужчины соперничали при разговоре, а женщины сотрудничали. Но, возможно, они не вспомнят ситуации, когда наблюдали противоположное поведение. Если им и придут на ум такие примеры, читатели обратятся к классическому приему, отнеся их к категории исключений. — «А Дженет? Я не знаю человека, более склонного к соперничеству». — «Еще бы, она росла с тремя братьями, она — единственная женщина в отделе, она работает в сфере, где силен дух соперничества».

В отношении поведения мужчин и женщин стереотипы заставляют нас ожидать различия, а не сходства. Мы ищем различия и отдаем предпочтение источникам, обсуждающим их. Сталкиваясь с заявлениями, подобными «Мужчины разговаривают по телефону стоя, а женщины — сидя», нашей первой реакцией скорее будет «Как интересно!», чем упомянутое в начале главы «Ну и что?». Мы уделяем меньше внимания сходству между мужчинами и женщинами. И это отражается не только в наших ежедневных разговорах, но и в мире науки, считающемся объективным.

Большинство исследований, посвященных изучению поведения мужчин и женщин, сфокусированы на вопросе: «Есть ли между ними различия?» Обычно предполагает-

¹ Эти находки обсуждаются в кн.: John F. Dovidio, 'Stereotypes', *Cambridge Encyclopedia of Language Sciences* (Cambridge: Cambridge University Press, 2007).

ся, что различия есть. Если исследование показывает значительные различия между участниками и участницами опыта (то есть результат не может быть случайным), это наблюдение считается «положительным», и у него большие шансы быть опубликованным в научном журнале. У исследования, не обнаружившего значительных различий, шансы гораздо меньше. Это означает, что отрицательные результаты не допускаются к публикации. Также, если исследованию подвергалось множество аспектов, а положительные результаты были обнаружены только по одному или двум, исследователи будут подчеркивать именно эти, менее типичные результаты.

Предпочтение публикации положительных наблюдений понятно. Сообщение «мы что-то искали, но не нашли» не вдохновляет на чтение статьи. Но если исследование было профессионально спланировано и проведено, любой его результат должен считаться открытием. «Мужчины и женщины одинаково справились с задачей X» — такой же факт, как «мужчины и женщины по-разному справились с задачей X». Если наблюдения, подтверждающие различия между мужчинами и женщинами, публикуются чаще, чем наблюдения, отрицающие их существование, получается, что исследовательская литература систематически искажает сложившуюся картину.

Звучная наука

Большинство людей, разумеется, не читают научных журналов. Они получают информацию о результатах научных исследований из газет и документальных фильмов. Эти источники часто предлагают исследования о различиях полов, так как известен повышенный интерес публики к этой теме. Однако критерии отбора материала и способы его подачи ведут к искажениям другого рода.

В 2005 году результаты исследования, проведенные в научном журнале *NeuroImage*, публиковали все мировые средства информации. Отчет был вполне обычным:

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРАВДА ЛИ МУЖЧИНАМ ТРУДНО СЛУШАТЬ ЖЕНЩИН?

У мужчин, которых обвиняют в глухоте по отношению к женщинам, теперь есть оправдание. Мужчинам труднее слышать голоса женщин, чем голоса других мужчин.

Согласно отчету исследователей Шеффилдского университета в северной части Англии, они обнаружили поразительные различия в том, как мозг реагирует на звуки, произведенные мужчинами и женщинами.

Исследование показывает, что мужчины декодируют женские голоса, используя слуховую долю мозга, обрабатывающую музыку, в то время как для мужских голосов используется более простой механизм¹.

Это классический пример «звучной науки». Перед нами отрывок исследования, создающий броские заголовки из-за того, что может быть легко сведен к простому, броскому и знакомому утверждению. Шеффилдское исследование подтверждает избитый стереотип: мужчины не слышат, что говорят женщины. Далее оно предоставляет объяснение, которое многие ожидают и желают увидеть (это обусловлено принципами работы мужского мозга). Так исследование становится в контекст давнего спора в продолжающейся «битве полов». Как говорится в процитированном мною отчете, «у мужчин теперь есть оправдание»². Вопреки мнению женщин, мужчины, не слушающие их, вовсе не не-

¹ *ABC NewsOn-Line*, 17 August 2005.

² Необходимо отметить, что это не слова самих исследователей: ученые были недовольны тем, в каком свете было представлено их исследование.

внимательны. Им действительно трудно слышать то, что говорят женщины. Если бы исследователи обнаружили, что мужской мозг одинаково обрабатывает речь мужчин и женщин, это тоже было бы вкладом в науку. Но средства массовой информации таким выводом наверняка не заинтересовались бы.

В приведенном примере средства массовой информации передавали сведения об итогах настоящего исследования, опубликованных в авторитетном журнале. Однако бывают случаи, когда новостью становятся факты, не имеющие никакого подтверждения. Например, в 2006 году в научно-популярной книге «The Female Brain» было объявлено, что в среднем женщины произносят в день 20 000 слов, а мужчины — 7000¹. Так же, как заключение о том, что «мужчинам трудно слушать женщин», это было превосходным материалом для «звучной науки». Данные подтверждали популярное мнение, что женщины более болтливы, одновременно доводя до сведения читателей, что масштаб различий даже больше, чем кто-либо предполагал. «Данные», согласно которым женщины говорят примерно в три раза больше, чем мужчины, напечатали газеты всего мира.

Единственным человеком, который в это не поверил, был Марк Либерман, профессор фонетики, много работавший с речью. Сомнения побудили его тщательно изучить примечания «The Female Brain» и выяснить, откуда автор взял свои цифры. Он обнаружил ссылку не на научное исследование, а на самоучитель. Продравшись сквозь дебри популярной литературы, Либерман столкнулся с несколькими несоответствиями. Данные значительно различались: разные авторы (а иногда и один автор в разных книгах) называли среднее количество произносимых женщиной слов от 4000 до 25 000. Насколько мог судить Либерман, все эти цифры

¹ Louann Brizendine, *The Female Brain* (New York: Morgan Road, 2006).

были взяты с потолка: ни в одном случае не цитировалось настоящее научное исследование. Он заключил, что никто никогда не проводил настоящего исследования, отслеживающее количество слов, произнесенных в день, на выборке из мужчин и женщин. Все цифры разнились потому, что были чистым вымыслом¹.

После того как Либерман указал на это в газетной статье², автор «The Female Brain» согласилась, что ее утверждение не основано на конкретных фактах и будет удалено из будущих изданий. Но дезинформация читателей уже сделала свое черное дело. Распространенная в печати фраза о том, что женщины говорят в три раза больше мужчин, сохранилась в памяти людей и долго еще будет всплывать в разговорах. Опровержение не получит такого резонанса. Вот так мифы становятся фактами.

Цель моей книги — не опровергнуть существование различий между мужчинами и женщинами и не погасить интерес к этой теме. Я прежде всего хочу отделить факты от мифов, данные от слухов, здравые заключения от умозрительных и огульных обобщений. Если мы серьезно относимся к пониманию отношений между языком и гендером, нам необходимы более совершенные способы осмысления

¹ Всем интересующимся истинными данными можно ответить лишь, что их невозможно установить. Различий настолько много, что среднее значение неактуально. То, сколько говорят люди, во многом зависит от того, что и с кем они делают. Престарелая домохозяйка, у которой редко бывают посетители, может произносить по несколько слов в день. Молодой человек, работающий в сфере телефонных продаж и ведущий активную социальную жизнь, может произносить большое количество слов. Газета *Guardian* провела эксперимент, в ходе которого в течение дня записывались слова журналистов мужского и женского пола, занимавшихся примерно одинаковыми делами (см.: 'Do Women Really Talk More?', *Guardian*, 27 November 2006). Мало что можно заключить из однодневного наблюдения за выборкой из двух человек, но заметьте, что женщина произнесла 12 329 слов, а мужчина — 11 279.

² Mark Liberman, 'Sex on the Brain', *Boston Globe*, 24 September 2006.

поведения мужчин и женщин, их сходств и различий. Миф о Марсе и Венере груб и неполон: он преувеличивает глубину различий и упрощает их причины.

Я намерена объявить о его значении не только с «научной» точки зрения. По-моему, мы обязаны задаться тремя вопросами в отношении мифа о Марсе и Венере. Во-первых, на чем основываются его утверждения о мужчинах, женщинах и языке? Во-вторых, какие последствия он имеет в реальности, если многие люди верят в его утверждения? И в-третьих, зачем создаются эти утверждения? В век равенства полов, при стремительном развитии науки, в век искусственного воспроизводства и генной инженерии, почему нас непрерывно уговаривают «быть терпимее» к естественным различиям полов? В своей книге я попытаюсь найти ответы на эти вопросы.

2 ГЛАВА

Время и место: вписываем мифы в контекст

В 1950 году колонка «Страдания и муки» журнала *Woman's Own* опубликовала письмо женщины, недовольной тем, что ее муж проявляет больший интерес к своим увлечениям, чем к разговорам с женой¹. Редактор колонки ответил:

Я вам сочувствую, но сомневаюсь, что что-либо излечит вашего мужа от принадлежности к мужскому полу. А это и является истинной проблемой. Природа предназначила самца человека для охоты и войны (в случае вашего мужа это туризм и футбол), в то время как самка остается в пещере, где присматривает за детьми.

Другое письмо, напечатанное в том же году, пришло от женщины, подозревающей, что муж ее разлюбил. По ее словам, он был хорошим кормильцем и превосходно справлялся с домашними обязанностями, но никогда не говорил ни слова о любви к ней. Редактор заверил ее, что она волнуется необоснованно:

¹ Отрывки из *Woman's Own* цит. по: Laura Tokha, '«I suggest you accept everything»: *Woman's Own* Agony Columns in 1950, 1970 and 1990' (University of Tampere, 1993).

Это объясняется тем, что ваш муж, как многие мужчины, не может выразить свои чувства при помощи тех мелочей, которые так много значат для большинства женщин. Обычный мужчина считает, что тяжелым трудом на благо жены и детей, работая по дому и отдавая большую часть зарплаты, он выражает свою любовь к семье. Что и делает ваш муж. Я предлагаю вам воспринимать все, что он делает для вас, как выражение его любви.

Совет 1950 года содержит те компоненты, которые Дебора Теннен и Джон Грей превратили в формулу коммерческого успеха: несчастные женщины, жаждущие близкого общения, немногословные мужчины, не способные его обеспечить, и специалисты, убеждающие женщин смириться с неизбежным. Очевидно, миф о Марсе и Венере не появился из ниоткуда в начале 90-х. Но существовал ли он всегда в той или иной форме?

Ответом на этот вопрос будет «нет». Мнения в отношении этого предмета не вечны, они различаются в разных культурах и меняются со временем. Лишь нечто более сложное остается неизменным. В каждом отдельном времени и пространстве представление общества о языке мужчин и женщин будет происходить от представлений о самих мужчинах и женщинах: их природе, взаимоотношениях, подобающем месте в обществе. Так как взгляды на эти вещи разнятся и меняются, модифицируются и взгляды на то, как общаются и мужчины и женщины.

Марс и Венера в истории

Нынешний миф о Марсе и Венере во многом зависит от утверждения, что женщины любят говорить и хорошо владеют языком, а мужчины похожи на мужей из писем: они предпочитают действия разговорам, и им трудно выразить мысли при помощи слов. В «научных» версиях мифа это

объясняется тем, что женские языковые способности от природы более развиты, чем мужские. Считается, что у девочек речь развивается быстрее. Представить женщину разговаривающей легче, чем мужчину, у женщин шире словарный запас (и они быстрее его пополняют), а стили общения разнообразнее. Также считается, что они говорят «правильнее» и «учтивее», чем мужчины.

Так это или нет, мы разберемся далее, но подобные утверждения стали настолько популярны, что если вы зададите группе людей вопрос: «Представители какого пола говорят четче (плавнее; правильнее; изящнее)?» или просто «Представители какого пола лучше владеют языком?», большинство (и мужчины, и женщины) скорее всего ответят: «Женского». Это мнение закрепилось относительно недавно. Еще близки те дни, когда многие считали женщин отстающими от мужчин как в области развития интеллекта, так и в области языка.

Ретроспективу стоит начать с Англии XVIII века. Тогда люди очень ревностно относились к правильному словоупотреблению, и именно это время является источником многочисленных суждений по интересующему нас вопросу. Авторы литературных статей хвалили такие достоинства языка, как красноречие, изящество, правильность, и волновались из-за «искажения» языка противоположными качествами. И именно мужчины (точнее, мужчины из высшего общества) считались самыми красноречивыми, самыми изящными и самыми воспитанными. Мужчины были хранителями языкового богатства, а женские несовершенства угрожали его погубить и были вечной темой критики и сатиры. Для примера я привожу саркастическое высказывание лорда Честерфилда, датированное 1777 годом:

Язык, бесспорно, является вотчиной слабого пола: именно там они проявляют себя блистательнее всего. Потoki их красноре-

чия, особенно бурные во время ссор, сметают все препятствия и превращают в беспорядочную массу существительные, глаголы, наклонения и времена. Если им недостает слов, что случается редко, их негодование немедленно создает новые. Я часто замечал, как четыре или пять слогов, до тех пор не знакомые друг с другом, поспешно и в произвольном порядке соединялись в одно слово великой силы¹.

Один из стереотипов Честерфилда узнать легко: женщины слишком много говорят. В других отношениях его убеждения далеки от современных. Его женщины не ищут взаимопонимания, они ссорятся. Их словарный запас не больше мужского. Напротив, он настолько беден, что они обращаются к слиянию слогов для создания новых слов. В грамматике они тоже не сильны. Присущая им болтливость и необразованность вынуждают их смешивать «существительные, глаголы, наклонения и времена».

Так как у нас нет прямых доказательств того, как разговаривали мужчины и женщины во времена Честерфилда, сложно сказать, отвечает ли такое изображение женской речи (повторяемое множеством современников) истине или является плодом предубеждений. Ведь информацию мы получаем из письменных источников, созданных преимущественно мужчинами. Существование предубеждений очевидно для любого человека, знакомого с современными источниками. Возможно и то, что англичанки XVIII века действительно обладали менее развитым словарным запасом и хуже справлялись с «правильным» словоупотреблением, чем мужчины (точнее, мужчины из высшего общества). Обычно женщины получали менее качественное образование, и их учили на английском языке, а не на латыни и греческом. (Многие правила английского языка того времени основывались на правилах латыни, и мно-

гие сложные слова были заимствованы из этого мертвого языка.)

Неизвестная сочинительница более раннего произведения «*An Essay in Defence of the Female Sex*» отрицала, что из-за недостатка классического образования женщины были ущербны в области языка. Напротив, она утверждала, что, не тратя долгие годы на изучение латыни, девочки получали преимущество в английском. Они развивали «владение словами и значениями», с ранних лет читая книги на родном языке. По ее словам, мальчики отставали от них на несколько лет, и «семнадцати или восемнадцати лет... не отличались от девиц девяти или десяти годов»¹.

Мнение этой женщины было необычным для ее времени. Лишь много позже общество согласилось, что язык женщин более развит. В областях речевого поведения, считавшихся связанными с общими интеллектуальными способностями, мужчин изображали более одаренными, чем женщин, вплоть до XX века.

В 1922 году датский ученый Отто Ясперсен опубликовал общее исследование о свойствах и происхождении языка, включавшее главу под названием «Женщина». Основываясь на таких разнообразных (а иногда и недостоверных) источниках, как рассказы путешественников XVII века, диалоги персонажей женского пола, созданных мужчинами-писателями и драматургами, собственные наблюдения и эксперименты психологов, Ясперсен попытался подытожить известные ему знания о различиях в речи мужчин и женщин.

«Женщина» — один из самых ранних примеров системного и научного подхода к этой теме. Ясперсен, несомненно, стремился дать объективную оценку. Но современному чи-

¹ Цит. по: Richard Bailey, *Images of English: A Cultural History of the Language* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), 253.

¹ Anon., *An Essay in Defence of the Female Sex* (London: Roper & Wilkinson, 1697), 57-8.

тателю понятно, что он предвзято отнесся к выбранной теме: он считал, что женщины мыслят менее логично и творчески, чем мужчины, и считал доказанным, что это обязательно отражается в их речи.

Ясперсен хвалит женщин за «очищение» языка благодаря «инстинктивному избеганию грубых и вульгарных выражений и предпочтению изящных... завуалированных и непрямых выражений»¹. Однако он продолжает рассуждения, отмечая «опасность того, что язык станет вялым и пресным, если мы всегда будем довольствоваться женскими выражениями»². Честерфилд, писавший во времена, когда нововведения в языке считались «искажениями», приписывал привычку создавать новые слова женщинам. Ясперсен, писавший тогда, когда в цене были оригинальность и изобретательность, утверждал, что это мужчины «обновляют» язык, выковывая новые слова.

Ясперсен разделяет с мыслителями XVIII века тезис о том, что у женщин меньший словарный запас, чем у мужчин (с чем не согласны современные специалисты). Он описывает опыт, в ходе которого ведущий попросил 25 студентов и столько же студенток записать как можно быстрее первые 100 слов, пришедшие в голову. Мужчины написали почти на 250 слов больше, чем женщины, и большинство из их слов обозначали абстрактные понятия. Ясперсен сделал вывод, что женский словарь меньше и содержит больше «повседневных» слов по сравнению с мужским. Его пояснение связано с теорией, популяризовавшейся педагогами XIX века: женщины думают быстро, но поверхностно, а мужчины думают дольше, но глубже.

¹ Otto Jespersen, 'The Woman', воспроизведено в Deborah Cameron (ред.), *The Feminist Critique of Language* (London: Routledge, 1998), 233.

² Там же, с. 234.

С точки зрения языка женщина проворнее мужчины: она быстрее слышит, быстрее понимает, быстрее отвечает. Мужчина медленнее: он колеблется, тщательно пережевывает, пробуя вкус услышанных слов, готовясь к произнесению самого уместного существительного или прилагательного¹.

Поверхностность женского мышления также проявляется в том, как женщины выстраивают свои предложения. Согласно Ясперсену, мужчины используют сложноподчиненные предложения, чтобы выразить логические отношения между идеями, в то время как женщины просто нанизывают идеи друг на друга при помощи универсального союза «и». «Иерархия соответствующих идей обозначается не грамматически, а эмоционально, при помощи звукового ударения и интонации, а на письме — при помощи подчеркивания»². Неполные восклицательные предложения (типа «Да я никогда!») также отнесены к женской речи. Объясняя этот феномен, Ясперсен цитирует писателя Томаса Гарди, однажды описавшего персонаж женского пола следующими словами: «Вот особенность женщин: они заканчивают мысль, не начав предложение, призванное ее выразить».

Современному читателю процитированные мною комментарии Ясперсена покажутся в лучшем случае снисходительными по отношению к женщинам, а в худшем — явно оскорбительными. Но в свое время этого автора не сочли бы пристрастным. Высказанные им предрассудки не подвергались сомнениям, и большинство принимало их как всеобщее убеждение. Мы не согласны с ними потому, что всеобщие убеждения изменились.

Самое значительное изменение состоит в том, что мы не считаем женщин менее умными, рациональными и логичными, чем мужчины. Поэтому мы склонны отбросить линг-

¹ Цит. соч., с. 236.

² Там же, с. 238.

вистические стереотипы, основанные на этом утверждении. К ним относится мнение, что женщины не в состоянии строить грамматически сложные предложения. Более лестные стереотипы, подобные убеждению, что речь женщин более изящна и менее «груба», остались в силе. А некоторые из обвинений, такие как «женщины много говорят» и «женщины слишком эмоциональны», не только выжили, но превратились в комплименты. Сегодня «четкость», «владение языком» и «эмоциональная грамотность» — это те качества, которые делают женщин лучшими собеседниками по сравнению с мужчинами.

Это отражает другое значительное изменение в мышлении, затрагивающее не только мужчин и женщин, но и язык и коммуникацию. Произошел сдвиг в представлениях о полезной и грамотной речи. Историк Теодор Зелдин отмечает, что викторианские советы по ведению разговора во многом зависят от этикета, но останавливается и на пункте, немаловажном для современных читателей: «понятие о личном контакте, интимной встрече умов и интересов»¹. С викторианских времен (и особенно после подъема «культуры терапии» в 60-х и 70-х годах XX века) возникновение «интимной встречи умов» стало восприниматься в качестве квинтэссенции успешного общения. Следовательно, современное представление об умении разговаривать уделяет меньше внимания красноречию и правильности и гораздо больше связано с честностью, откровенностью и сочувствием.

Сдвиг приоритетов вызвал изменение в нашей оценке речевых навыков мужчин и женщин. Красноречие принадлежало Марсу, но сочувствие — удел Венеры. По крайней мере, так обстоят дела в современных западных обществах. А что происходит в остальных частях света?

¹ Theodore Zeldin, *Conversation: How Talk Can Change Your Life* (London: Harvill Press, 1998), 94.

Марс и Венера в разных культурах

В первой половине XX века несколько антропологов опубликовали описания неевропейских культур, в которых якобы существовали разные языки для мужчин и женщин. Ученые не имели в виду, что представители разных полов пользовались совершенно разными языковыми системами, а то, что в языках существовали различия словоформ и произношения отдельных звуков. Например, Александр Чемберлен в краткой статье 1912 года «Women's Languages» говорит, что индейцы карая по-разному произносят название напитка «jасуба». Мужчины произносят его как «шаэба», а женщины — как «шакэба»¹.

Подобный интерес к «языкам женщин» был частью более широкого увлечения «экзотикой» и «примитивизмом». Различные языковые формы для мужчин и женщин рассматривались как пережиток ранней стадии развития человеческой культуры, который давно изжит. В 1944 году Пол Фарфи писал о различиях в языках полов как о «феномене, слабо проявляющемся в известных европейских языках, но далеко не чуждом отсталым народам»². Он также называл их «инструментом доминирования [мужского] пола».

Ученые, подобные Фарфи, связывали стирание различий в языке полов, произошедшее, по их мнению, в европейских культурах, с прогрессом цивилизации и общества. Активное разграничение языка на мужской и женский было для них признаком отсталости. Это представляет нынешнюю популярность мифа о Марсе и Венере в особом свете. Теперь-то мы знаем, что исследователи прошлого ошибались, считая различие речи по половому признаку исключительной особенностью традиционных неевропейских культур: по-

¹ Alexander Chamberlain, 'Women's Languages', *American Anthropologist*, 14 (1912), 579–818.

² Paul Furfey, 'Men's and Women's Language', *American Catholic Sociological Review*, 5 (1944), 218.

добные примеры нетрудно найти и в западных обществах. То, что они воспринимали половые различия в языке как нечто чуждое и экзотическое, заставило их преувеличивать самобытность мужских и женских речевых форм и, возможно, неверно истолковывать значение различий.

Подобно понятию «отсталые народы», с которым оно было связано, понятие «языки мужчин и женщин» больше не используется антропологами. Однако исследования влияния гендера на манеру речи в разных культурах продолжились. Их результаты подкрепляют утверждение, что миф о Марсе и Венере в отношении языка мужчин и женщин вовсе не универсален.

В Гапун, отдаленной деревне на реке Сепик в Папуа-Новой Гвинее, слова Ясперсена об инстинктивном избегании женщинами грубых и вульгарных выражений встретили бы непонимание, если не усмешку. В этом обществе вульгарные выражения — исключительно женская прерогатива. Когда женщины Гапун сердятся на своих мужей (хотя на месте мужа может быть кто угодно), они не изливают обиду в слезах на плече товарки, а прибегают к жанру речи, известному в деревне под названием «крос».

«Крос» в переводе с ток писина¹ означает «злой». Это монолог, в котором один человек жалуется на поведение другого, обычно прибегая к бранным словам. Зачастую крос продолжителен (сорокапятиминутные монологи — не редкость). Он произносится в доме, но рассчитан на то, чтобы его слышала вся деревня. Согласно правилам, объект кроса не может отвечать на него, так же как и кто-либо другой. Если крос из монолога превратится в ссору, высока вероятность возникновения настоящей драки. Гапунцы предпочитают дать говорящей возможность высказать все, что она считает нужным. Став общественным достоянием,

¹ Ток писин — pidgin-english, государственный язык Папуа-Новой Гвинеи.

ее обида при необходимости может быть высказана более дипломатичным способом.

Я использовала местоимения «она» и «ее», потому что крос — почти исключительно женский жанр. К кросу изредка могут прибегнуть вдовцы; другие мужчины при необходимости просят жен произнести крос вместо себя. В одном из кросов, записанных Доном Куликом, Сейк обращается к своему мужу Аллану после ссоры. Она провалилась в дыру в прогнившем полу своего дома (этот дом построил Аллан, и теоретически он отвечает за его состояние). В последовавшей стычке Аллан ударил жену обломком стебля сахарного тростника, когда она угрожала порезать его мачете и сжечь дом дотла. Когда муж вышел из дома, Сейк начала тираду оскорблений. Ниже приводится переведенный дословно отрывок, передающий ее настроение¹:

Ах ты чертов подонок! Слышишь? Твой хрен полон личинок. Ты — огромный вонючий хрен. Каменные яйца!... Черный хрен! Ах ты хрен своего дедушки! Хорошенький дом ты мне построил, раз я только что провалилась! А ты еще и ударил меня по руке обломком стебля сахарного тростника! Ах ты дыра своей матери!

Разумеется, вместо приведенного отрывка антрополог мог бы записать монолог женщины в центре английского города после закрытия пабов в пятницу вечером. Но когда западные леди ведут себя таким образом, считается, что они проявляют «мужские» черты. В Гапун, напротив, когда женщины прибегают к прямолинейной грубой речи, насыщенной оскорблениями и непристойностями, никто не считает, что они ведут себя как мужчины. Считается, что они предаются естественному женскому занятию.

¹ Эти оскорбления были высказаны на смеси ток писина и местного языка тайапа. Пер. на англ. Дон Кулик. См.: Don Kulick, 'Speaking as a Woman: Structure and Gender in Domestic Arguments in a New Guinea Village', *Cultural Anthropology*, 8/4 (1993), 522.

Жители деревни верят, что люди наделены двумя противоположными качествами: хед (приблизительно «быть упрямым, своевольным») и сейв (буквально «знания», но под этим словом подразумевается «проницательность», «здравомыслие»). Хед дается людям при рождении, сейв развивается в течение жизни. Каждый взрослый человек обладает обеими чертами, но мужчины легче, чем женщины, подчиняют хед сейву, и это различие выражается в речевом поведении. Мужчины гордятся способностью иносказательно выражать свои мысли, контролировать эмоции и скрывать истинное мнение, чтобы избежать конфликта. Женщины, наоборот, конфликтны и агрессивны. Вот что сказал Дону Кулику Круни, один из самых старых мужчин деревни: «Они нисколько не подавляют хед. Совершенно. Говорят крос на грубом языке — вот что делают женщины, такая у них привычка. А сейва у них нет вообще»¹.

Говоря языком Джона Грея, Гапун — это место, в котором живут мужчины с Венеры и женщины с Марса. И эта деревня не уникальна. Сама форма поведения женщин-марсианок встречается только в Гапун, но различия между прямолинейным и агрессивным стилем общения женщин и примирительным стилем общения мужчин, направленным на сотрудничество, имеют аналоги в других местах.

Элинор Окс Кинан натолкнулась на похожее различие, проводя этнографические исследования среди малагасийцев на Мадагаскаре. В этом сообществе особенно сильно стремление поддерживать гармоничные отношения. Открытые столкновения сурово порицаются. Даже такие обыденные действия, как прямой вопрос, считаются неучтивыми, так как могут поставить адресата в неудобное положение. Там существует традиционный стиль общения кабари, применя-

емый в ритуалах, очень формализованный и иносказательный. На острове кабари в большом почете, и использовать его способны только мужчины. Кинан поясняет:

Мужчины стремятся не выражать свои чувства открыто. Они восхищаются людьми, искусно владеющими языком. В обществе они ведут себя так, чтобы обеспечить легкость общения. Короче говоря, мужчины избегают неприятных столкновений. Женщины, напротив, разговаривают более прямолинейно. Они открыто выражают злобу и критикуют. И те и другие соглашаются, что у женщин лавалела, длинный язык... Они считают, что мужчины говорят изящнее, чем женщины¹.

Кинан продолжает свои наблюдения, отмечая, что малагасийские мужчины (как мужчины Гапун, заставляющие жен произносить крос вместо себя) не стесняются использовать языковые «недостатки» женщин, когда это им необходимо. Они просят женщин сообщать неприятные известия, объявлять выговоры, выпрашивать одолжения, задавать прямые вопросы наподобие «где ты был?» или «сколько это стоило?» Также женщины отвечают за покупки и продажи на местных рынках. Слишком замысловатый стиль общения неудобен, когда вы пытаетесь продать свой товар и торгуетесь. Таким образом, малагасийские женщины господствуют в экономически важной сфере деятельности. Но она не имеет той же культурной ценности, такого же политического значения, как мужская сфера формальной и ритуальной риторики.

Согласно этнографу Джоэлу Шерцеру, эти два случая являются примерами обычной для традиционных обществ незападного типа системы («она не универсальна,

¹ Don Kulick, *Language Shift and Cultural Reproduction* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992), 119.

¹ Elinor Ochs Keenan, 'Norm-Makers, Norm-Breakers: Uses of Speech by Men and Women in a Malagasy Community', in Richard Bauman and Joel Sherzer (eds.), *Explorations in the Ethnography of Speaking* (Cambridge: Cambridge University Press, 1974), 137.

но широко распространена»). Многие из этих обществ, утверждает он, разделяют два стиля речи: «...непрямая, иносказательная, метафорическая речь, высоко ценяемая обществом с социально-эстетической точки зрения и связываемая с мужчинами, политикой и общественной жизнью, и прямая, необразная речь, не ценяемая обществом с социально-эстетической точки зрения и связываемая с женщинами»¹.

Традиционная риторика зачастую метафорична и тесно связана с ритуалами. В ней используются присказки, пословицы, заклинания и прочие особые речевые приемы, переходящие из поколения в поколение. Именно эти приемы отличают церемониальную речь от повседневной, а способность употреблять их к месту отличает «искусного» оратора. Часто подобные языковые навыки необходимы для поддержания политического влияния и руководства обществом. Но почти всегда считается, что соответствующими навыками обладают мужчины и они же монополизируют руководящие позиции.

Марс и Венера на современном Западе

Хотя приведенные мною примеры из разных времен и культур различаются по своей сути, они имеют нечто общее. Что бы ни считалось отличительной характеристикой женской речи, это обязательно указывает на неспособность женщин занимать руководящие посты. В сообществах, где ценится компромиссный стиль, направленный на взаимное согласие, этот стиль связывают с мужчинами. Женщин считают слишком прямолинейными, чтобы быть хорошими лиде-

¹ Joel Sherzer, 'A Diversity of Voices: Men's and Women's Speech in Ethnographic Perspective', in Susan Phillips, Susan Steele, and Christine Tanz (eds.), *Language, Gender and Sex in Comparative Perspective* (Cambridge: Cambridge University Press, 1987), 119.

рами. На Западе, где считается, что публичные и главенствующие позиции требуют прямого и настойчивого стиля общения, также полагают, что необходимыми речевыми навыками обладают мужчины, в то время как женщин представляют недостаточно напористыми.

То, что женщины не достигают высших ступеней в бизнесе и карьерном росте из-за нехватки авторитета и уверенности в речи, считалось первопричиной. Многие авторы частично объясняли недостаток женщин в британской политике их неспособностью вести чрезмерно агрессивные споры, которыми славится палата общин. Я умышленно использую прошедшее время, так как похоже, что с недавних пор положение меняется.

В 1997 году, после неожиданной победы новой лейбористской партии Тони Блэра, последняя подала в Вестминстер рекордно большой список женщин — членов парламента. Некоторые вопрошали по этому поводу: «Как же они справятся?» Но более частой была другая реакция: присутствие женщин будет уместно не вопреки их менее воинственному стилю ведения переговоров, а именно благодаря ему. Женщины улучшат качество политических дебатов, сделав палату общин, по словам одного журналиста, «менее похожей на зверинец»¹.

Журналист имел в виду не только то, что женщины будут сдерживать «грубость» мужчин. Его мысль скорее состояла в том, что женщины привнесут совершенно новый стиль в ход политических переговоров. После избрания член парламента Джулия Драун заметила: «Женщины более склонны к сотрудничеству... Они заинтересованы не столько в наборе очков, сколько в ознакомлении с разными точками зрения». Ее коллега Джизела Стюарт подтвердила ее слова, добавив, что «демократия — это нахождение консенсуса, а не навязывание своей воли».

¹ *Observer*, 4 May 1997.

Умелые представители агрессивной политики, подобные Уинстону Черчиллю и Маргарет Тэтчер («железной леди»), вряд ли согласились бы, что споры и «набор очков» вредны для демократии. Их поддержали бы древние греки, которые изобрели это слово. Но мы живем в век Венеры: нам постоянно говорят, что современный способ вести дела связан с сотрудничеством, переговорами, мотивацией, работой в команде. Эти словечки модны как в бизнесе, так и в политике. «Лучшие управленцы новой волны, — заявил в 1990 году гуру менеджмента Том Питерс, — будут слушать, мотивировать и поддерживать». Он дошел до того, что задал очевидный риторический вопрос: «Разве это не по-женски?»¹

Возможно, впервые в истории мы услышали безусловно положительную оценку женской манеры разговаривать. Писатели XVIII века открыто поносили женщин, ученые начала двадцатого, подобные Ясперсену, очерняли их своими сомнительными похвалами (их речь быстра, но неглубока, учтива, но «пресна»), в XXI веке мы безоговорочно ценим языковые навыки женщин. Также мы более, чем наши предшественники, расположены находить ошибки у мужчин.

Это ли не признак прогресса? Безусловно, в некотором смысле мы должны быть осторожны, заключая, что «их» обуревали предрассудки, в то время как «мы» просвещены. Всегда легче замечать предрассудки других времен и культур, чем критически осмысливать собственные убеждения. Само то, что мнения по этому вопросу настолько различны, должно указать на уместность скепсиса. Если языковые отличия между мужчинами и женщинами коренятся в биологии, как утверждают современные ученые, почему разные сообщества провозглашают диаметрально противоположные системы этих отличий? Почему представители Запада

уверены, что женщины больше, чем мужчины, склонны к сотрудничеству и внимательны к чувствам окружающих, а жители Новой Гвинеи и Мадагаскара убеждены в обратном? И почему, если женское превосходство в области языка — факт, доказанный наукой, столько культур большую часть истории считали мужские языковые навыки (какими бы их ни описывали) превосходящими женские?

Я еще вернусь к этим вопросам. А сейчас обратите внимание на то, что мнения о различиях полов никогда не были нейтральными. Когда мы сегодня читаем Честерфилда или Ясперсена, нам ясно, что они принимали участие в затянувшейся культурной дискуссии о ролях мужчин и женщин в обществе. Может, и не так явно, но это касается и современных мыслителей.

Критический взгляд на наши убеждения — это исследование причин популярности одних заключений и непопулярности других, а также изучение их последствий. (Ниже мы увидим, что, несмотря на предсказания Тома Питерса и других авторов, непохоже, чтобы женщины в бизнесе и политике выигрывали от своих хваленых языковых навыков.) Прежде всего, проводя исследования, стоит задаться вопросом: «Подтверждены ли наши убеждения?» Доказаны ли они, и насколько убедительны эти доказательства? В следующей главе я попробую объяснить, почему многие исследователи так не думают.

¹ *Working Woman*, September 1990, p. 216–217.

Неполная правда: почему различия — это еще не все

В 2005 году в журнале *American Psychologist* появилась статья под названием «The Gender Similarities Hypothesis»¹, которая выделялась своей необычностью, так как цель большинства исследований — найти различия между мужчинами и женщинами. Тем не менее автор статьи Дженет С. Хайд доказала, что результаты исследований чаще показывают сходство, чем различие.

Хайд — психолог, специализирующийся на метаанализе, статистической методике, позволяющей сопоставить несколько результатов различных исследований и сделать на их основании общие выводы. В отличие от средств массовой информации, чьи «научные» статьи многократно обсуждают какую-либо броскую находку, ученые считают, что одно исследование ничего не доказывает. Результаты считаются достоверными, только если они были достигнуты в ходе нескольких различных опытов. Литература по любому разделу знаний содержит многочисленные исследования одной и той же проблемы. Так как полученные в разных исследованиях результаты неоднозначны, необходимо обобщить их и вычлениить общее.

¹ Janet Shibley Hyde, 'The Gender Similarities Hypothesis', *American Psychologist*, 60/6 (2005), 581–592.

Таблица 1

Результаты метаанализа исследований гендерных различий
в речевом/коммуникативном поведении

Предмет исследования	Количество проанализированных исследований	Значение d	Масштаб различий
Понимание прочитанного текста	23	-0,06	Близкий к нулю
Словарный запас	44	-0,02 ± 0,06	Близкий к нулю
Правописание	5*	-0,45	Средний
Словесная аргументация	5*	-0,02	Близкий к нулю
Речепорождение	12	-0,33	Незначительный
Перебивание разговора	70	+0,15 ± 0,33	Незначительный
Словоохотливость	73	-0,11	Незначительный
Агрессивность в речи	75	+0,11	Незначительный
Дружественность в речи	46	-0,26	Незначительный
Самораскрытие	205	-0,18	Незначительный
Улыбка	418	-0,40	Средний

Примечание. Звездочками отмечены случаи, когда малое количество исследований компенсировалось большой выборкой.

Источник: из статьи Janet Shibley Hyde «The Gender Similarities Hypothesis».

Возьмем для примера вопрос «Кто чаще перебивает: мужчины или женщины?». Некоторые ученые обнаружат, что больше перебивают мужчины, некоторые — что женщины,

а какие-то не увидят существенных различий. В некоторых исследованиях разница между полами будет значительной, а в некоторых — нет. Число людей, чье поведение подверглось наблюдению, также отличается от исследования к исследованию. Метаанализ позволяет собрать различные результаты, учитывая особенности, затрудняющие прямое сравнение, и рассчитать общие данные.

Хайд использовала этот метод, чтобы обобщить многочисленные опыты, затрагивающие все предполагаемые различия между мужчинами и женщинами: начиная от дальности метания какого-либо предмета и заканчивая готовностью заняться случайным сексом. В таблице 1 я выделила результаты опытов, касавшихся гендерных различий в языковом и коммуникативном поведении.

Чтобы понять эту таблицу, необходимо знать, что d — это степень гендерных различий: отрицательные значения d говорят о превосходстве женщин над мужчинами, а положительные — о превосходстве мужчин над женщинами. Например, из таблицы видно, что если собрать все исследования, получится, что мужчины больше перебивают, а женщины больше раскрываются в разговоре. Однако самая интересная информация находится в последней колонке, где говорится, обозначает ли d очень значительные, значительные, средние, незначительные или различия, близкие к нулю. Два пункта — правописание и частота улыбок — обнаруживают большую степень различий, хотя она лишь средняя, а не значительная.

Существует несколько областей, где Хайд обнаружила значительные и очень значительные гендерные различия. К примеру, исследования агрессивности и дальности метания показали существенный разрыв между полами (мужчины более агрессивны и могут метать дальше). Но в исследованиях языковых способностей и поведения различия между мужчинами и женщинами были незначительными.

Это наблюдение не ново. В 1988 году Хайд и ее коллега Марсия Линн провели метааналитическое исследование, предметом которого были исключительно гендерные различия в области языковых навыков¹. Вот заключение, к которому они пришли: различия между мужчинами и женщинами составили «около одной десятой одной стандартной девиации». В переводе с языка статистиков это означает «ничтожные». Другой ученый, занимавшийся этим вопросом, лингвист Джек Чемберс считает, что степень различий в способностях мужчин и женщин-рассказчиков в любой популяции равна «примерно четверти процента». Следовательно, «на каждую отдельную женщину, обладающую неким набором языковых способностей, почти непременно найдется один мужчина с точно такими же качествами»².

Слова Чемберса об «отдельных» мужчинах и женщинах указывают на еще один недостаток обобщений типа «мужчины чаще перебивают, чем женщины» или «женщины словоохотливее мужчин». Преуменьшая сходство, утверждения вроде «женщины поступают так, а мужчины — иначе» скрывают величину вариаций *внутри* каждой группы. Поясняя свое недоверие к утверждению, что женщины говорят в три раза больше мужчин, фонетист Марк Либерман высказал следующее предположение: «Каким бы ни оказалось различие между среднестатистической женщиной и среднестатистическим мужчиной, оно ничего не будет значить по сравнению с разбросом значений среди женщин и среди мужчин»³. Это предсказание основано на опыте: для многих лингвистических переменных разброс значений внутри каждого пола по меньшей мере такой же,

¹ Janet Shibley Hyde and Marcia Linn, 'Gender Differences in Verbal Ability: A Meta-Analysis', *Psychological Bulletin*, 104 (1988), 53–69.

² J. K. Chambers, *Sociolinguistic Theory* (Oxford: Blackwell, 1995), 136.

³ Цит. по: 'Do Women Really Talk More?', *Guardian*, 27 November 2006, G2, p. 7.

как между полами. Концентрация внимания на различиях между группами и игнорирование различий внутри них часто приводит к заблуждениям.

Несомненно, статистика полезна, но при исследовании языка и коммуникации ее следует использовать с осторожностью. Есть и другое упущение в опытах, подобных подсчету количества перебиваний. Такие опыты вырывают исследуемый объект из контекста. А языковое поведение имеет значение только в контексте. Большинство речевых актов способно передать одновременно несколько зачастую противоположных значений, и только контекст дает возможность определить, что имеется в виду в том или ином случае.

При определенных обстоятельствах, когда один человек прерывает другого, имеет место грубое и агрессивное поведение: он подавляет и принижает собеседника. В другом случае он поддерживает собеседника, выражая заинтересованность в его словах. Если не принимать эти размышления во внимание и лишь подсчитывать, как часто перебивают мужчины и женщины, результат ничего не скажет о значении различий.

Теоретически подсчеты в отсутствие контекста могут даже *скрыть* значимое различие. Что, если мужчины и женщины будут перебивать примерно равное число раз, но большинство мужчин будут делать это, чтобы подавить собеседника, а большинство женщин — чтобы его поддержать?

Чтобы разобраться в языковом поведении, необходимо обратиться к контексту и посмотреть, зачем использовался исследуемый прием. Но, поступая таким образом, мы можем обнаружить, что гендерные различия не напрямую связаны с полом, что между гендером и речью существует «недостающее звено».

Недостающие звенья

В главе 1 я упомянула работу Робин Лакофф «Language and Woman's Place», в которой она ввела понятие особого «женского языка»¹, передающего бессилие. В качестве одной из его особенностей Лакофф упомянула грамматическую конструкцию под названием «расчлененный вопрос». Расчлененный вопрос состоит из утверждения с вопросом на конце, например «Сегодня погожий денек, не правда ли?», «Ты ведь не забыл, так?» или «Я приготовлю обед к шести, ладно?» Лакофф предположила, что женщины используют расчлененный вопрос чаще, чем мужчины. Она пишет, что представители обоих полов используют подобные вопросы для проверки информации, в которой они не уверены («Встреча будет в 3.30, да?»), но женщины с их помощью не только выражают свое мнение, но и ищут одобрения окружающих («Сегодня погожий денек») или сообщают о своих планах («Я приготовлю обед к шести»).

Идеи Лакофф о женском языке были основаны скорее на интуиции, чем на системном изучении, но ее заявления побудили других ученых отправиться на поиск доказательств. Было проведено много опытов, при которых подсчитывалась частотность расчлененных вопросов в речи мужчин и женщин, и многие исследователи заключили, что Лакофф ошиблась: женщины использовали расчлененные вопросы не чаще, чем мужчины. Но в тех ранних опытах причины использования мужчинами и женщинами расчлененных вопросов часто опускались. Исследователи подсчитывали только их количество.

В 1984 году значение расчлененных вопросов стало предметом исследования лингвиста Дженет Холмс². Данные

¹ Robin Lakoff, *Language and Woman's Place* (New York: Harper & Row, 1975).

² Janet Holmes, 'Hedging Your Bets and Sitting on the Fence: Some Evidence for Tag Questions as Support Structures', *Te Reo*, 27 (1984), 47–62.

Холмс подтвердили предположение Лакофф о том, что одна из функций расчлененных вопросов — проверка информации, в которой не уверен говорящий. Холмс также обнаружила (как предсказывала Лакофф), что в ее выборке у мужчин эта функция была самой частой. Но она не согласилась с Лакофф в отношении функций расчлененных вопросов, не служащих для проверки информации.

Лакофф предполагала, что функция таких высказываний — поиск поддержки, а женщины обращались к ним чаще из-за незащищенности и неуверенности в собственном мнении. Холмс же пришла к выводу, что в большинстве случаев их функция — дать собеседнику возможность высказаться. Например, когда кто-то говорит «Уютная комната, не так ли?», он сообщает не «Я не уверен, что действительно считаю комнату уютной», а скорее «Я думаю так. А теперь ты выскажи свое мнение». Холмс назвала такой тип расчлененного вопроса «вспомогательным», так как он помогает другим говорящим включиться в общение. Она обнаружила, что женщины используют вспомогательные расчлененные вопросы чаще, чем мужчины, но, по ее мнению, это происходит не от недостатка уверенности. Она предположила, что это связано с тяготением женщин к взаимодействию, в которое они каждого побуждают внести свой вклад.

Через два года исследовательница Кэти О'Лири пронаблюдала за использованием расчлененных вопросов в профессиональной деятельности¹. Данные О'Лири были получены из телевизионных ток-шоу, общения учителей и учеников в классе и радиопередачи, в ходе которой слушатели звонили на радиостанцию, чтобы получить консультацию врача. Она заметила, что роль участника разговора

¹ См. Deborah Cameron, Fiona McAlinden, and Kathy O'Leary, 'Lakoff in Context: The Form and Function of Tag Questions', in Jennifer Coates and Deborah Cameron (eds.), *Women in Their Speech Communities* (London: Longman, 1988).

больше влияла на частоту использования расчлененных вопросов, чем его пол. Профессионалы (ведущие, учителя, врачи) чаще всего использовали расчлененные вопросы, причем в основном вспомогательные. Аудитория, ученики и радиослушатели использовали расчлененные вопросы реже, и их вопросы были в основном рассчитаны на проверку информации.

Причина этого достаточно очевидна. Ведущие, учителя и врачи — профессиональные помощники: их работа заключается в вовлечении окружающих в разговор при помощи вопросов. Члены аудитории, пациенты и ученики, наоборот, не обязаны заставлять профессионалов разговаривать. Их задача — отвечать на вопросы. Если они и задают вопросы, то скорее всего проверяют, правильно ли что-то поняли, стремятся к дополнительной информации, ищут поддержки.

Находки Кэти О'Лири подтверждают слова Дженет Холмс о том, что расчлененные вопросы не являются показателем незащищенности и бессилия. В исследовании О'Лири больше всех использовали расчлененные вопросы обладатели более высокого статуса, владеющие ситуацией. Но результаты О'Лири не поддерживают напрямую предположение Холмс о том, что использование расчлененных вопросов отражает женское тяготение к поддержанию беседы. Когда роль обязывала поддерживать разговор мужчин, они так же часто задавали вспомогательные расчлененные вопросы. И наоборот, женщины, не играющие соответствующую роль, редко задавали вспомогательные расчлененные вопросы.

Но если решающий фактор — роль говорящего, а не пол, то как объяснить находки Дженет Холмс, указывающие на разницу между полами? Ответ в том, что в жизни возникает больше ситуаций, когда женщины отвечают за течение разговора. Это может отражать не только предпочтения женщин в манере ведения беседы, как предлагает Холмс,

но и социальные ожидания и установки, обязывающие женщину быть более расположенной к разговору независимо от ее желания.

Исследование смешанных пар, проведенное Памелой Фишман, обнаружило, что женщины задавали мужчинам гораздо больше вопросов (не только расчлененных), чем мужчины женщинам¹. Вопросы зачастую используются как начало разговора. Вопросы наподобие «Как прошел твой день?», «Кто был на вечеринке?» являются побуждениями к обсуждению некой темы и заменяют более конкретные вопросы. Одной из причин того, что женщины в опыте Фишман задавали много вопросов, было то, что их собеседники избегали некоторых тем. Они либо вообще не отвечали на вопросы, либо давали неполные ответы, пока женщины не добивались до того, что им действительно было интересно услышать.

Исследование Фишман было проведено до появления современной трактовки мифа о Марсе и Венере, и она объясняла свои находки не тем, что женщинам постоянно хочется говорить, а мужчинам, по словам Джона Грея, — забраться в свои пещеры. Ее данные показывали, что во многих случаях мужчины были не против пообщаться. Если женщины предлагали интересующую их тему, они зачастую говорили больше, чем их собеседницы, но не считали себя ответственными за начало разговора и поиск темы. Они предоставляли партнерам выполнить «грязную коммуникативную работу», как Фишман назвала вспомогательные действия.

Работы, подобные исследованиям О'Лири и Фишман, показывают, что речь может быть связана с полом не напрямую. Мужчины и женщины говорят по-разному не потому,

¹ Pamela Fishman, 'Interaction: The Work Women Do', in Barrie Thorne, Cheris Kramarae, and Nancy Henley (eds.), *Language, Gender and Society* (Rowley, Mass.: Newbury House, 1983), 3.

что они — мужчины и женщины, а потому, что занимаются различной деятельностью или исполняют в разговоре различные роли. Речь действительно зависит от деятельности или роли. Она косвенно связывается с полом из-за того, что некоторые действия и роли чаще выполняются мужчинами, чем женщинами, и наоборот. Но если изучить ситуации, в которых мужчины и женщины делают одно и то же и играют одни и те же роли, можно обнаружить, что ожидаемые различия не проявляются, что и сделала Кэти О'Лири.

Какая разница, связаны язык и пол напрямую или косвенно? Не будет ли излишним следующее уточнение: «В целом женщины чаще задают вопросы, чем мужчины, но это не потому, что они женщины, а потому, что им приходится чаще выступать в роли помощников, чем мужчинам»? А оно действительно важно. Если связь между речью и полом не прямая, если она обусловлена третьими факторами, такими как занятия людей, их роли, их статус по отношению к окружающим, значит, мы не можем сделать вывод, столь популярный среди специалистов по мифу о Марсе и Венере. Не можем, исходя из наблюдений за различиями в поведении мужчин и женщин, делать выводы о «более глубоких» различиях в их языковых способностях или в их правилах общения.

Например, если обнаружится, что мужчина-ведущий и мужчина-врач из исследования Кэти О'Лири приходят после работы домой и ведут себя как мужчины из исследования Памелы Фишман, предоставляя своим женам заботу о поддержании разговора, это вряд ли можно объяснить тем, что они, будучи мужчинами, не знают, как облегчить разговор. В профессиональной деятельности эти мужчины — опытные помощники. Более правдоподобным будет объяснение их поведения тем, что на речь влияют роли, отношения, ожидания и обязательства, существенные в каждом отдельном контексте. Хотя мы и остаемся мужчинами и женщинами в любых обстоятельствах, наши роли мужчин

и женщин различаются от ситуации к ситуации, и наше языковое поведение отражает эти изменения.

Сложности отношения языка к полу на этом не заканчиваются. Иногда самые важные гендерные различия — не различия между женщинами и мужчинами, а внутриполовые отличия.

Акты самовыражения

В 2006 году британское реалити-шоу «Из дамочки в даму» отобрало группу «дамочек» и отправило их в старомодный пансион благородных девиц, где их учили вести себя, как подобает «дамам» из высшего общества. Героинями были молодые женщины из рабочей среды, в жизни которых случались вечеринки, злоупотребление алкоголем, буйное поведение на публике и случайные половые связи. Их учили готовить бисквиты и составлять букеты. Они ходили с книгами на головах, чтобы исправить осанку. Также предполагалось, что они овладеют особой манерой выражаться.

Учителям не нравился акцент дамочек, с которым они успешно боролись, тренируя их дикцию. Но речь дамы отличается не только произношением. Дамочкам делали замечания о том, что они разговаривали слишком много, слишком громко и слишком прямо. Их язык был резок, а манера общаться с окружающими — недостаточно почтительной. В смешанном обществе они слишком много кокетничали, шутили и смеялись, а также часто затрагивали «неподобающие» темы. Если они хотели стать дамами, им следовало об этом забыть.

Шоу «Из дамочки в даму» показало, что нет такого понятия, как «женщина вообще», как нет и общего для всех женщин языка. Может быть, речь дамочки и отличается от речи молодого человека, но она еще более отличается от

речи дамы. С точки зрения учителей пансиона, дамочки не были «настоящими» женщинами: их поведение было грубым и «неженственным». Но сами дамочки воспринимали ситуацию по-другому. Они считали свою версию женственности обыкновенной, а версию пансиона — искусственной и высокомерной. Столкновение мнений становилось наиболее ощутимым, когда каждую неделю учителя собирались, чтобы обсудить успехи учениц и отчислить самую отстающую. Во время последнего интервью отчисленные дамочки испытывали скорее облегчение, чем разочарование. Иные даже открыто критиковали «дамские» манеры, которые им навязывали.

Различия между дамочками и дамами показывают, что женственность и мужественность неоднозначны. Эти воплощения (подразумевающие манеру говорить) зависят от других параметров человека: его возраста, социальной группы, этнической принадлежности, национальности, образования, профессии, сексуальных предпочтений, политических и религиозных взглядов, принадлежности к той или иной субкультуре. То, как общаются люди, зависит от перечисленных мною занятий, ролей и отношений, влияющих на их речь. Одна из причин, по которым дамочки не говорили как дамы, — привычные им роли. Но есть причина, менее поддающаяся наблюдению: *личностное своеобразие*.

Общеизвестно, что речь — акт самовыражения. О чем бы мы ни говорили, мы всегда передаем информацию о том, кто мы такие. Пол как важный личностный фактор — одно из свойств, о которых сообщает наша речь. Но так как пол находится во взаимодействии с другими составными частями личности, эти сообщения никогда не сокращаются до «я мужчина, а не женщина» или «я женщина, а не мужчина».

Акт самовыражения — это еще и акт отграничения. Сообщая окружающим, что вы за человек, вы не только объ-

ясняете, кем себя считаете, но и определяете, от кого вы отличаетесь. Часто отличия, на которые мы опираемся при самопрезентации в качестве мужчин или женщин, отделяют нас не столько от противоположного пола, сколько от представителей собственного пола. Поведение дамочки говорит: «Я женщина, но не „дама“, не „хорошая девочка“ и не „модница“». Поведение девочки-подростка может выражать «я женщина, но не такая, как моя мать». Некоторые гетеросексуальные мужчины ведут себя «сверхмужественно», чтобы дистанцироваться от гомосексуалистов. А некоторые гомосексуалисты избирают похожий стиль, чтобы отделить себя от других гомосексуалистов, ведущих себя более ярко.

Эти примеры наводят на мысль, что самовыражение имеет частный, индивидуальный характер: зачастую самые незначительные различия имеют самое большое значение. Эти незначительные, но важные несходства выражаются любыми способами: через стиль одежды, увлечения, предпочтения в пище и в том числе через язык. Язык, при его способности передавать тончайшие нюансы и четкие различия, лучше всего пригоден для отграничения нашей компании от чужой, нас самих от всех остальных.

Из этих рассуждений следуют два вывода для понимания отношений между языком и полом. Во-первых, связь между ними существует. Пока люди считают пол основной составляющей своей личности, различия между мужчинами и женщинами будут отмечены в их речи. Во-вторых, никогда не будет *единого* способа выражения различий. Разные мужчины и женщины будут делать это по-разному, потому что они принадлежат не к классам мужчин и женщин, а к более частным местным формам воплощения мужественности и женственности. Именно поэтому бессмысленно искать одну манеру общения, свойственную всем женщинам, и противоположную манеру общения, свойственную всем мужчинам.

Тем не менее миф о Марсе и Венере подталкивает нас к поиску обобщений, передающих суть всех мужчин и всех женщин, и *Одного Большого Различия* между ними. У каждого автора своя версия, но формула едина для всех: «Мужчины поступают так, а женщины — иначе». Дебора Теннен утверждает, что мужчины говорят, чтобы добиться статуса, а женщины — чтобы установить связи¹. Саймон Бэрон-Кюэн предполагает, что мозг женщины больше подходит для сочувствия, а мозг мужчины — для понимания и создания сложных систем². На обложке книги «*Why Men Don't Iron*» написано, что мужчины действуют, а женщины разговаривают³.

У этих обобщений целый ряд изъянов, но их общий недостаток в том, что они относятся к мужчинам и женщинам как к категориям, внутри которых нет никаких различий. Независимо от своей сути любое утверждение о мужчинах и женщинах, не берущее во внимание различия внутри каждой группы, упрощает картину, так как использует телескоп тогда, когда требуется микроскоп.

Акты исключения

Вы, наверное, думаете: «Хорошо, но разве не бывает исключений из правил?» Когда мы рассматриваем жизнь общества через призму законов материального мира, ответ на этот вопрос, безусловно, утвердительный. Не многие обобщения верны на все сто процентов. Но мы должны с осторожностью относиться к тому, что описываем или упускаем в качестве «исключения».

¹ Deborah Tannen, *You Just Don't Understand* (New York: Morrow, 1990).

² Simon Baron-Cohen, *The Essential Difference* (London: Allen Lane, 2003).

³ Anne Moir and Bill Moir, *Why Men Don't Iron* (New York: Citadel, 1999).

В главе 1 мы наблюдали, как известные общие заключения о речи мужчин и женщин расходятся с системами, существующими в неевропейских обществах. В равной степени эти заключения не подходят и для всех мужчин и женщин в современных европейских обществах. Например, несомненно, что молодые женщины из рабочей среды, участвующие в шоу «Из дамочки в даму», не соответствуют образу женщины, воплощающей сотрудничество, сочувствие, изысканность и учтивость. Но являются ли они исключениями или кажутся необычными, потому что исследования, сформировавшие наши представления о норме, неполны?

Изучение связей языка и гендера, как и другие виды социальных исследований, имеет тенденцию охватывать белых представителей среднего класса, проживающих на Западе. Например, Робин Лакофф, хотя у нее не было испытуемых как таковых, дает понять, что ее описание женского языка основано на наблюдении за мужчинами и женщинами ее социальной среды. Другие лингвисты записывали разговоры своих родственников, друзей и знакомых. Психологи, которым требовалось для опытов большое количество испытуемых, часто использовали выборки, целиком состоящие из учащихся колледжей. Исследователям, работающим при университетах, легче всего привлечь к экспериментам эту группу людей, но среди них недостаточно представлены другие слои (такие, как пожилые люди и люди с низким достатком).

В большинстве случаев подобная тенденция — не результат определенной системы. Ее причина в том, что сами исследователи — белые жители западных стран, принадлежащие к среднему классу и работающие в такой среде, где самыми доступными испытуемыми являются им подобные. В итоге, сами того не предполагая и не желая, ученые собирают все больше знаний об одном и том же небольшом слое людей. Немногочисленные исследования других групп, находящие различия в их поведении, считают исследова-

ниями исключений. Мы забываем, что белые люди среднего класса, о поведении которых нам так много известно, не воплощают мировую норму.

Разумеется, это не означает, что речь белых представителей среднего класса недостойна изучения. Она не менее интересна, чем любая другая. Проблемы начинаются тогда, когда утверждения, основанные на наблюдениях над ней, трактуются как относящиеся к речи всех мужчин и женщин. Даже при том, что ученые делают соответствующие заявления, в отсутствие достаточного количества исследований других групп остается искушение перенести знания о *некоторых* мужчинах и женщинах на *всех* мужчин и женщин.

Эта тенденция сильна в популярных книгах о Марсе и Венере. Данные исследований приводятся в них, чтобы придать правдоподобие заявлениям автора, но авторы редко воспроизводят пояснения источника или объясняют подробности проведения эксперимента. Их произведения читаются легче, чем труды исследователей, но при этом увеличиваются искажения, и так присутствующие в научной литературе. Они подчиняются шутливому закону журналистов: «Сначала упрости, потом преувеличь».

В середине 1990-х годов началась новая волна исследований языка и гендера, заполняющая пробелы в наших знаниях и исправляющая самые очевидные заблуждения. Эти недавние исследования подтверждают, что многие из популярных заключений о манере общения мужчин и женщин в лучшем случае являются неполной правдой. Чем больше мы расширяем круг мужчин и женщин, которых изучаем, и круг контекстов, в которых мы это делаем, тем сложнее поддерживать мнение, что мужчины говорят на одном языке, а женщины — на другом.

Этот тезис является основой мифа о Марсе и Венере. В последующих главах я обращусь к более частным суждениям, составляющим эту доктрину.

Отдельные миры? Марс и Венера в детстве и юности

Мальчик-подросток однажды объяснил ученому, чем мальчики отличаются от девочек. «Ребята, я не думаю, что мы говорим много о том, о чем болтают девчонки, — сказал он. — Я думаю, что они говорят о всяких отношениях, всякой мелочи»¹.

Миф о Марсе и Венере строится на этом наблюдении. Согласно ему, женщины говорят больше, чем мужчины, так как в процессе беседы естественно создаются близкие отношения и завязываются связи с окружающими. Мужчины используют речь, чтобы достичь практических целей. Они не чувствуют необходимости «говорить о всякой мелочи». Однако им более необходимо, чем женщинам, занять лидирующее положение в отношениях с равными. В то время как женская речь направлена на сотрудничество и поддержку, мужчины противостоят друг другу и соперничают в разговоре.

В книге «You Just Don't Understand» Дебора Теннен предполагает, что эти различия происходят из детских игр. «Даже если они растут по соседству, в одном квартале или

¹ Цит. по: Penelope Eckert, 'Cooperative Competition in Adolescent "Girl Talk"', in Deborah Tannen (ed.), *Gender and Conversational Interaction* (New York: Oxford University Press, 1993), 32.

в одном доме, — говорит Теннен, — девочки и мальчики растут в разных мирах»¹.

Мальчики обычно играют на улице, в больших группах с иерархической организацией, где существует лидер, который говорит другим, что делать и как, и отказывается делать то, что предлагают другие мальчики. <...> В играх мальчиков есть победители и побежденные, а также сложная система правил, которые часто обсуждаются. Наконец, часто можно слышать, как мальчики хвастаются своими способностями и спорят, кто и что умеет делать лучше, чем другие.

Девочки, напротив, играют в малых группах или в парах. Центр социальной жизни девочки — лучшая подруга. <...> В самых часто встречающихся играх девочек, таких как прыжки через скакалку и классики, все участвуют по очереди. Во многих из их занятий (например, дочка-матери) нет победителей и побежденных. <...> Девочки не отдают приказы, они выражают свои предпочтения в форме предложений. <...> Они не захватывают центральное положение, оно им не нужно, поэтому они не бросают друг другу вызов напрямую. И большую часть времени они просто сидят вместе и разговаривают. Девочки не привыкли к открытой борьбе за статус; они больше озабочены тем, чтобы понравиться.

Теннен настаивает, что различные занятия и социальные нормы в однополых группах девочек и мальчиков учат и тех и других различным правилам общения. Это, заявляет она, является источником непонимания, губящего отношения взрослых мужчин и женщин. Разделение, происходящее в детстве, делает представителей двух полов такими же различными в общении, как люди разных национальностей или культур. «Общение между мужчинами и женщинами — это межкультурное общение»².

¹ Deborah Tannen, *You Just Don't Understand* (New York: Morrow, 1990), 43–44.

² Deborah Tannen, *You Just Don't Understand* (New York: Morrow, 1990), 47.

Я еще вернусь к вопросу непонимания между мужчинами и женщинами в главе 5. Здесь же мы рассмотрим вопрос гендерных различий в разговорах детей и подростков. Правда ли, что девочки и женщины говорят «о всякой мелочи», а «ребята не говорят об этом много»? Правда ли, что разговоры девочек строятся на основе сотрудничества, а разговоры мальчиков — на основе соперничества? И если эти различия действительно существуют, правильно ли Теннен определила их причины?

Соперничество и сотрудничество

Ниже приведены два отрывка из разговоров, записанных исследовательницей Джудит Бэкстер¹. Говорящим, школьникам четырнадцати-пятнадцати лет, дали задание представить себя в роли оставшихся в живых после крушения самолета в пустыне. У них есть различные предметы, добытые из-под обломков, — солнечные очки, компас, аптечка. Их задача — распределить эти предметы по принципу необходимости для выживания. Они работают в однополых группах по собственному выбору. Один из предлагаемых ниже отрывков взят из обсуждения, происходившего между мальчиками, а другой — из обсуждения в группе, целиком состоящей из девочек. Можно ли определить, кому принадлежат отрывки, проанализировав степень соперничества и сотрудничества в двух разговорах?

ГРУППА А

С.: А очки нужны?

Ш.: Да, я думаю, что да.

¹ Judith Baxter, “Do We Have to Agree with Her?” How High School, Girls Negotiate Leadership in Public Contexts’, in Baxter (ed.), *Speaking Out: The Female Voice in Public Contexts* (Basingstoke: Palgrave, 2005), 164, 170.

С.: Потому что там очень жарко, и нужно будет защищаться от солнца. А еще в них будет лучше видно.

Дж.: Да, но если ты заботаешься о том, чтобы выжить, важно ли, [насколько хорошо тебе видно]?

Ш.: [Ты можешь ослепнуть.]

Дж.: Точно, но если ты пытаешься выжить, разве это для тебя важно?

Ш. (сердито): Мне бы не хотелось [ослепнуть].

С.: [Верно, ведь если ты слепой, ты не можешь видеть, что делаешь. Это все равно закончится смертью. Все равно так у тебя меньше шансов остаться в живых].

Дж.: Да, но ты вряд ли ослепнешь, если не будешь смотреть прямо на солнце.

ГРУППА Б

Ч. (указывает): Отлично, что у тебя?

М.: Компас.

Ч. (указывает): А что у тебя?

Т.: Я за солнечные очки.

Ч.: Хорошо, я за парашют (*долго объясняет выбор парашюта*).

Другие голоса: Зеркало, зеркало... Факел.

Ч.: А ты умеешь стрелять из ружья, правда? Ты можешь застрелить...

Х.: Ты можешь застрелить пилота.

Ч.: Верно. Итак, никто не передумал? (*Указывает.*) Ты что думаешь?

Х.: Я предлагаю компас.

Т.: Я считаю, что солнечные очки вполне полезны. Ведь прежде всего нужно быть в состоянии видеть, что показывает компас (*группа смеется*).

Х.: Тебе нужно только сделать вот так (*прикрывает глаза рукой*). Просто ненадолго прикрой глаза.

Ч.: Ладно. Твоя очередь (*указывает*). Объясни, почему ты считаешь самой полезной аптечку.

Кто-то может заметить, что разговор в группе Б больше ориентирован на сотрудничество. Тем не менее там есть доминирующий участник — Ч. Он выполняет роль неофициального председателя, предоставляющего слово и направляющего общий ход обсуждения. Четыре из реплик Ч. облегчают ход обсуждения, вводя в него других участников. Другой признак сотрудничества в этом отрывке — отсутствие или избегание открытого противостояния. Когда двое из членов группы не согласны друг с другом (как это было в случае, когда Т. и Х. разошлись во мнениях о полезности солнцезащитных очков и компаса), они выражают несогласие учтиво, прибегают к приемам приуменьшения, таким как уклончивость («Я *считаю*, что солнечные очки *вполне* полезны») и юмор.

В противовес группе Б в обсуждении группы А присутствует больше признаков соперничества. Отрывок начинается в духе сотрудничества: в первых трех репликах С. и Ш. приходят к единому мнению по поводу важности солнцезащитных очков. Но затем развивается противостояние, когда Дж. начинает спорить с остальными. В результате обмен репликами приобретает вовсе не дружественный характер. Участники разговора перебивают друг друга, показывают, что сердятся. Создается впечатление, что они не приближаются к какому-либо решению. Все это приводит нас к заключению, что группа А — это группа мальчиков, а группа Б — группа девочек.

Противоположная точка зрения также имеет свои основания. Одним из них может стать то, что обсуждение в группе Б проходит более упорядоченно и более деловито. Во многом это обусловлено тем, что все соглашаются делать то, что их просит Ч. Хотя Ч. принимает на себя функции помощника, его стиль речи достаточно отрывистый. Он задает прямые вопросы («Отлично, что у тебя?») и использует глаголы в повелительном наклонении («Объясни, почему ты считаешь самой полезной аптечку»). Никто из группы А не берет на

себя роль лидера. В таком случае, быть может, группа А состоит из девочек, а группа Б — из мальчиков?

На самом деле группа А действительно состоит из девочек, а группа Б — из мальчиков. Если вам неизвестно, кто есть кто, трудно вычислить это исключительно при помощи языковых средств. Разговоры в каждой группе содержат как сопернические, так и сотруднические составляющие. Некоторые из использованных приемов могут быть восприняты как те и другие. Например, Ч. из группы Б можно определить и как помощника в разговоре (сотрудническая роль, часто достающаяся женщинам), и как говорящего другим, «что делать и как» (присвоение себе положения лидера Теннен связывает с поведением мальчиков в группах с иерархической организацией). Когда вы узнали, что Ч. — мальчик, у вас может возникнуть искушение воспользоваться этой информацией, чтобы избавиться от двойственности. Другими словами, вам захочется осмыслить его поведение как более близкое к руководству, чем к помощи. Таким образом, утверждение, что мальчики более склонны к соперничеству, может замкнуть цепочку наших рассуждений.

Не такие, как полагается быть девочкам?

У нас могут возникнуть трудности с определением поведения девочек из группы А С[офи], Ш[арлотты] и Дж[ины] как сотруднического и устремленного к взаимной поддержке. Их общение трудно подогнать под заявления Теннен. Напомню: она утверждает, что девочки «не бросают друг другу вызов напрямую», «не привыкли к открытой борьбе за статус», «больше озабочены тем, чтобы понравиться». Джина три раза открыто возражает Софи и Шарлотте. Она настаивает, несмотря на то что ей дают понять, что ее поведение не по душе окружающим. Не похоже, что она дей-

ствительно озабочена тем, нравится она Софи и Шарлотте или нет. Итак, что же там происходит?

После групповой работы Джудит Бэкстер побеседовала с учениками, участвовавшими в опыте, и с их учителем. Она попросила их поделиться мнением о том, что произошло. Софи случайно не оказалось в классе, когда опрашивали девочек. Остальные девочки воспользовались возможностью пожаловаться на ее поведение. В разговор включилась и Элен. Она принимала участие в обсуждении, но ее слов не было в том отрывке, который я процитировала. Вот что они говорили¹:

Шарлотта: Я не была согласна ни с чем из того, о чем говорила Софи. Она хотела быть первой. Хотела быть главной. И мне было слегка не по себе от этого.

Джина и Элен: Да, и мне тоже.

Эти слова звучат неожиданно. Ведь в рассмотренном нами отрывке видно, что Шарлотта борется на стороне Софи против Джини. Учительница девочек также сообщила Бэкстер, что группа сопротивлялась Софи, занимавшей главенствующее положение. «Было заметно, как группа кипела от возмущения, <...> они перебивали ее и спорили только ради того, чтобы ей возразить»². Девочки признались, что «вредность» очень мешает работе в однополых женских группах. Бэкстер спросила, чем, по их мнению, отличаются смешанные группы. Элен ответила на этот вопрос следующее: «Ребята не такие вредные, как девчонки. И девчонки не вредничают, когда имеют дело с парнями»³.

¹ Judith Baxter, 'Do We Have to Agree with Her?' *How High School, Girls Negotiate Leadership in Public Contexts*, in Baxter (ed.), *Speaking Out: The Female Voice in Public Contexts* (Basingstoke: Palgrave, 2005), 166.

² Там же, с. 169.

³ Там же, с. 168.

Джудит Бэкстер принадлежит к исследователям, которые указали, что желание девочек «понравиться» вовсе не является противоположным заботе мальчиков о статусе, что это две стороны одной медали. Нравиться — так же, как и «быть популярным», — важное выражение статусных отношений у детей обоего пола. Спросите об этом родителей «непопулярного» ребенка. Такое стремление имеет последствия в языковом поведении детей. Бэкстер обнаружила, что при разговоре в стенах класса центральное положение занимают те дети, которым оно присуще за его стенами. Видные ученики, такие как Софи из группы девочек и Чарли из группы мальчиков, способны значительно дольше удерживать внимание одноклассников и вызвать уважение к своим словам благодаря активной поддержке и одобрению со стороны сверстников. «Менее популярные» ученики, подобные Джине, вынуждены упорно бороться, чтобы получить право высказаться, и им часто возражают.

Но все-таки различие между мальчиками, подобными Чарли, и девочками, подобными Софи, проследить можно. «Популярные» девочки зачастую вызывают возмущение среди сверстников, когда пытаются занять лидирующее положение. Это не относится к «популярным» мальчикам. Разговор Бэкстер с мальчиками не выявил жалобы на поведение Чарли. Когда она спросила об этом классного руководителя, то услышала в ответ следующие слова: «Все они на это согласились. Они решили: то, что он взял на себя эту роль, — в порядке вещей»¹.

Как предполагает Бэкстер, различие это происходит оттого, что сами девочки придерживаются мнения, будто ярко выраженное доминирующее поведение менее приемлемо со стороны женщин, чем со стороны мужчин. Девочки «не вредничают, когда имеют дело с парнями», ведущими

¹ Цит. соч., с. 173.

себя как Софи, потому что лидерство мужчины признается представителями обоих полов. Наоборот, «популярная» девочка, выставляющая напоказ свой статус так, что это нарушает нормы женственности, будет наказана. В этом заключается причина более скрытного поведения девочек. Именно поэтому они критикуют окружающих у них за спиной и распространяют о них сплетни. Девочки ничуть не менее склонны к соперничеству, чем мальчики (и их группы ничуть не менее иерархичны). Однако противопоставление женственности и лидерства на уровне идеологии дает девочкам меньше свободы в «открытой борьбе за статус».

Некоторые исследователи подвергли сомнению убеждение, что обычно девочки предпочитают завуалированные способы установления собственного положения в иерархии. В своей книге «The Hidden Life of Girls» этнограф Марджори Харнесс Гудвин описывает ту сторону социальной жизни юных особ, которая, по ее мнению, была преуменьшена предыдущими исследованиями, так как не удовлетворяет общим ожиданиям¹. Обычно ученые предполагают, что мальчики окажутся агрессивными, а девочки — более склонными к поддержке и заботе об окружающих. В работе Гудвин поведение девочек не подтверждает этого постулата. Книга основана на более чем 100 часах видео- и аудиозаписей группы из 6 девочек в возрасте от 9 до 12 лет, подвергавшихся наблюдению в течение 3 лет.

Девочки из опыта Гудвин различались по социальному происхождению и этнической принадлежности. Они посещали привилегированную частную школу в Лос-Анджелесе. Ее подопечные постоянно делали то, что, по словам Теннен, девочки не делают. Они отдавали прямые приказы, в от-

¹ Marjorie Harness Goodwin, *The Hidden Life of Girls: Games of Stance, Status and Exclusion* (Maiden, Mass.: Blackwell, 2006).

крытую возражали друг другу, ссорились из-за правил игры в классики, хвастались своими физическими способностями, принадлежащими им вещами и статусом родителей. Они также дразнили «хвост». Этим словом они называли ребенка, который хотел присоединиться к их компании, но которого они никогда не воспринимали как полноценного члена. То, как они его дразнили, не ограничивалось формами, которые стереотипы связывают с девочками. Они не только распространяли сплетни о своем «хвосте» и отказывались с ним играть. Между ними происходили и прямые столкновения.

Однако не во всех случаях, наблюдавшихся Гудвин, группа относилась агрессивно к другим девочкам. В приводимом ниже отрывке, взятом из записей исследовательницы, девочки собираются играть в футбол, когда появляется группа мальчиков и заявляет о своих правах на поле¹.

Эми: Сегодня поле наше.

Рон: Мы играем в футбол каждый день, понятно?

Мигель: Футбол для мальчишек, а не для девчонок.

Эми: И? Что это доказывает?

Рон: Это *наше* поле.

Эми: Это не ваше поле. Вы что, платите за него? Нет. Твое имя здесь не написано.

Кэти: А мое написано (*пишет на грязи*). К-Э-Т-И!

Гудвин отмечает, что поведение девочек во время этой стычки расходится с мнением, навязываемым мифом о Марсе и Венере. Ее девочки совсем не избегают открытых конфликтов, выражая свои мысли косвенно и учтиво. Позиция Эми вряд ли может быть более агрессивной. Она начинает с прямого утверждения, что девочки являются владелицами поля («Сегодня поле наше»). Ее слова подкрепляются тем,

¹ Цит. соч., с. 1.

что она агрессивно выражает сомнение в обоснованности ответа Рона и Мигеля («И? Что это доказывает?»). Далее она прямо возражает на заявление Рона, что поле — это территория мальчиков («Это не ваше поле»). Ни она, ни Кэти не идут на уступки: они не извиняются, не говорят уклончиво, не вступают в переговоры с целью прийти к взаимовыгодному соглашению. Их язык так же прям, четок и резок, как язык их противников.

Рыночные силы

Дебора Теннен настаивает, что гендерные различия проявляются очень рано, а потом закрепляются, так как группы мальчиков и девочек одного возраста оказываются почти полностью разделенными. Но исследование Гудвин показывает, что социальные миры мальчиков и девочек не являются полностью изолированными друг от друга. Однако со временем их отношения меняются. Разговор, который Гудвин записала на футбольном поле, произошел, когда девочки учились в пятом классе. Некоторые находки ученых говорят, что этот период часто становится переломным этапом.

Лингвист Пенелопа Экерт провела несколько лет, изучая поведение группы девочек из Северной Калифорнии. За это время девочки окончили начальную школу и перешли в среднюю. Она наблюдала значительную перемену в поведении мальчиков и девочек при переходе из пятого в шестой класс. Особенно этот перелом коснулся девочек¹:

¹ Penelope Eckert, 'Vowels and Nail Polish: The Emergence of Linguistic Style in the Preadolescent Heterosexual Market', in Deborah Cameron and Don Kulick (eds.), *The Language and Sexuality Reader* (London: Routledge, 2006), 190.

В пятом классе часто можно наблюдать, как девочки и мальчики бегают, набегают друг на друга, катаются по полу или бросаются на землю. При этом девочки и мальчики двигаются одинаково. В шестом классе девочки прекращают бегать и начинают следить за выражением своего лица, принимать женственные и выразительные позы, украшать и подчеркнуто беречь руки, подчеркивать грудь. А мальчики начинают подавлять свою мимику, расчесывать волосы, расправлять плечи. Они вырабатывают размеренную твердую или спортивную походку и делают броские жесты на спортивном поле или площадке, сознательно занижают свои голоса. <...> В то время как мальчики иногда занимаются игровыми видами спорта, у девочек энергичная физическая активность на спортивном поле сменяется наблюдением, обсуждением и редкими вмешательствами в игры мальчиков. Девочки сидят или прогуливаются в малых или больших группах.

Эти мальчики и девочки готовятся принять участие в надвигающемся «гетеросексуальном рынке». Хотя они еще не вступили в подростковый возраст и в большинстве случаев пока не заинтересованы в сексе как таковом, их тяга к признакам межполовых отношений взрослых подстегивается тем, что Экерт называет первичным социальным императивом у детей. Им необходимо продемонстрировать свою зрелость, отстранившись от «детского» поведения, характерного для них в прошлом. Для детей, готовящихся войти в подростковый возраст, это подразумевает выработку более «взрослых» форм мужественности и женственности, подчиняющихся гетеросексуальному принципу «противоположности притягиваются».

Хотя в этот период перелом переживают представители обоих полов, жизнь девочек подвергается более глубоким переменам. Мальчики развивают взрослый образ мужественности, занимаясь тем же, что было присуще им прежде: например, спортом, который показывает их физическую силу и ловкость. Для девочек, наоборот, со-

здание более взрослого образа женственности означает замену занятий и достижений детства на совершенно новый набор действий. В частности, они оставляют игры, подразумевающие физическую активность. Вместо того чтобы использовать свои тела для активных действий, они концентрируются на ухаживании за ними и украшении. Юные особы наблюдают за играми мальчиков со стороны или, как замечает Теннен, «просто сидят вместе и разговаривают».

Переход от действий к разговорам девочки считают значимым ритуалом в процессе взросления. Пятиклассницы Труди и Кэти, за которыми наблюдала Экерт, отвели ее в сторону и с восторгом сообщили, что теперь, вместо того чтобы прыгать через скакалку, чем они всегда занимались прежде, — они все перемены проводили «просто разговаривая». На случай, если Экерт пропустила важность этого события, они разъяснили: все их взрослые разговоры были о мальчиках.

Девочки больше говорят о мальчиках, чем мальчики о девочках. На самом деле «свидания» с мальчиком для девочки этого возраста значимы прежде всего как тема для разговора с подругами. Сами по себе межполовые отношения обычно короткие и поверхностные. Однако в процессе интенсивных обсуждений этих малозначительных связей девочки познают новый язык отношений и чувств и постепенно обживают эту сферу человеческого опыта. Также в их среде изменяется иерархия. Привлекая интерес мальчиков и демонстрируя легкость в мире «взрослых» чувственных отношений, девочка завоевывает более высокое положение среди сверстниц.

Экерт предполагает, что подобное поведение девочек — ответ на вытеснение из той сферы занятий, которая раньше была доступна обоим полам. «Видя, что им не получить признания на поприщах, где захватили власть мальчики, девочки решают действовать из расчета на будущее и стать

специалистами в совершенно новой сфере»¹. Хотя этот выбор совершается вынужденно, из-за растущего неравенства между подростками мальчиками и девочками, девочки, подобные Труди, удачливые игроки на рынке, воспринимают его как источник радости и силы.

Отдельные культуры или отдельные сферы?

Наблюдения Экерт подтверждают утверждение, что совместная деятельность более важна для мальчиков, в то время как разговоры важнее для девочек. Они, как и работа Гудвин, доказывают, что девочки более активно говорят о людях, их отношениях и чувствах. Но тем не менее существуют значительные различия между выводами Экерт и словами Теннен. Теннен утверждает: мальчики и девочки различны потому, что изначально растут в отдельных социальных мирах. Экерт усложняет это положение, показывая, что различия между мальчиками и девочками становятся четче именно в тот момент, когда их социальные миры становятся *менее* отдельными. Сближение происходит потому, что растущее значение привлекательности для представителей противоположного пола подталкивает их к более прямым контактам.

Это несоответствие в выводах отражает другое, более глубинное различие. Теннен придерживается доктрины, которую называет «межкультурным подходом», предполагающей уподобление мужских и женских сообществ различным культурам. С точки зрения этого подхода непонимание между полами подобно проблемам, встающим, когда американцы пытаются наладить бизнес в Японии,

¹ Penelope Eckert, 'Vowels and Nail Polish: The Emergence of Linguistic Style in the Preadolescent Heterosexual Market', in Deborah Cameron and Don Kulick (eds.), *The Language and Sexuality Reader* (London: Routledge, 2006), 191.

а итальянцы — завязать диалог с финнами. За этими проблемами стоит всего лишь недостаточное знакомство с чужими обычаями.

Насколько убедительна культурная аналогия? Ясно, что различия в нормах общения финнов и итальянцев происходят из-за непохожести их культур. Финны нечасто открыто сравнивают себя с итальянцами или пытаются сознательно отделить себя от этих темпераментных южан. Для среднего финна манеры поведения итальянцев неизвестны и неважны. Но этого ни в коем случае нельзя сказать о мужчинах и женщинах одной культуры. Мужественность и женственность определяются как противоположности, и с ранних лет дети знают о значении гендерных различий. Качества и стили поведения определяются как мужские и женские тоже неслучайным образом. Они связаны с местом, которое предназначено для каждого пола в этом мире.

Возможно, «отделение», имеющее для нас первостепенное значение, — это не столько разделение между группами мальчиков и девочек одного возраста, сколько традиционное разделение между общественной сферой, где доминируют мужчины, и частной сферой, где доминируют женщины. Пенелопа Экерт говорит, что «истоки гендерных различий в стиле общения исходят из традиционного разделения ролей, которое низводит женщин в мир дома, а мужчин направляет к экономическому влиянию». Хотя эти роли несколько изменились, «нормы общения, ассоциировавшиеся с ними, остаются, усложняя социальные изменения и препятствуя им»¹. Девочки, вступающие в подростковый возраст, ставшие объектами ее наблюдений, достаточно ярко иллюстрируют это заключение. Они осознали, что мужчины занимают главенствующее положение в сфере общественной деятельности, и готовят себя к ведущим ролям в частной сфере близких отношений.

¹ Eckert, *Cooperative Competition*, 33.

Это еще не означает, что они не займутся о силе и положении. Социальный мир, который создают Труды и ее сверстницы из шестого класса, полон соперничества и конфликтов так же, как и мир девочек помладше, которых изучала Марджори Гудвин. Однако фокус этого мира сместился, чтобы отразить новые проблемы девочек. Вместо того чтобы бороться с мальчиками, теперь они борются за мальчиков. Вместо того чтобы обвинять других девочек в нарушении правил игры в классики, они обвиняют их в том, что те пытаются увести их друзей.

«Ребята не говорят об этом много...»

Как насчет того, что мальчики и мужчины не устанавливают связь друг с другом через обсуждение других людей, их поведения и их отношений? В 1990 году студент, слушавший один из моих курсов, записал разговор, произошедший между молодыми людьми, с которыми он делил комнату. Он сообщил, что почетом у молодых людей пользовались «мужские» темы, предписываемые стереотипами: спорт, выпивка и секс с женщинами. Обсуждения велись в духе соперничества, и говорящий выставлял на первый план свою удаль.

Когда я прочитала его стенограмму, то обнаружила тему, которой он не коснулся, несмотря на то, что ей отводилось больше времени, чем любой другой, кроме спорта. Этой темой были другие молодые люди, которых говорящие не одобряли за то, что те якобы были гомосексуалистами. Следующий отрывок взят из продолжительного разговора, в котором студенты обсуждают нескольких однокурсников, которых подозревают в гомосексуализме¹.

¹ Из: Deborah Cameron, 'Performing Gender Identity: Young Men's Talk and The Construction of Heterosexual Masculinity', in Sally Johnson and Ulrike Meinhof (eds.), *Language and Masculinity* (Oxford: Blackwell, 1997), 53–54.

Брайан: Знаете того голубого из группы по эпохе революции, что сидит перед нами? Он снова приперся в шортах. Кстати, тогда было сорок два градуса (5,5 °С. — *Примеч. перев.*), а он снова был в шортах (*смеется*). Они как спидо (Speedo — фирма, производящая одежду и аксессуары для плавания. — *Примеч. перев.*). Он ходит на занятия в спидо. Ну и тонкие же у него ноги!

Эд: Это, типа, такие шортики, которые носят женщины-волейболистки? Такие, как французский спандекс (ткань для производства одежды, в частности, одежды для плавания, велоспорта. — *Примеч. перев.*)!

Брайан: Знаешь, здесь еще есть над чем посмеяться. Представь его в шортах и пуховике!

Брайан: Да он совсем рехнулся. Ему, типа, нужно, чтобы его ноги всегда были выставлены напоказ. У него действительно красивые ноги.

Эд: Да наверно, наверно, он, того, сидит дома и, типа, расчесывает волосы у себя на ногах.

Карл: Он действительно любит свои ноги.

Брайан: Да у него нет волос на ногах!

Эд: Он реально любит свои ноги.

Эл: Очень длинные, очень белые и очень худые.

Брайан: Да, а что за нелепые рибоки он всегда (*нрзб.*) и какие дурацкие на нем белые носки. Он вечно в полосатых носках без пятки.

Эд: Да он совсем не мужик.

Сразу хочется сказать, что эти молодые люди сплетничают: они говорят о других неодобрительно, осуждают. Социологи и антропологи, изучающие сплетни, считают, что обычно они служат для двух основных целей. Во-первых, это неофициальный источник информации. Этим они очень удобны для большинства сообществ. Во-вторых, сплетни усиливают связи между говорящими и утверждают их доверия, противопоставляя их отсутствующим знакомым,

чьи моральные и социальные проступки являются предметом сплетен.

Похоже, что приведенный выше отрывок выполняет обе эти функции. Молодые люди обмениваются информацией о частной жизни окружающих, которая не может быть доставлена по более «официальным» каналам (в 1990 году в том обществе геи и лесбиянки редко объявляли публично о своих половых предпочтениях). Помимо того осуждение «того голубого» позволяет молодым людям традиционной ориентации выделить общее для них понимание особенностей, являющихся и не являющихся проявлениями мужественности. Они — «настоящие мужики», в то время как герой сплетни, по словам Эда, «совсем не мужик».

Очевидно, что сплетничают не только девушки. В действительности наблюдения показывают, что представители обоих полов склонны к подобным беседам. Робин Данбар, занимающийся эволюцией языка, с которым мы еще встретимся в главе 6, обнаружил, что в его выборке «обмен социально важной информацией» — так он определяет сплетни — составляет примерно 70% разговоров и у мужчин, и у женщин¹. Итак, почему же сплетни так тесно связаны с женщинами (что приносит им дурную славу)?

Ответ на этот вопрос связан с тем, что женщины традиционно использовали сплетни как скрытое средство достижения власти. Исторические лингвисты Терту Невалайнен и Елена Раумолин-Брунберг, изучавшие данные о речи мужчин и женщин в Англии эпохи Тюдоров и Стюартов, указывают, что в обществе того времени, где мужчинам принадлежала непомерная власть, сплетни были одним из немногих видов оружия, доступного женщинам². Способ-

¹ Robin Dunbar, *Grooming, Gossip and the Evolution of Language* (London: Faber, 1996).

² Terttu Nevalainen and Helena Raumolin-Brunberg, *Historical Sociolinguistics* (London: Longman, 2003).

ность женских сплетен заслуженно или незаслуженно разрушить репутацию представителя сильного пола признавалась мужчинами и вызывала у них страх. В целях защиты мужчины мгновенно объявили сплетни дурной женской привычкой.

Девочки, подобные тем, за которыми наблюдали Джудит Бэкстер, Марджори Гудвин и Пенелопа Экерт, продолжают использовать сплетни в качестве оружия, хотя в основном сражаются при их помощи друг с другом. Это также вызывает отрицательные суждения. Возникают высказывания наподобие «мальчики дерутся честно, а девочки норовят нанести удар в спину». Подобные заявления не учитывают ни причины, по которым девочки и женщины используют сплетни таким образом, ни того, что мальчики и мужчины тоже не прочь посплетничать.

Власть и различия: ложная оппозиция?

К тому времени, как Дебора Теннен написала «*You Just Don't Understand*», самым известным подходом к гендерным различиям в речи оставался тот, что предложила Робин Лакофф в начале 1970-х. Лакофф трактовала различия прежде всего как последствия господствующего положения мужчин и подчиненного положения женщин. Теннен захотелось избежать ловушек, которые предполагает этот подход. Ей не хотелось обвинять мужчин в том, что они подавляют женщин, а женщин порицать за недостаток напористости. «Межкультурный подход, — говорит она, — позволяет объяснить, почему люди смиряются с недовольством, не обвиняя их ни в несправедливости, ни в слабоумии»¹.

Однако, пытаясь полностью отделить гендер от власти, межкультурный подход выплеснул ребенка вместе с водой.

Существует огромная разница между тем, какие взгляды Теннен приписывает сторонникам теории «власти», и идеей, предлагаемой такими исследователями, как Бэкстер, Гудвин и Экерт. Согласно Теннен, теория «власти» предполагает, что отдельно взятые мужчины в разговоре с отдельно взятыми женщинами сознательно и обдуманно говорят с последними высокомерно. По мысли Бэкстер, Гудвин, Экерт и их сторонников, на поведение отдельных представителей обоих полов влияют представления о распределении власти, присущие более широкому обществу. Первое заявление неосостоятельно хотя бы потому, что является умозрительным. Второй вывод является ключевым для нашего понимания отношений между языком и гендером.

Может показаться, что система взаимодействия в однополых группах сверстников по определению не может иметь ничего общего с неравенством между полами. Как мальчики могут господствовать над девочками, когда в группе нет девочек? Когда вы наблюдаете, как девочки разговаривают с девочками, а мальчики разговаривают с мальчиками, вам хочется думать, что вы наблюдаете женственность и мужественность в чистейшем виде. Но это предположение наивно. Детские однополые группы, состоящие из сверстников, не существуют в социальном вакууме, а гендерное неравенство в обществе проявляется не только в прямой демонстрации власти мужчин над женщинами. Оно также затрагивает принципы поведения внутри каждого пола. Неравенство является причиной того, что девочки и мальчики часто борются за разного рода положение, и того, что девочки зачастую отстаивают свою власть, выбирая более окольные пути, чем мальчики.

Противопоставление власти и различий — ложная позиция: гендер как социальная система одновременно зависит и от одного, и от другого. Хотя современные исследования подтверждают, что культуры групп сверстников мужского и женского пола отличаются друг от друга по некоторым

¹ Tannen, *You Just Don't Understand*, 47.

характеристикам, они также показывают, что неравенство власти влияет на форму, которую приобретают различия. Утверждения, что мальчики и мужчины говорят, чтобы добиться высокого положения, а девочки и женщины говорят, чтобы установить связи, или что разговоры мужчин основаны на соперничестве, а разговоры женщин основаны на сотрудничестве, одновременно упрощают реальную картину языкового поведения и уводят от объяснения причин существования некоторых тенденций, относящихся к гендеру.

Заявления межкультурного подхода о коммуникации в однополых мужских и женских группах сверстников — это лишь половина проблемы. Вторая половина обнаруживается, когда Марс и Венера сталкиваются. В следующей главе мы подробнее остановимся на широко распространенном в наши дни мнении, что когда мужчины и женщины разговаривают, они «просто не понимают» друг друга.

5 ГЛАВА

Столкновение желаний: миф о непонимании между мужчинами и женщинами

Книга Джона Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры» содержит главу под названием «Разговоры на разных языках»¹. В ней Грей говорит, что изначально марсиане и венерианцы не стеснялись в выборе стиля общения, так как знали, что их языки непонятны для их собеседников. Современные мужчины и женщины, наоборот, тешат себя иллюзией, считая, что говорят на одном языке. Однако хотя они используют одни и те же слова, для представителей разных полов значения этих слов разнятся. В результате мужчины и женщины часто не понимают друг друга.

Мысль о том, что мужчины и женщины, образно говоря, разговаривают на разных языках, кажется, не нова. Миф о Марсе и Венере вернул ей популярность и придал достоверности. То, что когда-то было образным выражением, приобрело значение полноценной научной истины. Сегодня многие верят, что непонимание между мужчинами и женщинами — широко распространенная и серьезная проблема. Подтверждена ли наша озабоченность фактами или непонимание между мужчинами и женщинами — миф?

¹ John Gray, *Men Are from Mars, Women Are from Venus* (New York: HarperCollins, 1992), 59.

Перекрестные помехи

Самый влиятельный и популярный труд по теме непонимания между мужчинами и женщинами, «You Just Don't Understand» Деборы Теннен, действительно основан на лингвистических исследованиях, но их предметом были не язык и гендер. В студенческие годы Теннен работала с Джоном Гамперцем, специалистом в области речевого взаимодействия между представителями разных этнических групп. Гамперц показал, что едва заметные различия в речи представителей двух этнических групп могут привести к явлению, которое он определил как «перекрестные помехи» — постоянные неверные истолкования слов представителями разных групп, о которых они не догадываются¹.

Один из случаев перекрестных помех, изученных Гамперцем, произошел в аэропорту Хитроу в Лондоне. В нем участвовали англоговорящие белые и выходцы из Южной Азии (Индии или Пакистана). Белые рабочие ходили в столовую для персонала, и их раздражала манера официантов-азиатов предлагать подливку. Азиаты произносили слово «gravy» (подливка) с нисходящей интонацией. В британском варианте английского языка предложение принято передавать при помощи восходящей интонации, такой, как при вопросе: «[do you want] gravy?» (не желаете ли подливки?). Для белых рабочих слова азиатов звучали так, как будто те без необходимости заявляли «это подливка», или, что еще хуже, объявляли им, что польют их еду подливкой независимо от их желания.

При расследовании обнаружилось, что официанты-азиаты не имели в виду ничего подобного. Когда Гамперц прокрутил белым и азиатам записи со словом «gravy», произнесенным с нисходящей интонацией, и спросил их, что,

по их мнению, оно означает, их ответы различались. Белые воспринимали это как фразу «это подливка», то есть простое утверждение. Азиаты считали, что это вежливое предложение «не желаете ли подливки?». Представители этих двух групп руководствовались разными системами интонации, чтобы распознать, является ли предложение утвердительным или вопросительным. Так как они не знали, что между ними есть такое различие, они неверно истолковывали намерения друг друга. Белые рабочие считали, что азиаты грубы, а азиаты подозревали белых в расизме.

Дебора Теннен взяла идею о перекрестных помехах из исследований межэтнической коммуникации и применила ее в случае коммуникации между мужчинами и женщинами. И она была не единственной. В 1982 году Дэниэл Мальц и Рут Боркер в сборнике под редакцией Гамперца (Теннен также была одним из авторов) опубликовали статью. В этой статье они развивали мысль о сходстве этнических и гендерных различий¹. Для того чтобы проиллюстрировать это сравнение, авторы привели в качестве примера различие, о котором уже сообщалось в нескольких исследованиях. Эти исследования обнаружили, что женщины чаще, чем мужчины, использовали короткие ответы «да», «угу», «ага», выражая поддержку мнения собеседника.

Так же, как в опыте Гамперца доказывалось, что интонационный рисунок придает словам различное значение для белых и азиатов, в работе Мальца и Боркер говорилось, что короткие ответы могут иметь различное значение для мужчин и женщин. Возможно, женщины с их помощью говорили «да, я тебя слушаю», а мужчины — «да, я с тобой согласен». Если бы все было так, это бы легко объяснило, почему женщины чаще прибегают к коротким ответам. Хо-

¹ John J. Gumperz, *Discourse Strategies* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982).

¹ Daniel Maltz and Ruth Borcker, 'A Cultural Approach to Male-Female Misunderstanding', in John J. Gumperz (ed.), *Language and Social Identity* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982).

рошие собеседники обычно больше слушают, чем соглашаются. Перекрестные помехи объяснили бы также, почему женщины жалуются, что мужчины их не слушают. Если мужчины употребляют короткие ответы, чтобы выразить согласие, а не то, что они слушают собеседника, женщины жалуются напрасно: их беспокойство происходит от непонимания.

Однако если мы утверждаем, что имеют место перекрестные помехи, мы должны не только признать, что мужчины и женщины применяют одни и те же грамматические средства с разными целями, но и согласиться с тем, что им это неизвестно, так же как белым и азиатам из предыдущего примера неизвестны тонкости употребления языка. Если задуматься, в это сложно поверить. Представители этнических групп из исследования Гамперца выросли в разных странах (азиаты преимущественно принадлежали к иммигрантам, родившимся вне Англии). Они разговаривали на разных версиях английского языка (для большинства азиатов английский был вторым языком) и мало сталкивались друг с другом за пределами рабочих ситуаций. Мужчины и женщины из одного сообщества не могут быть им уподоблены. Даже если они действительно используют с разными целями некоторые языковые средства, у них достаточно опыта общения друг с другом, чтобы распознать различия.

В любом случае не существует доказательств, что короткие ответы имеют различное значение для мужчин и женщин. В противоположность Гамперцу и его работе по межэтническому общению Мальц и Боркер не проводили целенаправленных опытов для того, чтобы выяснить, действительно ли мужчины и женщины по-разному истолковывают одни и те же короткие ответы. Их статья была написана, чтобы заявить о возможности существования подобного гендерного различия и предложить его в качестве предмета будущих исследований. К сожалению, как это часто бывает с заявлениями по поводу различий между мужчинами

и женщинами, то, что изначально являлось предположением, впоследствии превратилось в признанный факт.

Один ученый все же проверил предположение Мальца и Боркер при помощи метода, сходного с методом Гамперца. Элен Райд-Томас дала проследить мужчинам и женщинам записи разговоров, в которых содержались короткие ответы. Она попросила испытуемых сказать, означали ли для них слова «да» и «ага» «я тебя слушаю, продолжай», «я с тобой согласен» или что-либо другое¹. Если Мальц и Боркер были правы, Райд-Томас обнаружила бы, что мужчины чаще склоняются к варианту «я согласен», а женщины — к варианту «я тебя слушаю». Но психолог не обнаружила никаких различий. Испытуемые обоих полов говорили, что некоторые слова обозначали выражение внимания, а некоторые — согласие. Они также совпали в своих определениях. Райд-Томас пришла к заключению, что в интерпретации коротких ответов люди руководствуются контекстом. Пол адресата при этом не имеет никакого значения.

Заявления по поводу непонимания между мужчинами и женщинами активно распространялись с 1980-х годов, но многие из них так и не подверглись серьезной проверке. Они по-прежнему основаны на предположениях или частных случаях. К таким заявлениям относится мнение, что мужчины предпочитают прямой стиль общения и им трудно понять женщин, предпочитающих говорить более уклончиво. Так же, как предположение Мальца и Боркер о коротких ответах, гипотеза о том, что мужчинам трудно понимать уклончивую речь, не подтверждена фактами. Тем не менее она отражает общее мнение, а в некоторых случаях, как мы увидим ниже, приводит к значительным последствиям.

¹ Helen Reid-Thomas, 'The Use and Interpretation by Men and Women of Minimal Responses in Informal Conversation', *M. Litt. thesis*, Strathclyde University, 1993.

Говорить прямо

Еще до появления мифа о Марсе и Венере представление о том, что речь женщин отличается уклончивостью, связывалось с приписываемым им недостатком уверенности в себе и твердости. Необходимость высказываться открыто была главной темой в тренингах по уверенности в себе. Советы, основанные на этом постулате, были общим местом в самоучителях и женских журналах, особенно в тех, что издавались для женщин, озабоченных своим карьерным ростом. Например, статья из журнала *Options* на тему «10 классических ошибок, которые делают женщины при построении карьеры» ставит неуверенную речь на девятое место¹:

Сколько раз вы слышали, как кто-то говорит «Я не очень уверена, но, возможно...»? При том, каким образом этот человек выражает свою мысль, кто поверит, что он уверен в своих словах? <...> Мы слишком часто делаем такие заявления, которые кажутся вопросами. Например, «Мы перенесем сроки, ладно?»

Options советует женщинам избегать неуверенности в речи на том основании, что они кажутся слабыми и нерешительными. Этот довод выдвинула Робин Лакофф в своей статье 1970-х годов «Language and Woman's Place», имевшей большой резонанс. Но с течением времени популярность приобрел другой довод. Следующий совет взят из журнала *Glamour*: «Выражайтесь прямо при разговоре с подчиненными-мужчинами. Женщины часто стесняются отдавать приказы напрямую, но мужчины находят этот способ манипулятивным и сбивающим с толку». Здесь женщинам рекомендуют говорить с мужчинами прямо не потому, что уклончивость подрывает их авторитет, а потому, что мужчины считают ее «манипулятивной и сбивающей

¹ '10 Classic Career Mistakes A Women Make', *Options*, February 1992.

с толку». Суть совета не изменилась, но теория, стоящая за ним, сместилась от представлений об ущербности гендерных признаков (женская манера выражаться хуже, чем мужская) к межкультурному подходу (оба стиля общения одинаково приемлемы, но различия между ними могут привести к непониманию).

Возникают два вопроса. Во-первых, если мужская и женская манеры разговаривать одинаково приемлемы, то почему именно женщинам велят подстраиваться под вкусы мужчин, даже в случае, когда мужчины являются подчиненными? Разве борьба с препятствиями, вызывающими непонимание между мужчинами и женщинами, — исключительно женская обязанность? Во-вторых, почему считается, что уклончивость является первой причиной непонимания? Что подтверждает, что она сбивает мужчин с толку?

Glamour — не единственный источник подобных заявлений. В разделе книги «Men from Mars, Women from Venus», где поясняется, как обращаться с просьбами к мужчинам, Джон Грей советует женщинам избегать уклончивости. Например, когда женщины хотят, чтобы мужчина внес в дом покупки, они не должны говорить нечто наподобие «продукты в машине». Они должны выражаться конкретно: «Не мог бы ты занести в дом продукты?» Другая ошибка, которую совершают женщины при формулировке просьб, — использование «ты можешь ...?» (could) вместо «не мог бы ты ...?» (would). «„Ты можешь вынести мусор?“ (Could you empty the trash?) — говорит Грей, — это вопрос для получения информации. „Не мог бы ты вынести мусор?“ (Would you empty the trash?) — это просьба»¹.

Похоже, Грей думает, что мужчины воспринимают высказывания наподобие «Ты можешь вынести мусор?» как вопросы, цель которых — узнать, могут ли они физически

¹ Gray, *Men from Mars, Women from Venus*, 250-1.

выполнить данное действие. Но совершенно ясно, что подобное заявление смешно. Ни один человек, свободно разговаривающий на английском языке, не сочтет фразу «Ты можешь вынести мусор?» вопросом для получения информации. Точно так же человек, свободно разговаривающий на английском языке, не сочтет вопрос «Ты можешь пробежать мило за четыре минуты?» вежливой просьбой начать пробежку. Грей прав, отмечая, что конструкция «Ты можешь X?» («could you do X?») способна выполнять обе функции, но ошибается, считая, что здесь возможно непонимание. Живые языки, на которых разговаривают люди, не относятся к таким системам, в которых каждое слово или выражение имеет только одно определенное и устоявшееся значение. Напротив, человеческое общение основывается на том, что слушающий способен сопоставить слова говорящего с другой информацией об окружающем его мире. Именно на его основании слушающий делает выводы о том, что пытается ему сообщить собеседник.

Давайте разберем для примера случай, когда кто-то говорит «продукты в машине», подразумевая просьбу «пожалуйста, внеси продукты в дом». Как мы можем из формы высказывания понять его значение? Обработывая эти слова, мы не просто будем декодировать словосочетание «продукты в машине». Мы также зададимся следующими вопросами: «Почему она сообщает мне, что продукты находятся в машине?», «Почему ей важно сказать об этом именно сейчас?». Затем мы обратимся к своему знанию окружающей действительности. Мы знаем, что продукты принято держать дома, а не в машине. Также если один член семьи только что ходил за покупками, то логично, что он попросит другого члена перенести их в дом. Опираясь на это, можно заключить, что говорящий хочет не только сообщить нам, где находятся продукты, но и попросить нас достать их из машины и принести в дом.

Для некоторых людей, например страдающих аутизмом, не прямые просьбы на самом деле могут представлять затруднение. Большая часть человеческого общения сложна для их понимания в силу неспособности понимать происходящее в чужом сознании. Но эта проблема относится к исключениям. Мы определяем такую ситуацию как отклонение именно потому, что способность угадывать намерения окружающих играет важнейшую роль при общении. Считает ли Джон Грей, что болезнь — это отклонение? И если он действительно верит, что мужчины не могут понять косвенные просьбы, исходящие от женщин, то как он объясняет тот факт, что зачастую сами мужчины обращаются к женщинам с подобной речью?

Однажды подруга описала мне один вечер из жизни ее семьи, когда она была маленькой. Каждый раз, когда семья садилась ужинать, ее отец рассматривал еду на своей тарелке, а потом говорил жене что-то типа: «У нас есть кетчуп, Вера?» Его жена сразу же вставала и приносила ту приправу, которую он называл. Если верить теории Джона Грея, он должен удивиться ее действиям и сказать: «О, я не имел в виду, что хочу кетчупа. Я просто интересовался, есть ли он у нас». Не стоит говорить, что его реакция была другой. И он, и его жена понимали, что слова «У нас есть кетчуп?» — это косвенная просьба достать кетчуп, а не «вопрос для получения информации».

Тем не менее, если моя подруга обращалась с той же просьбой, ее мать реагировала на это по-другому. Она отвечала так, как будто это был простой вопрос, говоря: «Да, родная, он в шкафу». Легко понять, что в этот момент она не потеряла возможность понимать косвенные просьбы. Она *сделала вид*, что восприняла просьбу дочери как обыкновенный вопрос, и поступила так для того, чтобы косвенно донести до нее примерно такое сообщение: «Может быть, я и приношу кетчуп твоему отцу, но не считаю, что обязана то же самое делать для тебя».

Эта ситуация скорее является примером тактического, а не истинного непонимания. Делая вид, что не понимаем, что от нас требуется не ответ, а действие, мы избавляемся от исполнения нежелательной для нас обязанности. Возможно, именно это и происходит, когда мужчина заявляет, что не воспринимает слова женщины «ты можешь вынести мусор?» или «продукты в машине» как просьбу. Истинное непонимание кроется не в том, что значат слова, а в том, кто и от кого должен ожидать тех или иных действий.

Выставляя семейные пререкания подобного рода в виде проблемы непонимания между мужчинами и женщинами, миф о Марсе и Венере всего лишь скрывает истинное положение дел. В то время как споры по поводу того, кому выносить мусор и кому заносить в дом продукты, весьма заурядны, существуют столкновения между полами, имеющие гораздо более значительные последствия.

«Просто скажи „нет“»

В 1990-х годах две студентки одного канадского университета обратились с жалобами на студента, случайно обнаружив, что обе они при разных обстоятельствах встречались с ним и в конце вечера подверглись сексуальному насилию. Их жалобы выслушал университетский суд. Заседания суда были записаны и стали предметом лингвистического исследования¹.

Как и во множестве дел о сексуальных домогательствах и изнасилованиях, в этом случае разбирательство свелось к обсуждению вопроса, были ли у ответчика существенные

¹ Полный анализ см.: Susan Ehrlich, *Representing Rape* (London: Routledge, 2002). Отрывки из протоколов суда, воспроизведены в этой главе по: Susan Ehrlich, 'The Discursive Reconstruction of Sexual Consent', in Deborah Cameron and Don Kulick (eds.), *The Language and Sexuality Reader* (London: Routledge, 2006), 196–214.

основания, чтобы решить, что истицы дали согласие на секс. Оба случая начались с обещания взаимного согласия. Девушки пригласили молодого человека в свою комнату, они целовались и обнимались. Однако на суде потерпевшие заявили, что он зашел слишком далеко и силой принудил их к большей близости, в то время как они четко выразили свое несогласие. Он же настаивал, что они желали продолжения или, по крайней мере, не говорили ничего, что заставило бы его предположить обратное.

В этом отрывке из стенограммы слушания дела одна из истиц, М. Б., только что заявила суду, что ответчик продолжал ласки даже после того, как она несколько раз выразила ему отказ от секса. После этого член комиссии, Г. К., задает ей следующий вопрос:

А не приходило ли вам в голову, что так как он продолжал вести себя прежним образом, то, возможно, ваши сигналы были недостаточно громкими и понятными? Что он трактовал их как «я не понимаю, чего хочу, а чего не хочу»? <...> Все это потому, что сигналы спутались. Мы все так или иначе учимся общаться, чтобы получать и посылать сигналы. В данном конкретном случае вас не тревожило, что ваши сигналы не были получены или были неверно истолкованы? И раз они были истолкованы неверно, не тревожил ли вас вопрос «может быть, мне нужно как-то изменить мои сигналы?»

Очевидно, что Г. К. считает произошедшее случаем непонимания («сигналы спутались»). Также похоже, что она считает пострадавшую ответственной за сбой в коммуникации. Свою речь она начинает со слов «а не приходило ли вам в голову». Такие слова обычно подразумевают, что собеседник *должен* был о чем-то догадаться. Ее последующие вопросы («вас не беспокоило ...?», «не тревожил ли вас вопрос ...?») выстроены примерно в той же манере. Г. К. не столько интересуется мнением М. Б. о произошедшем, сколько излагает свое собственное. Согласно Г. К., М. Б.

должна была догадаться, что партнер не понял ее знаков, и обязана была «как-то изменить свои сигналы».

Лингвист Сьюзен Эрлих, анализирувавшая это разбирательство, отмечает, что обвиняемого ни разу не расспрашивали, как он реагировал на слова пострадавшей. На определенном этапе его спросили, почему он продолжал свои действия тогда, когда М. Б. уснула или притворилась спящей. Вот каков был его ответ: «Она сказала, что устала, но, знаете, она ни разу не сказала что-то вроде „нет“, „стой“, „не надо“, понимаете, „не делай этого“, хмм, „уйди с кровати“». Никто не спрашивает его, почему он не подумал, что говоря, будто устала, или засыпая, М. Б. сообщает ему, что хочет, чтобы он остановился. Не нужно быть ученым-ядерщиком, чтобы догадаться, что лежащий рядом с вами человек, притворяющийся спящим, вероятно, не хочет заниматься сексом. Но никто не упрекнул обвиняемого в отсутствии чувствительности. Судя по этому разбирательству, за то, чтобы избежать непонимания, отвечают не оба участника разговора, а только один — женщина.

Это утверждение отражает основную тенденцию в разбирательствах по делам об изнасилованиях. Суд обращает больше внимания на характер и поведение истицы, чем на характер и поведение предполагаемого преступника, особенно если стороны знакомы. Ее одежда, количество выпитого, ее предыдущие половые связи и репутация — все подвергается детальному изучению, везде разыскиваются малейшие основания, чтобы предположить, что она была согласна на продолжение. Предполагая, что мужчинам трудно понимать женщин, миф о Марсе и Венере поставил женщин, заявляющих, что их изнасиловали, в незавидное положение. Теперь они обязаны доказать не только то, что не давали согласия на секс, но и то, что их отказ был выражен предельно ясно и исключал возможность непонимания.

Канадские девушки оказались не в состоянии полностью удовлетворить суд. Окончательное письменное заключение процесса гласит:

Существуют некоторые сомнения по поводу того, что истицы достаточно четко выразили несогласие на имевшие место действия. Также очевидно, что временами их поступки были двусмысленными и недостаточно однозначно указывали на отсутствие желания участвовать в произошедшем¹.

Ответчик был признан виновным, но суд отказался подвергнуть его требуемому в таких случаях наказанию, то есть отчислению из университета. Вместо этого ему запретили заходить в студенческое общежитие. Такое решение было вызвано мнением, что истицы сами были отчасти виновны в том, что с ними произошло. Если бы они выразались по-другому, они могли бы этого избежать.

Эта мысль активно внушается на курсах полового воспитания и в рамках программ по предотвращению изнасилований и сексуальных домогательств. Везде женщин предупреждают, что если они не хотят заниматься сексом, они просто должны сказать «нет». При этом особо подчеркивается, что отказ женщины должен выражаться при помощи этого четкого и недвусмысленного слова. Его, согласно рекомендациям, следует сопровождать соответствующими жестами и мимикой, окончательно подчеркивающими, что женщина отказывается по-настоящему, а не для видимости. При этом не только излишне, но и вредно давать какие-либо объяснения отказа. Только короткое и простое высказывание может исключить непонимание. Возможно, этот совет дают с благими побуждениями, но, согласно исследованиям, его адекватность сомнительна.

¹ Протокол суда. 'In the Matter of M. A.' Цит. по: Ehrlich, 'Discursive Reconstruction of Sexual Consent', 210.

Исследователи Селия Китцинджер и Ханна Фрит провели работу в фокус-группах с участием пятидесяти восьми женщин. Они спрашивали, как участницы сообщали мужчинам, что не хотят заниматься с ними сексом¹. Несмотря на то что женщины были знакомы со стандартной рекомендацией по предупреждению изнасилований, все они, за редким исключением, признались, что никогда бы не ограничились словом «нет». По их мнению, это может лишь ухудшить ситуацию, дав мужчинам дополнительный повод для огорчения.

Женщины рассказали о тех приемах, которые они использовали в действительности. Эти приемы были предназначены для того, чтобы, так сказать, смягчить удар различными способами. Достаточно популярной оказалась тактика, при которой женщина мотивировала отказ от секса не своим нежеланием, а препятствующими этому физиологическими причинами. Среди примеров оказались проверенные временем «у меня болит голова», «я очень устала» и «у меня месячные». Как пояснила одна из женщин, подобные отговорки не дают мужчине «очень расстроиться» и «осудить женщину». Другим смягчающим приемом было предварить отказ чем-то наподобие «мне очень приятно, но...». Женщины также признавались, что говорили мужчинам, что пока не готовы к сексу, зная, что на самом деле он никогда их не заинтересует.

Может показаться, что все это — печальные свидетельства правоты психологов, утверждающих что женщинам недостает напористости, уверенности в себе и что у них заниженная самооценка. Однако существует одно очень важное обстоятельство. Все приемы, перечисленные выше, применяются представителями обоего пола

тогда, когда им необходимо передать отказ. Исследования моделей коммуникации говорят, что в обычных обстоятельствах никто не отказывается, «просто говоря „нет“». Большинство отказов даже не содержат этого слова. Похоже, что при обстоятельствах, не имеющих отношения к сексу, ни у кого не возникает трудностей с пониманием собеседника.

Если для вас это звучит нелогично, давайте обратимся к конкретному примеру. Допустим, я случайно сталкиваюсь в коридоре со своей коллегой, и она мне говорит: «Мы собираемся зайти в паб после работы. Хочешь с нами?» Она меня приглашает, и я должна либо принять, либо отклонить ее приглашение. Если я соглашаюсь, мне достаточно сказать «да, с удовольствием» или «конечно, увидимся на месте». Напротив, если я собираюсь отказаться, то вряд ли я выражу отказ при помощи «нет, не могу» (я не говорю о «нет, не хочу»).

В чем различие? В том, что отказ от приглашения, даже если вам предлагают что-то менее деликатное, чем секс, — более тонкая задача, чем выражение согласия. Если вы кого-то куда-то приглашаете, то рассчитываете, что этот человек согласится. Если ваше приглашение отклонят, возможно, что вы обидитесь, расстроитесь или просто разочаруетесь. Для того чтобы не чувствовать себя в неудобном положении, люди обычно отказываются, выражая сожаление по поводу отказа. Выражения согласия могут быть весьма резкими, так как не связаны с опасностью расстроить собеседника. По сравнению с ними отказы более тщательно продумываются и занимают больше времени. Они могут содержать некоторые или все из перечисленных ниже черт:

1. Ответ дается с задержкой: ему предшествует пауза или междометие «хм» (согласие обычно не сопровождается колебаниями).
2. Уклончивое выражение, чаще всего «ну...».

¹ Celia Kitzinger and Hannah Frith, 'Just Say No: The Use of Conversation Analysis in Developing a Feminist Perspective on Sexual Refusal', *Discourse & Society*, 10/3 (1999), 293–316.

3. «Смягчающие» вводные слова, например «я бы с радостью, но...».
4. Приемлемая причина отказа.

Итак, если вы приглашаете меня в паб, а я по той или иной причине не хочу с вами идти, скорее всего я не скажу вам просто «нет» (как и «нет, извини»). Вероятно, вы услышите что-то вроде: «(пауза) Ну, я бы с радостью, но я обещала, что пораньше приеду домой».

Так как эта модель весьма устойчива и радикально отличается от модели противоположного ответа, то есть согласия, отказ очень легко распознать. Наблюдения показывают, что люди способны понять, что им откажут, лишь только почувствуют колебания. Говоря «люди», я имею в виду представителей обоих полов. Пока никто не обнаружил различий между мужчинами и женщинами в применении только что описанной мною модели.

Как заключают Китцинджер и Фрит, наблюдаемые ими явления опровергают мнение, что мужчины не понимают отказ, когда он выражен менее прямо, чем при помощи твердого «нет». Если обыкновенные, не связанные с сексом отказы обычно не выражаются при помощи одного «нет», если о них сообщают, прибегая к таким общепринятым приемам, как колебания, уклончивость и оправдания, то отказы от секса, при которых используются те же приемы, не должны представлять особую сложность для понимания. «Если мужчина утверждает, что не воспринимает подобные отказы как таковые, — пишут Китцинджер и Фрит, — это означает, что он признается в поразительном и глубочайшем невежестве»¹.

Даже после этого можно остаться при мнении, что женщина, не желающая стать объектом изнасилования,

¹ Celia Kitzinger and Hannah Frith, 'Just Say No: The Use of Conversation Analysis in Developing a Feminist Perspective on Sexual Refusal', *Discourse & Society*, 10/3 (1999), 310–311.

должна забыть об обычных любезностях и «однозначно указать на отсутствие желания участвовать». Участники канадского процесса были явно удивлены тем, что у М. Б. это не получилось. На нее давили до тех пор, пока она наконец не объяснила свои действия. Как и женщины в опыте Китцинджер и Фрит, М. Б. сочла благоразумным смягчить удар. По ее словам, она не хотела прямо возражать напавшему на нее мужчине. Она боялась его и того, что он может причинить ей еще больший вред, если она будет его провоцировать.

Иногда сделаешь все, что угодно, чтобы выжить (*плачет*). В тот момент я думала только о том, чтобы остаться в живых. То есть мне было все равно, возвращаться к нему в постель или нет. Лишь бы он меня не бил, остальное было для меня безразлично. <...> Я делала все, чтобы уцелеть.

Эта ситуация заставляет усомниться в обоснованности совета, который дают специалисты по предупреждению изнасилований. Согласно их рекомендации, женщины совсем не должны стремиться смягчить удар, а наоборот, им следует усугубить обиду, причиняемую отказом, высказав его в достаточно резкой форме. Такой совет подразумевает, что мужчины, продолжающие настойчиво добиваться близости, плохо понимают, чего хотят женщины, и будут рады, если их сомнения развеет простое твердое «нет». Он не допускает, что мужчины, ведущие себя таким образом, несколько не заботятся о желаниях женщин. Более того, эти желания им безразличны. Когда на вас нападает агрессивно настроенный мужчина, ссориться с ним далеко не безопасно. А напуганной женщине это может показаться опаснейшим ходом, из-за которого ее могут не только изнасиловать, но еще и побить.

Женщины не ошибаются, когда боятся последствий совета «просто скажи „нет“». Благодаря мифу о Марсе и Венере им не просто дают дурной совет, якобы способный

уберечь от изнасилования. При этом они оказываются в ответе за то, чтобы предотвратить изнасилование. Если же у них это не получается, им предъявляют соответствующие обвинения.

Отсутствие взаимопонимания?

Мне вспоминается фильм 1967 года о жизни заключенных «Хладнокровный Люк», где звучит знаменитая фраза, с которой тюремщик обращается к арестанту Люку, постоянно восстающему против властей. «Все дело, — говорит тюремщик, — в отсутствии взаимопонимания». Оба знают, что взаимопонимание здесь совершенно ни при чем. Люк понимает слова тюремщика, но решает ему возразить. Истинный смысл фразы тюремщика «отсутствие взаимопонимания» — «нежелание делать то, что хочу я».

Подобное использование слова «взаимопонимание» все чаще встречается в современной культуре. Конфликты, на самом деле возникающие потому, что собеседники стремятся к противоположным целям (он хочет заняться с нею сексом, а она с ним — нет, она хочет, чтобы он разделил с нею домашние обязанности, а он хочет, чтобы она перестала на него ворчать), постоянно объясняются как результат непонимания, что вызывает проблемы в общении. Если кто-то не поступает так, как мы хотим, значит, «он нас не понял»: проблема называется отсутствием взаимопонимания, а справиться с ней советуют при помощи более доходчивого изложения своих мыслей.

Благодаря надежде на легкое разрешение проблем с помощью этого постулата многим людям нравится теория непонимания между мужчинами и женщинами. Вот что говорит Дебора Теннен¹:

¹ Deborah Tannen, *You Just Don't Understand* (New York: Morrow, 1990), 298.

Если воспринимать различия в стиле только как различия в стиле, их привлекательность тотчас исчезнет. Людям неприятно представлять, что собеседнику неинтересно их слушать, что их вторая половина не так беспокоится о них, как они за нее, что собеседник хочет отнять у них свободу. Гораздо приятнее считать, что партнер по-другому проявляет внимание к вашим словам, что его забота выражается иными способами. В таком случае нет виноватых. Можно просить об одолжениях и поступать по-своему, не возлагая вину ни на себя, ни на окружающих.

Мы успокаиваемся, когда слышим, что нет никаких неприятностей, что нет никаких конфликтов, а есть только непонимание, что не существует разногласий по содержанию, а существуют лишь различия по форме. Если признать, что проблемы мужчин и женщин глубже, чем «отсутствие взаимопонимания», мир предстанет более суровым и менее уютным.

Мы поддерживаем эти слова Теннен, но факты не подтверждают других заявлений, сделанных ею и ее последователями. Я говорю о понимании природы, причин и степени распространенности непонимания между полами. Несомненно, что некоторые споры между отдельными мужчинами и женщинами вызваны непониманием: вероятность коммуникативного сбоя при общении людей всегда существует просто потому, что речь — это не телепатия. Однако предположение, что у мужчин и женщин возникают особые проблемы из-за стабильных различий, присущих их речи, и что эти различия являются основной причиной разногласий между ними, не выдерживает критики.

Это последняя глава, где я рассматривала версию мифа о Марсе и Венере, согласно которой мужчины и женщины разговаривают по-разному и с трудом понимают друг друга, потому что их становление проходит в различных социальных мирах. Однако существует и другая версия этого мифа. Она отслеживает различия начиная с эпохи

становления человеческого рода. По этой версии мы не учимся, вести себя, у друзей детства, а наследуем манеру поведения от своих доисторических предков. В следующей главе я подробно рассмотрю концепцию, согласно которой гендерные различия в языке и коммуникации — врожденные или, говоря современным языком, «запрограммированные».

6

ГЛАВА

Назад к природе: мозг, гены и эволюция

В 2005 году заголовок лондонского издания *Evening Standard* объявил: «Мужчины лучше справляются с шопингом, чем женщины: все дело в генах». Причиной для публикации послужило исследование способов ходить за покупками в четырнадцать различных странах. Вот к каким открытиям оно привело: «<...> как правило, женщины посещают больше магазинов, чем необходимо, тратят на шопинг больше времени, чем нужно, и ходят за покупками чаще, чем требуется. Мужчины стараются закончить процесс хождения по магазинам как можно скорее»¹.

Самое очевидное объяснение этих наблюдений в том, что женщины получают больше удовольствия от шопинга, чем мужчины. Вероятно, оно показалось исследователям слишком простым:

Мужчины генетически запрограммированы для того, чтобы лучше справляться с шопингом, чем женщины. <...> Мужчины обладают наследственностью охотников и собирателей, которая позволяет им более эффективно ходить за «добычей» на центральные улицы так же, как они делали это в доисторических прериях миллионы лет назад. Они тратят меньше времени на

¹ Jonathan Prynne, 'Men Are Better at Shopping than Women: It's in the Genes', *Evening Standard*, 6 October 2005.

разглядывание товаров и яснее представляют, чего хотят. <...> Во время совершения покупки у мужчин возрастает частота сердцебиения, что является эхом того возбуждения, которое охватывало их при успешном завершении охоты в каменном веке¹.

Заявления, что некий феномен, несомненно принадлежащий современной эпохе (такой, как шопинг или потребление еды в ресторанах быстрого питания), лучше всего объясняется при помощи параллелей с каменным веком, — отличительная черта научного течения, известного как эволюционная психология. Согласно ученым, занимающимся эволюционной психологией, многие модели поведения, которые мы привыкли считать порождением культуры, на самом деле являются результатами биологической эволюции: они отражают способы, при помощи которых наши далекие предки адаптировались к условиям жизни в доисторической прерии. Мы больше не живем в мире наших предков, но унаследовали их гены. Качества, которые были необходимы им, «запрограммированы» в нас. Также эволюционные психологи настаивают, что эти качества различны для мужчин и женщин. У наших предков не было представления о равных возможностях, и гены, которые они нам передали, делают нас различными не только по физиологическим особенностям, но и в области принципов работы нашего сознания.

Областями, в которых мужское и женское сознания больше всего различаются по принципам работы, считаются язык и коммуникация. Если взглянуть на четвертую страницу обложки научно-популярной книги под названием «Why Men Don't Iron», «...мальчишки лучше справляются с задачами, требующими пространственного мышления, а девочки — с задачами, требующими языковых навыков.

¹ Jonathan Prynne, 'Men Are Better at Shopping than Women: It's in the Genes', *Evening Standard*, 6 October 2005.

Мозг мужчины создан для действий, а мозг женщины — для разговоров: мужчины действуют, а женщины говорят»¹.

Саймон Бэрн-Коуэн, автор книги «The Essential Difference», предлагает собственное видение тех же предполагаемых особенностей². Согласно его точке зрения, мозг мужчины предназначен для систематизирования (понимания и создания сложных систем), в то время как мозг женщины создан для эмпатии (понимания и адекватной реакции на мысли и чувства окружающих). Гендерные различия в языке и общении — лишь побочные продукты этого более глубокого различия. Женская эмпатия по отношению к окружающим выражается в таких венецианских свойствах, как склонность придавать большое значение разговорам, предпочтение сотrudнического стиля в общении, стремление больше обсуждать людей и их чувства. Склонность мужчин к систематизированию выражается в типично марсианском предпочтении действий словам, ведении разговоров, посвященных выполнению различных практических задач, а также вычислению скорости движения и кратчайшего маршрута из пункта А в пункт Б.

Книги «Why Men Don't Iron» и «The Essential Difference» относятся к литературе о Марсе и Венере, стремящейся уничтожить «политкорректное» представление о различиях между мужчинами и женщинами как о порождениях культуры. Согласно мнению, которое отстаивает это направление, различия между полами вызваны врожденными биологическими особенностями: нашим генетическим наследием и влиянием на мозг половых гормонов. Причина существования этих особенностей заключается в том, что

¹ Anne Moir and Bill Moir, *Why Men Don't Iron* (New York: Citadel, 1999).

² Simon Baron-Cohen, *The Essential Difference* (London: Allen Lane, 2003).

в период каменного века было необходимо, чтобы мужчины и женщины обладали разными способностями.

Но какую пользу получили наши доисторические предки от того, что мозг женщины оказался более адаптирован для речи, а мозг мужчины — для других занятий? Сейчас я перейду к ответам на этот вопрос. Для начала давайте коротко обсудим положение, подразумевающееся этим вопросом: существуют различия в строении мозга у мужчин и женщин, влияющие на их речевое поведение.

Пол, язык и мозг

Как при многих сравнительных исследованиях мужчин и женщин, при сопоставлении устройства их мозга обнаружится больше сходств, чем различий. Тем не менее некоторые различия наблюдаются. Они состоят как в анатомическом строении, так и в принципах обработки различных задач, включая языковые.

Доказательства существования различий поступают из двух основных источников. Один из них — исследования людей, чей мозг подвергся повреждениям вследствие травм, опухолей или инсультов. Отслеживая, какие способности теряет человек с повреждениями тех или иных участков мозга, можно предположить, какие функции выполняют соответствующие области мозга в нормальном состоянии. Другой источник — наблюдения при помощи технологий, подобных ФОМР (томография, функциональное отображение магнитного резонанса). Эти методики обычно отмечают прилив крови к отдельным участкам мозга в то время, когда его обладатель занимается той или иной деятельностью. Увеличение кровотока, подразумевающее увеличение активности, передается в виде изображения, на котором подсвечиваются активные части мозга.

Оба источника утверждают, что в мозге мужчины язык более латерализован, чем в мозге женщины. Термин «латерализован» используется здесь потому, что мозг состоит из двух полушарий, и каждое из них отвечает за свои функции. Обычно за речь отвечает левое полушарие, которое больше развито у мужчин. Наблюдения за женщинами показывают, что они более равномерно используют оба полушария.

Это различие помогает объяснить клиническую статистику, согласно которой мужчины больше, чем женщины, подвержены опасности афазии (потере речевых навыков) и прочих нарушений речи, вызванных травмами мозга. Женщины с травмами левого полушария имеют меньше шансов получить афазию, чем мужчины с аналогичными повреждениями¹. Если после травмы речевые навыки человека подвергаются искажению, у женщин больше шансов их восстановить, чем у мужчин. Это можно объяснить тем, что в организме женщины существуют области правого полушария мозга, способные выполнять функции той части левого полушария, которая оказалась повреждена.

До сих пор неясно, почему мужчины и женщины, не перенесшие черепно-мозговых травм, используют разные части мозга для выполнения одних и тех же языковых задач. Хотя некоторые ученые полагают, что это связано с более развитыми языковыми способностями женщин, а некоторые — что это связано с более развитыми способностями мужчин к пространственному мышлению, исследования пока не нашли доказательств, поддерживающих какую-либо точку зрения. Некоторые опыты с томографией, наоборот, обнаружили, что зависимости между результа-

¹ Jeannette McGlone, 'Sex Differences in the Cerebral Organization of Verbal Functions in Patients with Unilateral Brain Lesions', *Brain*, 100 (1977), 775–793.

тами решения языковых задач и тем, какие участки мозга занимались их обработкой, не существует. Мужчины, у которых наблюдалась активность только в левом полушарии, не отставали ни по качеству выполнения задач, ни по затраченному времени от женщин, которые задействовали для тех же целей оба полушария¹.

Авторы популярной литературы, делающие огульные заявления, будто бы «мозг мужчины создан для действий, а мозг женщины — для разговоров», выставляют в качестве факта то, что по большей части является недоказанной гипотезой. Мы еще мало знаем о том, как работает мозг и каким образом пол влияет на его деятельность. Даже при том, что все ученые признают существование различий между мужчинами и женщинами, между ними нет согласия в объяснении этих различий. При этом не только авторы с сомнительной репутацией стремятся восполнить недостаток в знаниях заявлениями, истинность которых не доказана наукой.

Догадки и теории

Как я уже отмечала, современная наука придерживается мнения, что различия в строении мозга у современных представителей разных полов объясняются их значением для выживания наших предков в доисторическую эпоху. Подобные мнения могут быть лишь догадками, так как базируются на восстановлении подробностей жизни в тот период на основании чрезвычайно малого количества находок. В случае языка находок не просто мало — их вообще нет. Так как первобытные люди не умели писать, их языки не оставили современной науке такого материала для изучения, как орудия труда и произведения искусства.

¹ *Neuroreport*, 9/12 (24 August 1998), 2803–2807.

По окаменелостям и дошедшим до наших дней артефактам невозможно сделать заключения в отношении многих вещей, представляющих интерес для эволюционных психологов, как, например, эмоции первобытных людей, их сексуальные отношения, способы заботы о потомстве. Это же можно сказать и в отношении языка. Ученые вынуждены создавать теории о наших предках, опираясь на смесь того, что нам предположительно известно об их жизни, что мы получаем из наблюдений за современным человеком (а иногда и за современными приматами) и исходя из того, что мы считаем общими принципами эволюции. В то же время они считают, что поведение современного человека должно осмысляться как продолжение основных принципов образа жизни доисторических людей. Этот замкнутый круг порождает догадки, злоупотребляющие легковерием общества. Когда исследователи сообщают, что манера делать покупки отражает черты, унаследованные нами от древних охотников и собирателей, нам легко приходят на память «Флинтстоны», популярный мультфильм о жизни «современной семейки» из каменного века, мир которого копирует американский пригород 1960-х годов, разве что колесо для Флинтстонов пока не изобрели.

В отношении исследований, подобных изучению манеры заниматься шопингом, возникает логичный вопрос: «Почему ученые считают необходимым искать некое биологическое обоснование, отслеживая его со времен самого царя Гороха?» Разве не проще объяснить шопинг как феномен культуры? Этот же вопрос может быть задан в отношении гендерных различий в языке. Легко согласиться, что язык является более подходящим объектом для применения эволюционного подхода. Никто не спорит, что сама по себе способность человека к речевой деятельности имеет биологическое основание и, следовательно, должна быть продуктом эволюции. Но из этого не следует, что различия в том, как разные группы людей пользуются этой способностью,

должны быть обусловлены природой. Ясно, что потребности в питании и сексе естественны для всех нас, — и мы адаптированы для их удовлетворения (значение этих потребностей очевидно для выживания отдельных особей и всего вида). Однако это не означает, что люди запрограммированы для того, чтобы заниматься фетишизмом или соблюдать этикет за столом. Подобные занятия скорее всего являются культурными феноменами, в особенности если учесть, что они не характерны для разных времен и разных стран.

О языке можно сказать то же самое. Разумеется, способность говорить запрограммирована в сознании человека, но вовсе не обязательно, чтобы разнообразные способы использования этой способности также были заложены в программу. Итак, как эволюционные психологи обосновывают свое мнение о том, что различия в речи мужчин и женщин — не феномен культуры, а биологический императив, корни которого находятся в доисторической эпохе?

Эволюция, пол и язык

В основе теории эволюции лежит представление о том, что высшего разума, направляющего развитие организмов к определенной цели, не существует. Эволюция происходит за счет того, что в каждой популяции встречаются генетические отклонения, мутации: со временем некоторые из них получают распространение за счет вытеснения других, потому что оказываются более способными к обеспечению выживания человека.

Слово «выживание» применительно к современной теории эволюции означает обеспечение сохранения собственных генов путем их передачи потомству. Если мы говорим, что ген способен к выживанию, то имеем в виду, что особи, обладающие этим геном, имеют больше шансов произвести потомство, чем не обладающие им. Стремление к успеху

в самовоспроизводстве, то есть к передаче собственных генов возможно большему количеству потомков, является основным для представителей обоих полов. Однако ученые, занимающиеся теорией эволюции, настаивают, что биологическое стремление к самовоспроизводству по-разному выражается у мужчин и женщин.

Теоретически не существует предела числу потомков, которым может стать отцом один мужчина. Женщины же могут зачать только определенное количество раз. Для них зачатие — лишь начало более длительного процесса, состоящего из беременности, рождения и заботы о беспомощном ребенке. Это ограничивает готовность женщин к половым контактам и делает их труднодоступным благом, за которое мужчины вынуждены бороться. И именно из-за этого женщины требовательно относятся к своим партнерам: для них каждый половой контакт может вылиться в огромное вложение сил и времени. В результате мужчины занимаются ухаживанием, а женщины выбирают.

Теоретики утверждают, что для того чтобы достичь успеха в самовоспроизводстве, доисторические мужчины и женщины должны были различаться не только в анатомическом и физиологическом планах, но и в способах мышления, поведения и восприятия действительности. Самыми успешными представителями мужского пола были те, кто максимально увеличил свои возможности для спаривания, кто наиболее агрессивно участвовал в борьбе с другими мужчинами и обладал качествами (например, умением охотиться), привлекательными для женщин. Показатели успешности для женщин были другими. Успешность женщины в каменном веке зависела от способности выбирать партнеров и воспитывать детей.

Несложно заметить, как в эту картину мог вписываться язык. Женщины, умеющие воспитывать детей, обладающие развитыми навыками социализации, также должны быть «заботливыми» собеседниками с развитой, богатой речью.

Мужчины же стремились активнее развивать способности, не связанные с общением, но востребованные во время охоты. Их речь в тех редких случаях, когда им доводилось говорить, должна была отражать их агрессивный характер, сформировавшийся в условиях постоянного соперничества. Все это, разумеется, полностью соответствует тому, что говорит миф о Марсе и Венере по поводу речи современных мужчин и женщин.

Многие ученые, изучающие процесс эволюции человека, искренне верят в миф о различиях в речи представителей различных полов. Но они по-другому представляют его связь с более объемной теорией происхождения мужчины и женщины. Это объясняется тем, как они отвечают на другой важнейший вопрос, касающийся эволюции человека: «Как и почему появился язык?»

Никого не нужно убеждать в том, что способность говорить стала преимуществом в борьбе за существование и размножение. Тем не менее за развитие каждой способности необходимо платить. В случае с языком цена была высокой: для того чтобы получить возможность разговаривать, человеку потребовался чрезвычайно большой мозг. Большой мозг требует много энергии, также для его развития необходимо длительное время. Так как мозг ребенка недостаточно развит при рождении, дети остаются беспомощными и зависят от родителей многие годы. Какое преимущество мог дать нашему виду язык в обмен на все эти весьма значительные неудобства?

Собирательство, забота о потомстве и сплетни

В прошлом часто можно было слышать утверждения, что значительным преимуществом, которое дал человеку язык, была возможность более эффективно управлять процессом охоты. Так как предполагалось, что охотниками

были мужчины, из этого следовало, что мужчины были движущей силой эволюции языка. Но общие положения эволюционной психологии больше соотносятся с версией, предполагающей, что движущей силой эволюции языка были женщины. В наши дни существует несколько различных гипотез развития речи. Согласно одной из них, основное преимущество языка было связано с управлением социальными отношениями в сообществах доисторических людей. Люди — общественные животные, и их жизнь зависит от умения общаться с собратьями, а не только от противоборства с ними. Для того чтобы вести успешную жизнь социального существа, необходимо не только поддерживать социальные отношения, но и следить за ними: следовало быть в курсе того, кто, чем и с кем занимается, а также знать свое и чужое положение в неофициальной иерархии.

Наши ближайшие родственники из царства животных, обезьяны, ведут общение, расчесывая друг друга. Но когда количество особей в группе превышает определенное значение, физический контакт, в котором участвуют только две особи, превращается в длительный и малоэффективный процесс, неудобный для поддержания социальной иерархии. Согласно ученому-эволюционисту Робину Данбару, рост численности особей в группах стал решающим фактором для развития языка¹. Данбар считает, что в ходе эволюции человека условия окружающей среды требовали увеличения количества членов средней группы людей. По мере того как группы увеличивались в размерах, их членам становилось все сложнее расчесывать друг друга, и тогда на смену расчесыванию пришел язык. Способность общаться при помощи языка дала возможность поддерживать социальную иерархию и передавать важную информацию одновременно не только от одного члена группы к другому, но

¹ Robin Dunbar, *Grooming, Gossip and the Evolution of Language* (London: Faber, 1996).

и между множеством сородичей. При этом доисторические люди смогли общаться, не отрываясь от дел (в отличие от расчесывания, при речевом общении руки остаются свободными).

Согласно теории Данбара, основная цель, ради которой появился язык, — дать людям возможность сплетничать, то есть вести разговор, при котором передается и обсуждается информация о действиях и отношениях других членов группы. Он также придерживается мнения, что движущей силой развития языка были женщины, а не мужчины. У приматов самки находятся в центре большинства стабильных социальных систем, в то время как самцы обычно пребывают на периферии. Если это правило было действительно для сообществ первобытных людей, женщины в этих сообществах находились в более выгодном положении для того, чтобы стать проводниками сплетен.

Другие догадки, также присваивающие женщинам главную роль в эволюции языка, придают больше значения другим сторонам их положения в доисторическом обществе. Женщины были матерями и, следовательно, много разговаривали с детьми, которых воспитывали. Также они скорее были собирателями, чем охотниками. Вот как подытоживает эту точку зрения Роун Джозеф¹:

В процессе эволюции человека <...> женщины-матери и женщины-собирательницы имели возможность беспрепятственно разговаривать с детьми и друг с другом. <...> В противоположность мужчинам, которые были вынуждены подолгу пребывать в молчании, чтобы не спугнуть добычу, женщины могли болтать сколько их душе было угодно.

В то время как собирательство и забота о детях позволяли женщинам развивать речевые навыки, охота подавляла

¹ Rhawn Joseph, 'The Evolution of Sex Differences in Language, Sexuality and Visual-Spatial Skills', *Archives of Sexual Behavior*, 29/1 (2000), 35–66.

их развитие у мужчин, так как требовала от них умения молчать. Для того чтобы успешно охотиться, мужчинам требовались не речевые навыки, а развитое пространственное мышление для того, чтобы продумывать маршруты, вычислять расстояния, рассчитывать углы. Это полностью согласуется со словами, напечатанными на обложке книги «Why Men Don't Iron». Там говорится, что в современном обществе «мальчики отлично справляются с задачами, подразумевающими обработку трехмерных образов, а девочки — с задачами, требующими речевых навыков». Теория каменного века объясняет и то, как зародились эти различия, и то, почему они оказались запрограммированы в представителях человеческого рода.

Однако при ближайшем рассмотрении находятся причины сомневаться в том, что эта теория в состоянии что-либо объяснить. Прежде всего встает вопрос логики: так называемое объяснение построено на тех предположениях, которые призвано обосновывать. Развитые языковые навыки современных женщин и развитое пространственное мышление современных мужчин объясняются тем, что условия доисторического мира способствовали развитию у наших предков именно этих данных, а мы, современные люди, всего-навсего их унаследовали. При этом не существует прямых доказательств того, что первобытные женщины обладали развитыми речевыми навыками. Единственное обоснование гендерных различий между первобытными мужчинами и женщинами — различия между современными людьми, которые те призваны объяснить.

А как насчет утверждения, что охотники (мужчины) были вынуждены хранить молчание, в то время как собиратели (женщины) могли разговаривать сколько им было угодно? Разве это не говорит в пользу теории? Возможно, но следует учесть, что многое из того, что ложится в основу догадок о первобытных людях, основано на антропологиче-

ских наблюдениях за людьми, сохранившими образ жизни охотников и собирателей до наших дней. В отношении этих людей слова «мужчины охотятся, а женщины собирают» теперь считаются упрощением истинной ситуации¹. Чаще всего именно собирательство обеспечивает группу современных охотников и собирателей большим количеством пищи, которой питается сообщество. Собирательство — постоянный вид деятельности, в котором принимают участие представители обоего пола, а охота происходит лишь время от времени. В то время как охота на крупных животных остается прерогативой мужчин, женщины тоже охотятся, но на более мелкую дичь.

Более того, охотой мужчины обычно занимаются группами. Это требует планирования и распределения обязанностей, а также предполагает длительные переходы к местам обитания животных. Некоторым охотникам свойственно выполнять ритуалы на месте убийства, они проводят много времени, разделявая туши, и частично съедают мясо перед тем, как отправиться назад. Если мы согласимся, что жизнь первобытных людей была похожа на жизнь современных охотников и собирателей (что обычно делают эволюционные психологи), предположение, что роль охотников ограничивала возможности доисторических мужчин разговаривать, окажется маловероятным. Скорее всего, походы на охоту происходили в их жизни далеко не каждый день, а когда мужчинам выпадала возможность поохотиться, этот процесс сближал их, и речевое взаимодействие имело при этом немалое значение.

¹ Frances Dahlberg (ed.), *Woman the Gatherer* (New Haven: Yale University Press, 1981); Richard Lee and Richard Daly (eds.), *The Cambridge Encyclopedia of Hunters and Gatherers* (Cambridge: Cambridge University Press, 1999).

Токование и слушание

Некоторые ученые-эволюционисты верят в другую теорию зарождения языка: они предполагают, что язык — это продукт полового отбора. Половой отбор является принципом, благодаря которому выбираются качества, не имеющие непосредственного значения для выживания. Такие качества могут даже оказаться неудобными для жизни. Например, большой яркий хвост павлина делает его более заметным для хищников. Теория полового отбора предполагает, что подобные свойства на самом деле полезны: они делают своих обладателей более привлекательными для противоположного пола, позволяя им чаще спариваться. Неслучайно многие из подобных качеств (такие, как яркое оперение или большие рога) присущи особям мужского пола. Это вызвано тем, что самцы занимаются ухаживанием, а самки их выбирают. Обильно раскрашенный хвост павлина передает паве сообщение «выбери меня!».

Утверждать, что язык выполнял исключительно функцию украшения, невозможно. Тем не менее некоторые ученые утверждают, что если бы язык служил только практическим целям, он представлял бы собой менее развитую систему. Речевые навыки, присущие человеку, позволяют ему больше, чем просто успешно посылать и получать информацию. Однако подобное развитие языковых навыков можно объяснить, если признать, что они делают людей более привлекательными для потенциальных партнеров, что язык стал новым и мощным орудием саморекламы мужчин для привлечения внимания женщин.

Робин Данбар убежден, что самореклама — побочный продукт эволюции языка, а не главная причина его появления. Он приводит весомый довод в поддержку этого предположения¹. Его исследования современных людей

¹ Robin Dunbar, *Grooming, Gossip and the Evolution of Language* (London: Faber, 1996).

показали, что хотя представители обоих полов уделяют много времени обмену социально значимой информацией, мужчины проводят больше времени в разговорах о самих себе, о других людях. Данбар видит в этом явлении аналог процесса, свойственного павлинам и другим представителям животного мира и называемого токованием. Токование — это вид ритуала ухаживания, при котором самцы показывают себя, а самки выбирают лучших из них для спаривания.

Может показаться, что это наблюдение не учитывает совет, который повторяется практически во всех современных рекомендациях по обольщению. Для того чтобы расположить к себе собеседника, людям советуют проявлять к нему возможно больший интерес, а не сводить разговор к рассказу о самих себе. Если отбросить это замечание, остается неясным, как теория саморекламы связана с предположением, что женщины обладают более развитыми речевыми способностями, чем мужчины. Если язык позволял доисторическим мужчинам блистать перед своими дамами, разве превосходные речевые навыки не должны быть привилегией мужчин?

Это противоречие активно использовал Джеффри Миллер, ученый, считающий, что язык, искусство и культура развились во многом как орудия обольщения. Для него правило, согласно которому мужчины занимаются ухаживанием, а женщины выбирают, объясняет, почему большая часть произведений искусства и достижений культуры была создана мужчинами¹. Он берет эту мысль на вооружение и говорит, что в этом случае наиболее разговорчивыми должны быть мужчины, а единственная область, в которой женские языковые способности опережают мужские, — не говоре-

¹ Geoffrey F. Miller, 'Sexual Selection for Cultural Displays', in R. Dunbar, C. Knight, and C. Power (eds.), *The Evolution of Culture* (Edinburgh: Edinburgh University Press, 1999), 71–91.

ние, а слушание¹. Женщины превратились в образцовых слушателей, так как тысячелетиями судили о словесной саморекламе мужчин, выбирая себе лучшего из них для того, чтобы он стал отцом ее детей.

Концепция Миллера подчеркивает проблему эволюционной психологии, на которую я уже обращала ваше внимание, — исключительно умозрительную природу ее аргументов. Часто эти аргументы могут быть оригинальными, но при отсутствии полноценных свидетельств о речи первобытных людей ни один из них невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Существует слишком много различных и несовместимых друг с другом догадок, которые подстраиваются под предполагаемые факты. Каждым из них легко увлечься, особенно если вы, подобно упомянутым мною авторам, ведете себя с фактами современности так же, как самка павлина во время токования, а именно с увлечением набрасываетесь на броские, но необоснованные домыслы и обходите вниманием более отвечающие действительности, но менее оригинальные предположения.

Отбор фактов?

Заявление, что гендерные различия запрограммированы на генном уровне, несомненно, подтвердится, если окажется, что исследуемые различия постоянно обнаруживаются во множестве культур и на разных этапах исторического развития. Если они меняются со временем и пространством, значит, различия обусловлены социальными и культурными факторами. Эволюционные психологи говорят о гендерных различиях в языке так, как будто верят, что догмы мифа о Марсе и Венере, которыми они подкрепляют свое мнение, подходят если не для всех обществ нашего мира, то

¹ Geoffrey F. Miller, *The Mating Mind: How Sexual Choice Shaped the Evolution of Human Nature* (New York: Doubleday, 2000).

хотя бы для большей их части. Исходя из их слов, можно заключить, что женщины всего мира любят говорить больше, чем мужчины, у женщин всего мира языковые навыки развиты лучше, чем у мужчин, их речь менее агрессивна, а выражения не такие конкретные, как у мужчин, и так далее. Если эволюционные психологи действительно так думают, то они упускают из виду большое количество фактов, противоречащих постулатам мифа о Марсе и Венере.

В главе 2 мы говорили о жителях деревни Гапун из Папуа-Новой Гвинеи и малагасийцах с острова Мадагаскар. Это лишь два примера из жизни множества традиционных обществ, в которых стереотипные модели поведения, предполагаемые мифом о Марсе и Венере, либо отсутствуют, либо нарушены. Там речь женщин более прямая и напористая, чем речь мужчин, представители обоих полов считают мужчин обладателями более развитых языковых навыков, чем у женщин, что зачастую обуславливается владением сложнейшими языковыми жанрами, используемыми во время ритуальных таинств.

Для эволюционных психологов, пытающихся доказать, что определенные модели речевого поведения отражают врожденные особенности, существование подобных различий между культурами является огромной проблемой. Обычно они строят свои рассуждения на положении, что чем меньше современные достижения культуры и техники коснулись некоего сообщества людей, тем больше уклад его жизни может рассказать об укладе жизни предков современного человека. Если следовать этим рассуждениям, модель гендерных различий, присущая более традиционным обществам, больше пригодна для воссоздания моделей, свойственных доисторическим людям, чем система, история которой насчитывает всего пару сотен лет — столько же, сколько существует само современное общество. Наука располагает примерами не только гендерных различий в системах разных культур, но и того, что эти системы раз-

личны в разные исторические эпохи. Например, некоторые различия между мужчинами и женщинами, постоянно наблюдающиеся в современных языковых сообществах, отсутствовали в тех же самых сообществах на более ранних этапах их развития¹.

То, что эволюционные психологи воздерживаются от обсуждения фактов разных культур и исторических периодов, — не единственный случай, когда они ограничивают круг фактов, составляющих объект их внимания. Согласно большинству версий гипотезы каменного века, женщины обладают более развитыми речевыми навыками, и эволюционные психологи считают необходимым пояснить этот «факт». Однако данные исследований говорят, что они усердствуют напрасно: различия между полами в области языковых навыков не так велики. В главе 3 я привела выводы одного лингвиста, согласно которому женщины превосходят мужчин по степени развития языковых навыков лишь на четверть процента.

Согласно другому общепринятому рассуждению, также обычно поддерживаемому мнение, что «мозг мужчины создан для действий, а мозг женщины — для разговоров», женщины говорят больше, чем мужчины. Как утверждает Роун Джозеф, современные женщины унаследовали словоохотливость от своих первобытных прародительниц, которые «могли болтать сколько их душе было угодно». Однако представление о женщине как о «болтушке» — стереотип, который не раз опровергали исследования.

В главе 1 я разобрала утверждение, что средняя женщина произносит в день по 20 000 слов, в то время как средний мужчина — лишь 7000. Как мы видели, эти данные не основываются на достоверных сведениях, и в любом случае

¹ Примеры из ранних этапов современной Англии см.: Terttu Nevalainen and Helena Raumolin-Brunberg, *Historical Sociolinguistics* (London: Longman, 2003).

между отдельными мужчинами и женщинами существуют такие значительные различия, что высчитывание количества слов, произнесенных за день среднестатистическим мужчиной и среднестатистической женщиной, совершенно бессмысленно. Если мы хотим выяснить, представители какого пола разговорчивее, гораздо продуктивнее пронаблюдать за ними во время отдельного диалога и проанализировать вклад в этот диалог каждого участника. Это позволит избежать исключительных случаев, могущих отрицательно повлиять на результаты исследования (например, учет количества слов человека, прошедшего день в келье буддийского монаха, и человека, побывавшего на встрече выпускников). Также этот способ позволяет сопоставить речевое поведение мужчины и женщины в одних и тех же обстоятельствах.

Было проведено множество исследований, в основу которых лег этот подход, и при том, что, как всегда, их результаты различались, наиболее частым наблюдением было то, что мужчины говорят больше, чем женщины. Общие данные по 56 исследованиям представлены в табл. 2.

Комментаторы склоняются к мнению, что такие результаты — пример влияния феномена, называемого недостающим звеном, который я объясняла в главе 3. Гендер и количество произносимых слов связаны скорее косвенно, чем напрямую. Гораздо более тесная связь прослеживается со статусом, особенно в обстановке официального общения, где он проявляется более отчетливо. Согласно тенденции, свойственной контексту официального и публичного общения, говорящие с более высоким статусом произносят больше слов, чем говорящие с более низким статусом. Модель гендерных различий объясняется тем, что в большинстве контекстов, в которых имеет значение статус, мужчины чаще всего занимают более высокое положение, чем женщины. Если же все прочие обстоятельства равны, гендер проявляет себя как иерархическая система,

Таблица 2

Выявленные соотношения	Количество исследований
Мужчины говорят больше, чем женщины	34 (60,8%)
Женщины говорят больше, чем мужчины	2 (3,6%)
Мужчины и женщины произносят одинаковое количество слов	16 (28,6%)
Четкое соотношение не выявлено	4 (7,0%)

Источник: на основе Deborah James and Janice Drakich, 'Understanding Gender Differences in Amount of Talk', in Deborah Tannen (ed.), *Gender and Conversational Interaction* (New York: Oxford University Press, 1993), 281–312.

в которой мужчинам приписывается более высокий статус, чем женщинам.

Слово «приписывается» имеет здесь большое значение, так как доминирование в разговоре определяется не только поведением его доминирующих участников, но также и готовностью прочих участников разговора принять их в качестве таковых. Некоторые экспериментальные исследования показали, что можно перевернуть соотношение, при котором мужчины говорят больше, или хотя бы уменьшить разрыв между полами, предложив испытуемым обсудить тему, считающуюся представителями обоих полов исключительно женской. При разговоре о моде или беременности мужчины охотно отдадут преимущество женщинам. Таким образом, статус не является окончательно закрепленным свойством и может меняться в зависимости от обстановки, предмета и цели разговора.

Это обстоятельство может служить причиной, по которой женщины больше разговаривают при исследованиях, изучающих домашние беседы с партнерами и членами семьи: в сфере дома и семьи ведущие роли часто отдают женщинам.

Однако в других сферах стандартом признается преимущество мужчин перед женщинами, и поэтому там обнаруживается, что мужчины более разговорчивы. В ситуациях неформального общения, где статус не имеет значения, чаще всего наблюдается, что представители обоего пола вносят примерно равный вклад в беседу.

Если мнение о том, что женщины говорят больше, чем мужчины, не соответствует реальности, то почему оно столь популярно? Феминистка Дейл Спендер однажды предложила объяснение этому явлению. Если верить ей, люди переоценивают женскую склонность поговорить, так как считают, что в идеале женщины вообще не должны разговаривать¹. Хотя подобное утверждение весьма сомнительно, нельзя не согласиться, что вера в женскую словоохотливость зачастую связана с ее неодобрением. Утверждение «женщины говорят больше, чем мужчины», как правило, подразумевает осуждение болтушек: «женщины говорят слишком много». Как замечательно подытоживает старая поговорка, «волос долог, да ум короток».

Популярное в обществе мнение, что женщины говорят больше, чем мужчины, продолжает оставаться таковым потому, что оправдывает закоренелый социальный предрассудок. Эволюционную психологию можно подвергнуть похожей критике: она пользуется современными социальными предрассудками, накладывая их на первобытные времена, чем превращает эти предрассудки в вечные истины, на которых якобы всегда строилась человеческая жизнь.

Сторонники эволюционного подхода, наоборот, часто заявляют, что слова их противников основаны на предрассудках, а не на фактах и логике. Они жалуются, что феминисты и приверженцы политкорректности не хотят слышать о том, что гендерные различия могут быть вызваны биологически-

ми, а не социальными причинами. Вместо того чтобы прислушаться к аргументам в пользу эволюционного подхода, критики, движимые идеями политкорректности, отвергают их, не вдаваясь в подробности, а их сторонников объявляют реакционерами и фанатиками.

Вопрос о том, насколько более сомнительны биологические объяснения различий между мужчинами и женщинами по сравнению с культурологическими, является вечным, и я вернусь к нему в заключительной главе. В этой главе я попыталась осмыслить доводы в пользу биологического подхода, пользуясь теми же критериями, которые применила к культурологическим доводам в предыдущих главах. Если я не смогла найти в них много смысла, то не потому, что они связаны с генами и программами, заложенными в мозге. Я не согласна с эволюционной теорией по той же причине, по которой не согласна с теорией, предлагаемой Деборой Теннен и подобными ей авторами, среди которых биологические объяснения не пользуются почетом. Обе теории отличает одна основная черта: они основываются не на фактах, а на мифах.

В следующей главе я обращусь к той сфере современной жизни, где мифы о речи мужчин и женщин не только широко распространены, но и имеют значительные последствия, — к сфере общественной деятельности на рабочем месте и в политике.

¹ Dale Spender, *Man Made Language* (London: Routledge & Kegan Paul, 1980).

7

ГЛАВА

Общение на публике: Марс и Венера в политике и на рабочем месте

В 2006 году Тони Блэр, премьер-министр и лидер лейбористской партии Великобритании, объявил на заседании палаты общин, что следующие выборы будут схваткой между борцами «тяжелого и легкого веса». Он пообещал, что его преемник Гордон Браун отправит в нокаут лидера консервативной партии Дэвида Кэмерона одним ударом «большого тяжелого кулака». Эти выражения доставили радость лагерю Кэмерона и ужаснули многих сторонников Блэра. Приверженцы лейбористской партии испугались, как бы их будущие избиратели не решили, что, как выразился один журналист, «Гордон Браун с Марса, а Дэвид Кэмерон с Венеры»¹.

На сегодняшний день мысль, что хорошие лидеры не пускают в ход «большие тяжелые кулаки», является избитой истиной. Говоря словами гуру менеджмента Тома Питерса, удачные управленцы «слушают, мотивируют и поддерживают». Они легко несут бремя своей значимости и не боятся показывать свои чувства. Дэвид Кэмерон — воплощение лидера в новом, венерианском стиле. Вероятно, именно это стало значительным основанием для того, чтобы его партия, уже двенадцать лет не бывавшая у власти и отчаянно

¹ Andrew Rawnsley, 'Gordon Brown Is from Mars; David Cameron Is from Venus', *Observer*, 19 November 2006.

пытающаяся осовременить свой имидж, выбрала его в свои лидеры, отклонив кандидатуры более старых и опытных политиков.

Но Кэмерон является также типичным венерианским лидером в ином смысле: это может показаться парадоксальным, но, как и большинство венерианских лидеров, он мужчина. Возможно, женщины и считаются полом, пришедшим к нам с Венеры, но они пока что не частые гости царства власти. Ни одна из современных британских партий не управляется женщиной. Единственной женщиной, которая когда-либо стояла во главе партии, была Маргарет Тэтчер, а эта дама точно попала к нам не с Венеры. Было подсчитано, что в деловой сфере женщины занимают лишь 10% неисполнительных руководящих должностей и всего лишь 3% исполнительных руководящих постов¹. От профсоюзов до научных организаций, от полиции до средств массовой информации соотношение остается одинаковым. Чем выше ступень иерархии, тем чаще мужчины, находящиеся на ней, превосходят женщин количеством и объемом полномочий.

Существует вневременное убеждение, что эти данные частично объясняются различиями между способами общения, присущими мужчинам и женщинам. Согласно этому мнению, склонность женщин к сотрудничеству и свойственное им предпочтение менее прямого стиля общения становятся препятствием для развития их карьерной линии, где соперничество и практичность являются нормой. Считается, что женщинам тяжело прямо заявлять о своем праве на власть, совершать решительные поступки и справляться с нападениями и конфликтами. Их можно представить в роли хороших лейтенантов, но не на посту главнокомандующего. Также бытует мнение, что женщины проигрывают мужчинам потому, что слишком сдержанно

¹ Aurora, *Managing Gender Capital* (British American Tobacco, 2002).

относятся к собственным достижениям. В то время как мужчины, привыкшие жить в условиях конкуренции, из всех сил трубят о своих заслугах, женщины, склонные делиться успехом с сослуживцами, упускают причитающееся им вознаграждение.

В 1970-х и 1980-х годах, до того как миф о Марсе и Венере набрал силу, эти убеждения составляли «ущербную» модель гендерных различий. Поведение мужчин было нормой, а поведение женщин на его фоне представлялось неполноценным. В литературе по вопросу гендерных различий процветало мнение, согласно которому женщинам рекомендовалось стать похожими на мужчин, если они хотят выбиться вперед. Книга 1989 года под названием «Leadership Skills for Women» давала следующий совет: «Обычно мужчины меньше используют язык тела, чем женщины: следите за их движениями, чтобы понять, как это у них получается»¹. Авторы не сочли необходимым пояснить, почему меньшее использование языка тела предпочтительнее. В сфере профессионального труда мужская манера поведения априори была предпочтительнее женской.

Если подобные советы вышли из моды так же, как большие плечи, популярные в 1980-х, то потому, что модель ущербности подверглась вытеснению. Миф о Марсе и Венере не считает женщин ущербными: согласно ему мужчины и женщины «разные, но равные». Вообще-то женщины обычно описывают так, как будто они стремятся к равенству с подчиненными. И специальная, и популярная литература, посвященная вопросам управления, наполнена утверждениями наподобие следующего:

Женский стиль руководства мобилен и рассчитан на установление межличностных отношений, а мужской стиль руководства авторитарен и строг. Женщины-управленцы поддерживают

¹ Patricia Manning with Marilyn Haddock, *Leadership Skills for Women: Achieving Impact as a Manager* (California: Crisp Publications, 1989), 7.

позитивные взаимоотношения с подчиненными, способствуют командной работе и легче делятся властью и информацией, чем мужчины. <...> Руководители-женщины предпочитают сотруднический стиль общения, при котором все участники разговора принимают совместное участие в решении проблем, что мобилизует и вдохновляет окружающих, в то время как мужчины придерживаются одностороннего, директивного стиля общения¹.

В этой адаптированной к деловому миру версии мифа о Марсе и Венере можно обнаружить, что все модные слова и выражения современного менеджмента — «мобильный», «позитивное взаимодействие», «командная работа», «мобилизовать», «вдохновлять» — относятся к женщинам. Мужчины же ассоциируются с авторитарностью и строгостью — качествами, которые гуру менеджмента порицают на протяжении последних пятнадцати лет. Подобное славословие заставляет нас удивляться, почему женщины не стоят во главе всех успешно функционирующих предприятий. Мы допускаем, что автор должен знать, что это не так, и нам остается лишь догадываться, как он будет объяснять существующую ситуацию, если от него потребуют подобных объяснений.

Мое объяснение заключается в том, что выводы из мифа о Марсе и Венере в отношении стилей лидерства и управления не в состоянии истолковать реальность — потому что они ее не передают. Эти утверждения огульны, неточны и упрощены. Все, для чего они пригодны, — усугублять предубеждения, постоянно препятствующие женщинам получать доступ к позициям власти. Для того чтобы поддержать свое мнение, я хочу обратиться к исследованиям поведения мужчин и женщин в естественной обстановке офи-

¹ Cynthia Berryman-Fink, 'Gender Issues: Management Style, Mobility and Harassment', in Peggy Y. Byers (ed.), *Organizational Communication* (Needham Heights, Mass: Allyn and Bacon, 1997), 269.

диального общения. Однако перед тем как мы рассмотрим современные исследования, проведем короткий исторический экскурс.

Женщины для личной жизни, мужчины для публичной жизни

Преобладание мужчин на позициях власти — наследие устаревшей доктрины «раздельных сфер», которая успешно отстраняла женщин от участия в большинстве областей публичной жизни. Этот процесс отражался и на уровне речевого взаимодействия: одним из способов реализации доктрины был запрет на публичные выступления женщин. Для благочестивых викторианцев одна мысль о том, что женщина выступает с политическими речами, читает лекции или произносит проповеди, казалась не просто невозможной, но даже скандальной. Сто лет назад доктор Джонсон сравнивал женщину-проповедницу с «собакой, ходящей на задних лапах». В 1987 году группа священников-конгрегационалистов опубликовала письмо, в котором говорилось, что женщина, выступающая с речами перед публикой, «не только перестанет приносить плоды (то есть станет бесплодной. — Д. К.), но также низойдет во прах в стыде и бесчестье»¹. Благочестивые джентльмены были не единственными, кто усматривает между публичными выступлениями и проституцией лишь незначительную разницу.

Женщины XIX века, желавшие обратиться к аудитории по политическим причинам или ради заработка, были вынуждены искать способы обойти эти опасные предрассудки. Многие из них одевались подчеркнуто консерва-

¹ Цит. по: Judith Mattson Bean, 'Gaining a Public Voice: A Historical Perspective on American Women's Public Speaking', in Judith Baxter (ed.), *Speaking Out* (Basingstoke: Palgrave, 2005), 26.

тивно, чтобы избежать обвинений, что они выставляют себя напоказ. Некоторые стремились подавить возражения религиозного толка, сравнивая себя с женщинами-пророчицами из Священного Писания. Эмма Виллард, объехавшая в 1846-м с выступлениями всю Америку, читала лекции, сидя на стуле, а не стоя за кафедрой. Этот ход сделал публичную лекцию похожей на домашнюю беседу, и, таким образом, женщину-оратора сочли более «добропорядочной».

Может быть, сегодня викторианские воззрения могут показаться нам смешными, однако старые предрассудки чрезвычайно живучи. Хотя женщинам сегодня не запрещают произносить речи перед публикой, они довольно часто ощущают себя не в своей тарелке во время выступления, а иногда и сама аудитория заставляет их чувствовать себя чужаками. И это влияет на то, как разговаривают женщины, что мы увидим на примере членов британской палаты общин.

Женщины-чужаки

Зал заседаний палаты общин — институт с ярко выраженными марсианскими чертами. Там не только всегда доминировали мужчины (женщинам запрещалось участвовать в заседаниях палаты общин до двадцатого века, и их количество никогда не превышало одну пятую общего числа членов): палата общин знаменита на весь мир чрезвычайно агрессивным стилем решения политических вопросов.

Официально речь членов парламента подчиняется замысловатым правилам хорошего тона. Им не разрешается напрямую обращаться друг к другу. Вместо этого они обязаны адресовать свои замечания спикеру, а о других выступающих говорить в третьем лице, применяя выражения «мой уважаемый друг» или «уважаемый коллега». Если член парламента

хочет высказаться, но при этом спикер не вызывал его, он может попросить своего коллегу, выступающего в данный момент, уступить ему свое право и обязан воздержаться от выступления, если ему откажут. Речь считается «полноправной», только если ее произносят стоя. Теоретически комментарии с места считаются нарушением правил.

Однако в реальности правила постоянно нарушают. Члены парламента вопят, гикают, выкрикивают замечания с мест и раскатисто смеются над комментариями, отпущенными их коллегами. Даже когда правила соблюдаются, происходят напряженные словесные поединки, подобные тому, в котором участвовал Тони Блэр, когда произнес свои знаменитые слова про большой тяжелый кулак. Хотя члены парламента могут подвергнуться осуждению за «неподобающие выражения» — например, они не имеют права прибегать к брани и называть друг друга лжецами, — это не мешает им отпускать язвительные замечания и оскорбления. Запрет на брань и обвинения во лжи лишь заставляет выступающих тщательнее подходить к формулировке оскорбительных выражений.

Далеко не каждый склонен восхищаться стилем политической борьбы, напоминающим потасовку. Приход в 1997 году более сотни женщин позволил многим журналистам, освещающим работу парламента, и самим новым его членам предположить, что женщины окажут положительное влияние на ход заседания, введя более цивилизованный способ решения вопросов. Общество ожидало, что в палате общин будут меньше кричать и больше слушать, меньше зарабатывать очки и больше стремиться к взаимному согласию.

В 1999-м лингвист Сильвия Шоу решила проверить, сбылись ли эти ожидания¹, и обнаружила, что ничего подобного

¹ Sylvia Shaw, 'Governed by the Rules? The Female Voice in Parliamentary Debates', in Baxter (ed.), *Speaking Out*.

не произошло. Вместо того чтобы поднять культуру речи в палате общин, женщины приняли свойственную ей агрессивность. Соразмерно своему количеству они выступали так же часто, как мужчины, и просили выступающих отказаться от речи в их пользу с таким же рвением. Короче говоря, они напористо боролись с другими за право выступить, как любой член парламента мужского пола. Однако между женщинами и мужчинами обнаружилась существенная разница. Женщины редко нарушали правила — перебивали чужие выступления или вставляли комментарии с места. Во время пяти заседаний, тщательно проанализированных Шоу, у мужчин было почти в десять раз больше «противоправных» выступлений, чем у женщин. При подсчете узаконенных вмешательств в обсуждения выяснилось, что доля женщин составила две трети от доли мужчин.

По мнению Шоу, это распределение поставило женщин в невыгодное положение, так как вмешательства, сделанные с нарушением правил, — очень действенная стратегия. Благодаря им растет репутация члена парламента как активного политика, также они привлекают внимание более крупных политиков, способных продвинуть нарушителя правил по карьерной лестнице. Кроме этого, такие реплики могут повлиять на ход обсуждения проблемы. Строго говоря, своевольные выступления «противозаконны», и их не вписывают в протокол заседания, но присутствующие не могут их не заметить, и на практике член парламента, выступающий «законно», вынужден отвечать на них. Не прерывая чужие выступления, женщины — члены парламента сами лишают себя внимания и влияния.

Почему они поступают таким образом? Некоторые признались Шоу, что не включались в общую суматоху потому, что считали ее «ребячеством». В других случаях женщины избегали нарушать правила потому, что боялись осуждения со стороны спикера или других членов парламента. И это было вызвано не только чрезмерной тактичностью. Анализ

Шоу показал, что за некоторые виды нарушений женщины скорее подвергались порицанию, чем мужчины. Кроме того, и она, и авторы отчета по предыдущему подобному исследованию¹ обнаружили, что женщины, выступавшие на заседаниях палаты общин, становились предметом словесных нападок сексистского толка. Хотя неодобрительные комментарии личного характера — обычная угроза для любого, кто произносит речь на заседании палаты общин, члены парламента мужского пола предпочитают не замечать неприличные жесты. Многие женщины жаловались, что подобное поведение заставляло их дважды подумать, перед тем как привлечь к себе внимание.

Среди членов парламента женщины — типичные чужаки. Они составляют сравнительно малочисленную группу в исторически мужском институте, и словесные нападки, которым они подвергаются, указывают на высокую степень враждебности в отношении их присутствия. Одной из логичных реакций на положение чужака является как раз тот стиль поведения, который обнаружила у женщин-парламентариев Сильвия Шоу. Они педантично соблюдают правила сообщества, в котором находятся, чтобы символически показать, что принадлежат к этому сообществу. Как ни парадоксально, эта стратегия лишь подчеркивает ненадежное положение людей, прибегающих к ней. Полноправные члены сообщества не настолько скрупулезны: они уверенно нарушают правила.

Шоу также изучила работу недавно открывшегося шотландского парламента, где самыми эффективными оказались выступления тех парламентариев, которые отклонялись от официальных правил. Однако в Эдинбурге женщины и мужчины становились нарушителями с одинаковой частотой. Шоу заключила, что это вызвано недав-

¹ Joni Lovenduski, Margaret Moran, and Boni Sones, 'Whose Secretary Are You, Minister?' (*Research report*, 2004).

ним существованием шотландского парламента и тем, что правила его заседаний менее замысловаты, чем правила, регламентирующие работу в Вестминстере. Доля женщин в шотландском парламенте больше, и они присутствуют там с самого начала его деятельности.

Проблема женщин — членов английского парламента заключается не в том, что их стиль общения менее агрессивен и напорист, чем у их коллег-мужчин. Это не объясняет ни существование различий между парламентами Вестминстера и Эдинбурга, ни того, почему женщины из Вестминстера считают себя равными с мужчинами только тогда, когда выступают согласно правилам. Подобная ситуация объясняется не гендером как таковым, а тем, считаются ли женщины чужими в конкретной среде. Поведение женщин отличается от поведения мужчин не потому, что женщинам присущ иной стиль общения, а потому, что они обладают другим статусом.

Является ли эта проблема типично женской или мужчины попадают в ту же ситуацию, когда вынуждены находиться в сфере, где исторически доминируют женщины? Так как мужчинам принадлежит большинство сфер, связанных с публичными выступлениями, они реже оказываются в таком положении. В любом случае положение чужака не является обязательным следствием того, что представители какой-либо группы оказались в численном меньшинстве. Оно связано с более глубоким воздействием фактора власти.

Причиной исключения женщин из сферы публичной жизни был не только их низкий статус. Их попытки вступить в такие институты, как высшее образование, политика, медицина, церковь и занятия, требующие квалифицированного труда, часто встречали сопротивление со стороны мужчин, боявшихся, что женщины понизят престиж этих сфер деятельности. Мужчины, устремляющиеся в женские области, обычно не встречают настолько сильное сопротивление. Это обусловлено тем, что женщины в этом случае не

оказываются в позиции, требующей защиты их привилегий от вторжения представителей группы с низким статусом. Например, мужчины были радушно приняты в ряды медсестер. Считается, что их присутствие поднимает статус профессии, и теперь мужчины даже чересчур обильно представлены в этой области.

Женщины и забота об окружающих

Иногда, как в случае с палатой общин, вхождение женщин в мужской институт с высоким статусом связано с тем, что женщины вынуждены играть по тем же правилам, что и мужчины. Однако в других случаях женщины могут обнаружить, что от них ожидают поведения, отличного от того, которое принято в новой для них группе. Если же они не оправдывают эти ожидания, их сурово порицают. Даже если они занимают те же посты, что мужчины, может оказаться, что женщинам не следует действовать так, как их коллегам мужского пола.

Лингвист Клэр Уолш исследовала события, произошедшие в англиканской церкви в связи с вступлением женщин в ряды ее священников¹. В 1994 году после продолжительной и кровопролитной войны, часть сражений которой прошла на полях Марса и Венеры, женщины добились права быть произведенными в сан священников. Сторонники рукоположения женщин заявляли, что это необходимо, так как женщины могли внести в работу пастыря то, на что мужчины были не способны, — характерные для женщин почти материнские заботу и сострадание. Этот довод помог женщинам достичь цели: их начали посвящать в сан. Но он вызвал негативные последствия, связанные с отношением к женщинам-священникам.

Уолш обнаружила заметное разделение труда между возведенными в сан мужчинами и женщинами. Женщин направили на пастырскую работу: они посещали больных и заботились о немущих. Мужчины преимущественно занимались такими работами и практиковали такую форму речи, благодаря которым их видели (и слышали) в роли лидеров. Мужчины руководили приходскими встречами и читали проповеди. Хотя многие женщины выражали желание сделать работу пастыря основным своим занятием, они не ожидали, что этим их функции ограничатся. К тому же вскоре они обнаружили, что эта работа не способствовала их продвижению по карьерной лестнице.

Хотя жизнь священников — пример исключительных обстоятельств, на многих должностях женщинам достаются обязанности, связанные с заботой об окружающих. К примеру, в сфере образования часто считают, что именно женщины будут заботиться о личных проблемах учащихся. От мужчин, наоборот, ожидают стремления к поддержанию дисциплины, в них видят авторитет, и никто не рассчитывает на сострадание с их стороны. В политике наблюдается та же тенденция: женщинам чаще вручают более «мягкие» министерские портфели: образования, здравоохранения. Министрами обороны, торговли или юстиции женщины становятся куда реже. Традиционное разделение публичной и личной жизни между полами находит свое выражение внутри отдельно взятой публичной сферы.

Возможно, эта ситуация — результат мнения, что мужчинам и женщинам присущи разные стили руководства. Согласно эксперту, чье мнение я цитировала выше, «руководители-женщины предпочитают сотруди́ческий стиль общения, при котором все присутствующие принимают участие в решении проблем, что мобилизует и вдохновляет окружающих, в то время как мужчины придерживаются одностороннего, директивного стиля общения». Если так, то обусловлено ли это склонностями и предпочтениями жен-

¹ Clare Walsh, *Gender and Discourse: Language and Power in Politics, the Church and Organizations* (London: Longman, 2002).

щин — или эти особенности вызваны тем, что окружающие ждут от них заботы, а не авторитарности? Мы еще вернемся к этому вопросу. Но перед этим нас ждет другой вопрос: правда ли, что мужчины и женщины выполняют функции руководителей по-разному?

«Королевское „нет“»: проблема женского авторитета

Этот вопрос был недавно исследован Веллингтонским проектом по изучению языка на рабочем месте (Новая Зеландия). С 1996 по 2003 год команда под руководством Дженет Холмс записала и проанализировала около 2500 разговоров, в которых принимали участие более 500 человек, занятых в 22 различных областях частного и государственного секторов. При этом особое внимание уделялось различиям между руководителями мужского и женского пола.

Проект не обнаружил отчетливых различий между стилями общения, которых придерживаются на работе мужчины и женщины. Как обычно, исследователи отметили большое количество вариаций внутри каждой группы: руководители мужского и женского пола не ограничивались каким-либо одним стилем общения. В выборку попали мужчины, чей стиль был направлен на сотрудничество и поддержку, и женщины, которых отличал чрезвычайно авторитарный стиль.

Ниже я воспроизвожу отрывок стенограммы совещания рабочей команды, записанный для новозеландского проекта¹. Участники разговора, четверо мужчин и четыре женщины, — сотрудники межнациональной компании. Они обсуждают, следует ли разрешить пользователям делать

¹ Из: Janet Holmes, *Gendered Talk in the Workplace* (Oxford: Blackwell, 2006), 57–58. Эта и следующие стенограммы были незначительно изменены для облегчения восприятия при чтении.

дампсы содержимого экрана, то есть распечатывать видимую область экрана.

Гарриет: Пожалуй, у нас было требование разрешить дампы. Я знаю, их нет в наших планах, но люди будут из-за этого нервничать.

Клара: Никаких дампов.

Пег (с сарказмом): Спасибо, Клара.

Клара: Никаких дампов.

Мэтт: Мы знаем, мы знаем, что ты не хотела, чтобы они были, и мы... э-э... мы...

Клара: Это против правил.

Смити: Ну, это понятно, а что, если «нет» означает «может быть»?..

Клара: Это значит «нет».

Смити: Значит, нет. Королевское «нет».

Стиль Клары, руководителя команды, никак нельзя описать как «сотруднический стиль общения, при котором все участники разговора принимают совместное участие в решении проблем, что мобилизует и вдохновляет окружающих». Хотя несколько подчиненных явно недовольны ее решением, она дважды парирует их возражения прямым и категоричным отказом: «Никаких дампов». Она игнорирует сарказм Пег, пресекает попытку Мэтта начать обсуждение и резко ставит на место Смити, когда тот предполагает, что ее «нет» может означать «может быть». Короче говоря, ее стиль «односторонний и директивный» — такой, который литература по управлению приписывает мужчинам.

Но как нам понимать последнюю реплику Смити: «Значит, нет. Королевское „нет“»? Дженет Холмс объясняет, что команда Клары выработала особый способ реагировать на ее стиль: они придумали ей прозвище «Королева Клара». Представление о Кларе в роли персоны королевских кровей, раздающей приказы, стало расхожей шуткой. Сама Клара

играет с этим образом, что видно из следующего отрывка. Он был записан, пока команда ожидала начала совещания. Буквы «Н. Ж.» обозначают, что голос в записи принадлежит неустановленной женщине¹.

Смити: Как дела у твоей мамы?

Клара: Прости?

Смити: Она ведь сломала бедро?

Клара: Моя мать? Ты о чем?

Н. Ж. (смеется): Королева-мать.

Клара: О! (с наигранной чопорностью.) Мой супруг и я уверены в ее скорейшем выздоровлении.

Холмс отмечает, что Клара оказывается способной эффективно управлять коллективом потому, что умеет совмещать авторитет с самоуничижительными шутками. Кто-то может спросить: «Пошел бы мужчина в положении Клары, обладающий тем же стилем поведения, на подобный ход?» Позволил бы он своим подчиненным возвести себя в короли и отпускать шутки по поводу его «королевских» манер? Быть может, комичный образ Королевы Клары необходим, чтобы сделать стиль ее руководства более приемлемым именно потому, что она не мужчина. Женщина, проявляющая свою властность так невозмутимо, как это делает Клара, многих заставляет чувствовать себя неууютно и видеть в ее поведении угрозу.

Гендер — это еще не все

Джиннетт — еще одна женщина-руководитель из новозеландской выборки. Она — супервайзер производственной

¹ Из: Janet Holmes, *Gendered Talk in the Workplace* (Oxford: Blackwell, 2006), 56.

бригады на фабрике. В приведенном ниже отрывке она беседует с Рассом, одним из упаковщиков, за работой которых наблюдает¹.

Расс: Пожалуйста, передай ее мне, фаамолемоле («пожалуйста» на яз. самоа. — Д. К.).

Джиннетт: Сам возьми.

Расс: Ах, ты ничего не будешь делать?

Джиннетт: Сам пойд и возьми.

Расс: Черта с два! Да пошла ты! А ну-ка сходила и все принесла!

Джиннетт: Почему ты раньше ее не взял? Я же тебе еще вчера говорила!

Проще всего было бы представить этот диалог в качестве примера того, как мужчина проявляет неуважение к женщине с более высоким статусом. Но это возможно, только если упустить из виду более широкий контекст. Джиннетт работает в среде синих воротничков, где ссоры, жалобы и брань в порядке вещей. Заметно, что она невозмутимо реагирует на брань Расса. В среде белых воротничков, в таких местах, как офис Клары, постоянная брань со стороны представителя любого пола неприемлема. Даже резкий стиль общения Клары, ее манера отдавать команды и выражать несогласие («Никаких дампов», «Это значит „нет“») считаются необычайно грубыми.

Этот пример выявляет другую проблему общих заключений, подобных таким, как «женщины слишком скромны на работе» или «женщинам сложно отдавать приказы напрямую». Эти утверждения часто относят слово «женщина» лишь к определенной группе, а именно к управленцам или специалистам либо являющимся белыми представителями среднего класса, либо работающим в компаниях, чья куль-

¹ Цит. соч., с. 165.

тура строится на принципах, свойственных белым представителям среднего класса. Хотя непропорционально большое число исследований посвящено жизни этой группы, необходимо помнить, что такие люди являются меньшинством. На рабочем месте, как и везде, классовые, расовые, этнические и культурные различия накладывают отпечаток на представления о нормах поведения женщин и мужчин.

В качестве одной из частей исследования, посвященного отношению афроамериканских женщин к прическам, Ланита Джекобс-Хьюи записала речь нескольких темнокожих женщин — профессионалов парикмахерского дела. Чаще всего этим женщинам был присущ очень прямой и уверенный стиль общения как с коллегами, так и с клиентами. В приводимом ниже отрывке Кэрол и Гвен ведут семинар для других владельцев салонов красоты¹:

Кэрол: Прежде всего я вот что говорю своим клиентам: «Вы должны приходиться ко мне для того, чтобы ваши волосы подстригли правильно. <...> Вы не можете сделать то, что делаю я, потому что я этому училась, а вы — нет. Это моя работа. Я парикмахер. А вы — клиент». Вам нужно держать их на месте.

Гвен: На их месте.

Кэрол: Дайте им понять: «Этим занимаюсь я. Это моя голова» (*смеется*). И так, это моя голова.

Гвен: Вы здесь главные.

Кэрол: И именно за это они вам платят. Вам действительно нужно быть главными и дать им понять, что «это моя голова», но они будут вас за это уважать...

Кэрол и Гвен заявляют о своей власти прямо и непоколебимо, советуют своим слушателям, что «нужно» делать, и убеждают их использовать свой подход при обще-

¹ Из: Lanita Jacobs-Huey, *From the Kitchen to the Parlor: Language and Becoming in African American Women's Hair Care* (New York: Oxford University Press, 2006), 35.

нии с клиентами. Эти женщины принадлежат к обществу, в котором ценится уверенная манера речи, а напористость не считается несовместимой с женственностью. Они — удачливые бизнесвумен в секторе, где доминируют черные женщины, и поэтому у них нет необходимости подстраиваться под чьи-либо нормы.

Другой фактор, влияющий на характер коммуникации на рабочем месте, — суть самой работы. Антропологист Бонни МакЭлхинни провела исследование с участием офицеров полиции американского города Питтсбурга. Ее работа была проведена после вступления в силу постановления о приеме на службу большого числа кандидатов из групп, недостаточно представленных в рядах местной полиции, в том числе женщин¹. Как и Сильвия Шоу в случае с британской палатой общин, МакЭлхинни выяснила, что женщины приняли нормы общения, имевшие место к моменту их прихода. Прежде всего они начали разговаривать, менее ярко выражая свои эмоции, — сохраняли в процессе беседы спокойный, нейтральный тон и избегали улыбок. Стороннему наблюдателю стиль общения этих женщин показался бы мужским. Но сами они не придерживались этого мнения, а отметили, что сокрытие эмоций выполняет полезную функцию в контексте работы полицейского, будь он женщиной или мужчиной. В напряженных и потенциально опасных ситуациях этот стиль давал понять, что офицеры спокойны и контролируют свои действия.

Другие профессии выдвигают свои требования. Начиная с 1980-х годов, все больше компаний начали применять политику заботы о потребителях. Она требует от сотрудников не только обслужить клиента, но и сделать это так, чтобы ему при этом было комфортно. С этой целью речь работ-

¹ Bonnie McElhinny, 'Challenging Hegemonic Masculinities: Female and Male Police Officers Handling Domestic Violence', in Kira Hall and Mary Bucholtz (eds.), *Gender Articulated: Language and the Socially Constructed Self* (London: Routledge, 1995).

ников, чьи обязанности связаны с оказанием услуг потребителям, подчиняется строгим нормам. В конце 1990-х я изучила правила, которых должны были придерживаться сотрудники многих британских колл-центров, и обнаружила, что рекомендованный им стиль общения был стереотипно женским¹. При этом различий между мужчинами и женщинами не предусматривалось. И слова, и тон сотрудника должны были передавать такие позитивные качества, как энтузиазм, бодрость, дружелюбие и предупредительность. Сотрудников учили улыбаться, обращаться к клиенту по имени, устанавливая с ним личные отношения, вступая в разговоры, внимательно слушать и отвечать с участием.

Неудивительно, что я, как и прочие многочисленные исследователи, выяснила, что работодатели считали женщин более подходящими под их требования, чем мужчины. Тем не менее мои собственные наблюдения показали, что мужчины, работающие в колл-центрах, нисколько не уступали женщинам в искусстве общаться с клиентами, удовлетворяя требованиям заботы о потребителях. Те из них, с кем мне удалось встретиться и поговорить, выразили то же отношение к своему стилю общения на работе, что женщины-полицейские из Питсбурга. Они смирились с тем, что манера разговаривать и вести себя зависит от места, и, стиснув зубы (вернее, обнажив их в улыбке), научились с этим жить.

Опасность: мифы и работа

На рабочем месте и при любом другом публичном общении миф о Марсе и Венере имеет вполне реальные и потенциально опасные последствия. Прежде всего он может

¹ См. Deborah Cameron, 'Styling the Worker', in *On Language and Sexual Politics* (London: Routledge, 2006).

способствовать оправданию дискриминации и двойным стандартам. Например, в главе 1 я процитировала руководителя колл-центра, который сделал следующее признание: «Иногда мы нанимаем женщин, потому что они женщины». Таким образом, он сослался на расхожее мнение, что женщины лучше справляются с заботой о потребителе. И наоборот, женщины, желающие стать членами парламента, часто жалуются, что местные отделения партий предпочитают им кандидатов мужского пола, так как считается, что женщины менее успешно выступают на публике.

Подобная дискриминация основана на мнениях о различиях между мужчинами и женщинами, не подкреплённых фактами. А факты говорят, что невозможно определить стиль речевого поведения отдельно взятого человека исходя из его пола. Мужчины и женщины совпадают слишком во многом, а внутри каждой группы наблюдается слишком большая степень вариативности. Разумеется, встречаются женщины, соответствующие общим представлениям, но также есть много женщин, не соответствующих им. Клара и Джиннетт, женщины — члены парламента и офицеры полиции и владелицы салонов красоты афроамериканского происхождения слишком малочисленны, но их не сбросить со счетов в качестве незначительного исключения.

Там, где гендерные различия действительно существуют, миф о Марсе и Венере, как правило, скрывает стоящие за ними причины. Он выдвигает поверхностное предположение, согласно которому то, как общаются мужчины и женщины, отражает природу полов. Если верить мифу, стиль общения — неотъемлемая часть человека, такая же устойчивая характеристика, как группа крови или цвет глаз. Но это по меньшей мере упрощение. При таких рассуждениях оказываются в стороне совершенно очевидные вещи. Например, то, что коммуникация по определению предполагает участие более чем одного человека.

На то, как я разговариваю с вами, влияет то, как вы разговариваете со мной, а также мое представление о том, что вы от меня хотите, чего добиваетесь и что обо мне думаете.

Есть у женщин природная склонность вести себя не так, как мужчины, или нет, они зачастую обязаны вести себя по-другому из-за ожиданий окружающих. Эмма Виллард читала лекции сидя не потому, что природная скромность не позволяла ей стоять за кафедрой. Такое положение было тактическим ходом, призванным защитить ее от популярных представлений о поведении, надлежащем женщине. Женщины-парламентарии не нарушают правила не потому, что они — робкие конформисты. Они поступают таким образом, чтобы противостоять представлению о себе как о чужаках. Все эти поведенческие ходы продиктованы тактиками, к которым женщины прибегают в некоторых неудобных для них обстоятельствах. Они не имеют ничего общего с природой женщин, они продиктованы исключительно тем положением, в котором оказались эти женщины.

Именно на это обстоятельство следует обратить внимание, если женщины собираются участвовать в публичной жизни на равных правах с мужчинами. Проблема не в том, что мужчинам и женщинам присущи различные стили общения, а в том, что к какому бы стилю ни прибегли женщины, их выступления оцениваются по иным стандартам. Женщины вынуждены, по выражению Дженет Холмс, ходить по «канату общественного мнения»¹, постоянно доказывая свою профессиональную компетентность, а также давая понять, что они не потеряли женственности, не стали агрессивными и не утратили стремления заботиться об окружающих.

Как отмечает Холмс, у многих женщин неплохо получается ходить по канату. Однако удовлетворять таким проти-

ворчивым требованиям непросто. Миф о Марсе и Венере лишь утяжеляет ношу, лежащую на плечах женщин. Постоянно привлекая внимание к предполагаемым отличиям полов, миф способствует закреплению предрассудков, которые в конечном счете лишают женщин равноправия с мужчинами.

¹ Holmes, *Gendered Talk*, 35.

8

ГЛАВА

Культурные надстройки: гендер, личность и стиль

В Японии 1880-х годов люди начали с неудовольствием отмечать, что среди молодых женщин появилась новая необычная манера выражаться¹. Японские девушки конца XIX века подверглись со стороны старших таким же порицаниям, как современные англоговорящие подростки, постоянно вставляющие в свою речь «like» и «u'know» (соответствующие русским «типа» и «прикинь»). Речь молодых японок пестрила словами-паразитами «teyo» и «dawa». Критики присвоили этому стилю название «язык школьниц».

В те времена школьницы были новой для Японии социальной группой. До 1879 года лишь немногие девочки ходили в школу, и там их учили по той же программе, что и мальчиков. Они даже носили такую же, как у мальчиков, школьную форму. Однако в 1879-м император постановил, что девочки должны ходить в отдельные школы. Согласно новому указу, они должны были получать особое, женское образование, которое бы готовило их к будущей роли примерных жен и мудрых матерей.

¹ Информация этого раздела взята из: Momoko Nakamura, 'Creating Indexicality: Schoolgirl Speech in Meiji Japan', in Deborah Cameron and Don Kulick (eds.), *The Language and Sexuality Reader* (London: Routledge, 2006), 270–284.

На заре перемен приобрела популярность художественная литература, героинями которой были школьницы. Эти произведения чаще всего писались мужчинами и имели нравоучительный характер. В них противопоставлялись серьезные и интеллектуально развитые хорошие девочки — те, что стремились стать примерными женами и мудрыми матерями, — и легкомысленные плохие девочки. Моральные несовершенства отрицательных персонажей подчеркивались, помимо всего прочего, частотой появления слов «teyo» и «dawa» в речи, написанной для них авторами-моралистами. В противовес им благонаправленные персонажи вообще не произносили эти междометия. В этом случае мы имеем дело с искусственной нормой поведения, созданной в художественной литературе до того, как реальные школьницы выработали собственную манеру выражаться. Однако со временем жизнь стала подражать искусству. Настоящие школьницы, начитавшись рассказов о жизни своих сверстниц, принялись употреблять междометия так же часто, как их вымышленные двойники.

Почему привычка, выдуманная писателями-мужчинами, оказала такое влияние на поведение молодых особ? Возможно, потому, что многим девочкам идеал примерной жены и мудрой матери казался слишком чужим, как бы настойчиво его ни пропагандировали преподаватели. Когда они читали рассказы из жизни девочек-школьниц, то отождествляли себя с отрицательными героинями, с девочками, не удовлетворявшими идеалу. Принимая стиль речи этих персонажей, школьницы подняли своеобразный бунт. Они считали хороших девочек скучными, а плохих — «крутыми».

Функциональность и мода

Миф о Марсе и Венере обычно объясняет наличие особенностей в речи мужчин и женщин тем, что представители

каждого пола ведут себя так, как им подсказывает их природа. Согласно мифу о Марсе и Венере, манера говорить, присущая мужчинам и женщинам, напрямую отражает более глубокие различия в способностях, которые представители каждого пола получают при рождении. В частности, миф утверждает, что сознание мужчин создано для действий, а сознание женщин — для разговоров, что с точки зрения психологических особенностей мужчины склонны к соперничеству, а женщины — к сотрудничеству, что по своей функции речь мужчин предназначена для обмена информацией, а речь женщин — для установления связей.

Однако подобная связь языка и пола не в состоянии объяснить вторжение «teyo» и «dawa» в язык японских девушек девятнадцатого века. «Язык школьников» точно не может считаться образцом сотрудничества к окружающим, сочувствия или, по меньшей мере, учтивости. Напротив, этот стиль речи называли бунтарским и грубым. Также частое использование слов-паразитов не имело явного значения для процесса коммуникации. Это поветрие уходило корнями в художественную литературу, авторами которой были мужчины. Из художественной литературы его почерпнули отдельные девушки-школьницы, а остальные их сверстницы принялись перенимать модные словечки. По сути дела, это была мода, которая распространилась во многом таким же способом и по тем же причинам, что и любая другая модная тенденция.

Приживется ли нововведение и в какой среде оно приобретет популярность, во многом зависит от статуса людей, первыми взявших его на вооружение. Если самые «крутые» девочки класса начинают носить одежду того или иного стиля или разговаривать тем или иным образом, то весьма возможно, что вскоре эти особенности переймут другие девочки, желающие стать такими же «крутыми». В то же время манеры могут и не перениматься. Они даже могут встретить активное сопротивление со стороны тех, кто не хочет

быть похожим на самых модных девочек класса. Лингвист Мэри Баколц изучала группу «девочек-ботаников» из Калифорнии, которые резко и сознательно противопоставили себя всему, что их более продвинутые сверстницы считали проявлениями «крутости». Они использовали очень правильный язык, придерживаясь официального стиля, чтобы показать, насколько высоко они ценят знания и интеллект. В то же время они избегали сленговых выражений, пользовавшихся почетом у других девочек-подростков¹. Точно так же в Японии 1880-х годов должны были существовать школьницы, не принявшие моду на «teyo» и «dawa». При этом понятно, что большинство мальчиков также не включали эти слова в свою речь, так как эта мода была тесно связана с девочками.

Объяснять различия в употреблении «teyo» и «dawa» мальчиками и девочками, отслеживая глубинные различия в сознании мужчин и женщин, — все равно что объяснять, почему одни дети любят носить джинсы в обтяжку, а другие предпочитают мешковатые штаны, тем, что выбор одежды заложен в их сознание с рождения. Покрой джинсов зависит от моды, он не имеет функционального значения. Джинсы не отражают способностей человека, который их носит, как и не передают его психологических особенностей. Скорее они указывают на самоидентификацию своего хозяина в качестве члена одного сообщества и неприятие им другого сообщества. Каждые несколько лет стили одежды уходят в прошлое, и совсем скоро дети будут использовать другие средства для того, чтобы указать на свою социальную принадлежность.

Стили речи не меняются настолько быстро, как мода на одежду, но, так же как одежда, языковые средства могут стать символами, указывающими на связь с той или иной

¹ Mary Bucholtz, '“Why Be Normal?” Language and Identity Practices in a Community of Nerd Girls', *Language and Society*, 28/2 (1999), 203–223.

группой. В случае с мужчинами и женщинами механизм действия этих символов чрезвычайно сложен. Различия в речи, являющиеся гендерными по своей сути, не обязательно становятся результатом применения языка с целью указать на пол говорящего. Очень часто они появляются в речи оттого, что говорящие передают при помощи языка другие социальные связи.

Отличники и хулиганы

До того как она перевела свое внимание на детей, вступающих в подростковый возраст, с которыми мы встретились в главе 4, социолингвист Пенелопа Экерт изучала учащихся более старшего возраста в пригородной средней школе на окраине Детройта. В ней, как и во множестве других американских средних школ, социальная жизнь учеников строилась вокруг противопоставления двух групп. Их представителей называли отличниками и хулиганами¹.

Отличники — это ученики, которым близки школьные ценности, согласующиеся с ценностями среднего класса: они усердно учатся, надеясь получить хорошие отметки, болеют за школьные спортивные команды или играют в них. Отличники с энтузиазмом включаются во внеклассную работу: организуют танцевальные вечера и представляют свои классы на студенческом совете. Хулиганам, наоборот, далеки идеалы среднего класса, и центр их жизни находится за пределами школы: их больше привлекает культура соседнего города.

Существует много способов отличить отличников от хулиганов. Они по-разному одеваются, проводят время в разных частях школы и, что неудивительно, разговаривают по-разному. Детройт — один из городов Соединенных

¹ Penelope Eckert, *Jocks and Burnouts: Social Categories and Identity in the High School* (New York: Teachers Press, 1989).

Штатов, где произношение некоторых гласных звуков находится в процессе изменения. Лингвисты называют это явление сдвигом гласных северных городов. В речи носителей языка, принявших новые нормы произношения, слово «lunch» (обычно произносится как «ланч») звучит как «лонч», а слово «cod» (треска, обычно произносится как «код») звучит примерно как «кэд». Когда Экерт проанализировала частотность употребления этих гласных в речи учеников средней школы, она обнаружила связь старых и новых норм произношения и группы, к которой принадлежат те или иные ученики. Отличники оказались более консервативны и придерживались старой манеры произношения. А хулиганы, в большей степени ориентированные на городские нормы, гораздо чаще использовали новые гласные звуки. Кроме того, существовали и гендерные различия. Внутри каждой группы наибольшую активность в употреблении гласных, ставших отличительной характеристикой и того, и другого сообщества, проявляли девушки.

Объяснение этого феномена основано на тщательных наблюдениях за социальной жизнью в средней школе. Экерт утверждает, что юноши зарабатывают высокое положение среди сверстников, показывая свои достижения в тех занятиях, которые пользуются уважением в сообществе. К примеру, среди отличников наиболее значительное место занимают юноши, отличающиеся в спортивных соревнованиях. Хулиганы уважают крепких молодых людей, умеющих постоять за себя в драке. Статус девушек, в противоположность статусу юношей, не зависит от их личных достижений. Разумеется, среди отличников есть девушки, проявившие себя как талантливые спортсменки, а среди хулиганов — девушки, умеющие хорошо драться. Однако эти способности не приносят им того же почета, который получили бы юноши, наделенные этими же качествами. Положение девушек в кругу сверстниц больше определяется

их внешностью, чертами характера и статусом юношей, с которыми они встречаются.

Возможно, кто-то не заметит связи между вышесказанным и тем, почему девушки более активно употребляют гласные, присущие сообществам отличников и хулиганов. Однако Экерт настаивает, что девушки из-за их маргинального положения в каждой из групп вынуждены чаще прибегать к символическим средствам, указывающим на их принадлежность к сообществу. Они не могут утвердиться в качестве «нормальных» отличников или «нормальных» хулиганов таким же образом, как юноши, то есть при помощи действий. Следовательно, им приходится показывать близость к своему сообществу, уделяя больше внимания символике отличников и хулиганов, включающей стили одежды и произношение гласных. Здесь можно провести параллель с женщинами-парламентариями, которых мы обсуждали в главе 7 и которые более скрупулезно соблюдают правила парламентских дебатов, чем мужчины, с тем чтобы показать свое знание принципов работы этого института и выказать уважение к нему.

В исследовании Экерта язык девушек-отличниц был более консервативным, в то время как девочки-хулиганки проявляли большую приверженность новейшим течениям. Представление о том, что женщины больше склонны к сохранению старых правил языка, чем мужчины, — популярный стереотип, и в его существовании часто находят отражение таких черт женского сознания, как осторожность и конформизм. Ясно, что этот подход неправомерен, так как перед нами равное количество девушек, отличающихся от сверстников мужского пола большей консервативностью и большей степенью новаторства в языке. Многие исследователи пришли к выводу, что подобная ситуация является нормальной: и среди взрослых, и среди подростков представительницы женского пола обычно находятся на полюсах консерватизма и новаторства. Таким образом, конечным

выводом будет не то, что женщины консервативнее мужчин, и не то, что женщины больше склонны к новаторству, чем мужчины, а то, что женщины доводят общую тенденцию, присущую некоторому сообществу, будь то консерватизм или новаторство, до более крайних пределов, чем мужчины.

Зачем женщинам впадать в крайности? С точки зрения Экерта, речь женщин является отражением их понимания, что о них судят по свойственному им стилю, а не по личным достижениям. Если в этом поведении и можно усмотреть какую-либо «врожденную» тенденцию, то это свойство, присущее обоим полам: вкладывать больше сил в то, от чего можно получить больше пользы.

«Магазинный язык»

В главе 4 я привела пример разговора между пятерыми молодыми людьми, в котором то и дело встречались высказывания наподобие следующих:

- you know *like* those shorts women volleyball players wear? (Это, типа, такие шортики, которые носят женщины-волейболистки?)
- he's got to *like* have his legs exposed at all times (Ему, типа, нужно, чтобы его ноги всегда были выставлены напоказ.)
- he's *like* at home combing his leg hairs (Он, того, сидит дома и, типа, расчесывает волосы у себя на ногах.)

Подобное употребление слова «like» ассоциируется с молодежью. Старшее поколение осуждает его за то, что оно не добавляет сообщению никакой новой информации и делает речь невразумительной. В 1999 году элитные колледжи американского штата Массачусетс попали в поле зрения

прессе из-за того, что провозгласили о начале кампании по искоренению этой привычки из речи своих подопечных¹. В список попали Смит и Маунт-Холиоук, которые исторически являются женскими учебными заведениями. Вероятнее всего, это неслучайно. Хотя я взяла свои примеры из речи молодых людей, общественное мнение обычно приписывает чрезмерно частое использование слова «like» именно девушкам. Злоупотребление этим словом — одна из вредных привычек, которым пресса присвоила пренебрежительное название «магазинный язык».

Упоминание магазинов связывает порицаемый стиль с особым рода девушками, с теми, кто мало отличается от японок, любивших «teyo» и «dawa». Такая девушка ветрена, меркантильна и интересуется только такими легкомысленными занятиями, как шопинг и совместное времяпрепровождение с друзьями в больших магазинах. Кроме «like», «магазинная» девушка постоянно повторяет «u'know» и «I mean». При этом каждое предложение, будь оно повествовательным или вопросительным, произносится с восходящей интонацией. Таким образом, что бы она ни сказала, все ее предложения звучат как вопросительные. Родители и учителя обеспокоены тем, что такая манера разговаривать отрицательно повлияет на ее успеваемость и грядущие перспективы карьерного роста.

Эти опасения напоминают тревогу, которую вызвал в 1970-х годах «женский язык» у Робин Лакофф². Лакофф толковала расчлененные вопросы и восходящую интонацию в повествовательных предложениях как выражение незащитности и недостатка уверенности в себе: говорящая превращает каждое свое высказывание в вопрос, так как

¹ Kate Zernike, 'Talk is like, you know, cheapened: colleges introduce classes to clean up campus "mall-speak"', *Boston Globe*, 31 January 1999.

² Robin Lakoff, *Language and Woman's Place* (New York: Harper & Row, 1975).

не в состоянии сообщить о факте и выразить свое мнение обычным образом. Это мнение о неуместном использовании восходящей интонации стало популярным в современных источниках. Однако результаты исследований говорят, что оно больше связано с нашими стереотипными представлениями о молодых женщинах, чем с истинными причинами использования восходящей интонации.

Лингвист Синтия Маклемор провела анализ интонационных моделей, присущих женскому студенческому обществу Техасского колледжа. Она обнаружила, что восходящая интонация использовалась ими достаточно часто, причем прибегали к ней и члены общества, занимающие высокое положение. Этот прием мог выполнять несколько функций. Например, во время собраний восходящая интонация использовалась для того, чтобы выделить новую информацию в противовес той, о которой, по мнению выступавших, девушки могли знать. Напоминания о регулярно повторяющихся событиях в жизни женского студенческого общества обычно произносились с нисходящей интонацией, в то время как для сообщения об исключительных событиях выступающие с большей вероятностью прибегали к восходящей интонации. То есть применение восходящей интонации подразумевало не почтительный вопрос («Вы на это согласны?»), а уверенное заявление («Обратите внимание!»¹).

Во время другого исследования в поле зрения ученых попали 300 мужчин и женщин разного возраста, заказывающие напитки во время родительских выходных в университете. Официанты спрашивали у гостей имена (что в данном контексте должно быть новой информацией), а наблюдатель отмечал, произносились ли имена с восходящей интонацией. В итоге опыта выяснилось, что чаще всего с восходящей

¹ Cynthia McLemore, 'The Pragmatic Interpretation of English Intonation: Sorority Speech', Ph.D. diss., University of Texas, Austin, 1991.

интонацией произносили свои имена мужчины среднего возраста¹.

Получается, что восходящая интонация не является ни признаком незащитности, ни исключительно женской привычкой. Как не является ею и «like». В детройтской работе Пенелопы Экерт отмечается, что активнее всех «like» употребляли девушки-отличницы, опережавшие в этом отношении юношей-отличников, а среди хулиганов в этом отношении гендерные различия не наблюдались. Итак, почему же много людей связывают эти привычки с «девичьей ветреностью»?

Возможно, люди не ошибаются, считая, что в совокупности женщины используют эти приемы активнее, чем мужчины (несмотря на данные исследований отличников и хулиганов, которые говорят, что в существовании этого мнения виновны не все представительницы женского пола, а только часть из них). Однако подтвержденная статистикой связь женщин с определенными языковыми приемами еще не означает, что эти приемы передают женственность или указывают на какие-либо черты, приписываемые женщинам стереотипами, как-то: незащитность или чрезмерная почтительность. Черты «магазинного языка» являются инновационными. Как мы имели шанс убедиться, если группа принимает нововведение, то обычно самыми яркими приверженцами нововведений становятся женщины. Они делают то, что делают мужчины, но доводят модные тенденции до крайности.

Эти слова подкрепляются тем, что даже если женщины пользуются приемами «магазинного языка» чаще, чем мужчины, существуют группы мужчин, которые также не брезгают ими. К ним, например, относятся молодые люди,

из разговора которых я взяла свои примеры «like». Однако, как мы видели, эти молодые люди настойчиво заявляют о своей принадлежности к мужскому полу. В главе 4 я пояснила, что основная тема их разговора — как должны и как не должны вести себя «настоящие мужики». Если бы «like» было для них женским словом, они бы непременно избегали его. Точно так же если бы восходящей интонацией выражалось нечто типа «я не уверен, но мне кажется...» или «мне необходимо ваше одобрение», то к ней бы не прибегали мужчины среднего возраста, когда им надо назвать собственное имя.

Исключительно на том основании, что некоторые языковые приемы чаще встречаются в речи представителей одного пола, мы не можем заключить, что эти приемы передают мужественность или женственность. В качестве примера можно привести подростков из исследования Экерт. Они использовали новые гласные звуки не для того, чтобы заявить о принадлежности к мужскому или женскому полу, а для того, чтобы объявить, что являются отличниками или хулиганами. Гендерные различия появились потому, что девушки проявили большую верность речевым нормам отличников и хулиганов, чем юноши.

Разумеется, иногда отдельный языковой прием или стиль речи действительно символически относится к мужской или женской манере общения. Но даже в этих случаях было бы опрометчиво на их основании заявлять, будто бы связь между языком и полом имеет природное происхождение. Если человек говорит как женщина или как мужчина, из этого вовсе не следует, что он является женщиной или мужчиной. Стоит отметить, что самые четкие данные о том, каким образом пол говорящего принято выражать через речь, зафиксированы в исследованиях людей, чей «истинный» пол не совпадает с тем, который они стремятся выразить в речи.

¹ Цит. по: Penelope Eckert, 'Language and Gender in Adolescence', in Janet Holmes and Miriam Meyerhoff (eds.), *The Handbook of Language and Gender* (Maiden, Mass.: Blackwell, 2003), 395.

Преступая грани

В фильме «Когда Гарри встретил Салли» есть знаменитая сцена, где Салли решается доказать Гарри, что ловко симитированный оргазм внешне ничем не отличается от настоящего. Она имитирует оргазм, сидя в переполненной нью-йоркской закусочной. Она стонет, тяжело дышит, борется что-то напоподобие «Да!», «О Боже!» и «Да, вот так». Гарри известно, что его подруга лишь играет, но остальные посетители закусочной верят розыгрышу Салли. В конце сцены престарелая дама вызывает официантку и, указывая на Салли, говорит: «Мне то же, что и ей».

Салли эксплуатировала общепринятые признаки коммуникативного поведения. А именно то, что из некоторых фраз и манеры их произнесения окружающие могут сделать определенные выводы о социальной принадлежности говорящего, его или ее эмоциональном состоянии и даже о физиологических ощущениях, переживаемых человеком. Хотя некоторые из знаков, указывающих на оргазм, основаны на физиологических особенностях (например, сексуальное возбуждение создает эффект одышки), в данном случае они были вызваны без изменения физиологического состояния. То есть успех коммуникации не зависел от истинного состояния адресанта. Для того чтобы передать сообщение о том, что у вас оргазм, вам необязательно переживать его. Причем вашими адресатами сообщаемая вами информация может быть воспринята как истинная.

Одними из тех, кто зарабатывает благодаря этому принципу, являются сотрудники службы «Секс по телефону», чью речь изучила антропологингвист Кира Холл¹. Компания, предоставляющая эти услуги, где работали участники исследования Киры Холл, обслуживала клиентуру из мужчин гетеросексуальной ориентации. Клиенты платили за звонки

¹ Kira Hall, 'Lip Service on the Fantasy Lines', in Kira Hall and Mary Bucholtz (eds.), *Gender Articulated* (London: Routledge, 1995), 183–216.

поминутно для того, чтобы поговорить с женщиной — воплощением их фантазий. Так как в качестве канала связи выступала телефонная линия, сотрудницам не приходилось на самом деле что-либо воплощать. Их никто не мог видеть, и к ним никто не мог прикоснуться. Их задача состояла в том, чтобы создать впечатление, будто бы они являются той женщиной, о которой мечтает клиент, пользуясь при этом исключительно словами.

Кира Холл обнаружила, что оргазмы — это не единственное, что ежедневно имитировали сотрудники службы «Секс по телефону». Многие из них не были молоденькими девушками, с которыми так жаждали побеседовать их клиенты. Некоторые не были гетеросексуальны, а один даже не был женщиной. Многие сотрудницы умели представлять в образах, различающихся этнически: черная, азиатка, латиноамериканка, южная красавица — что бы ни пожелал клиент. При этом неудивительно, что ни один из сотрудников на самом деле не испытывал сексуального возбуждения, которое они передавали на словах. Одна женщина призналась Холл, что ей не понравился клиент, который сам разговаривал большую часть сеанса, а ей велел отвечать только «да, господин» и «нет, господин». Однако незатейливость этих ответов по крайней мере позволила ей помыть посуду.

Если переживания, которые работники службы «Секс по телефону» передавали клиентам, были всего лишь иллюзией, создаваемой при помощи особой манеры говорить, то как именно создается эта иллюзия? Какой общепринятый стиль общения позволяет лесбиянке средних лет, моющей посуду у себя на кухне, убедить мужчину на другом конце провода, что она является воплощением всевозможных желаний, самой сексапильной женщиной мира?

Одним из ответов на этот вопрос оказался «женский язык» Робин Лакофф. Как я уже рассказывала, лингвисты, проверившие утверждения Лакофф опытным путем, обнаружили, что речь настоящих женщин в большинстве

случаев не совпадает с описанным ею стилем. Однако работники интересующей нас службы активно им пользовались. Одна из женщин объяснила Кире Холл, каким образом она научилась задерживать ход беседы (полезное качество, когда вам платят поминутно)¹:

Теперь я могу описывать себя так, что это длится около пяти минут. Я произношу много прилагательных. <...> И это выгодно не только мне. Таким образом, я не просто тяну время. Им же нужно создать у себя образ того, на что ты похожа. Кроме того, я употребляю больше женских слов. На мне всегда персиковые, абрикосовые или черные кружева, вернее, не просто черные, а угольно-черные.

Прилагательные и точные названия цветов входят в список признаков «женского языка», составленного Лакофф. Другие работники этой службы упоминали иные признаки, названные ею, такие как «живой» тон голоса и вопросы, направленные на продолжение беседы.

Популярность этих приемов среди сотрудников службы «Секс по телефону» — дополнительный повод причислить «женский язык» к стереотипам. Секс по телефону — одна из форм порнографии, а порнография основана именно на стереотипах. Однако то, что «женский язык» идеально подходит для работы в сфере секса по телефону, не может объясняться исключительно тем, что, согласно стереотипным представлениям, он ассоциируется с женщинами. Существует много других стереотипных представлений о женщинах, речь которых вряд ли станет предметом мужских фантазий. Например, сварливая жена или школьная училка с птичьим лицом и командным голосом. Итак, что именно позволяет работникам службы добиваться своих целей при помощи «женского языка»?

Ключ к этому вопросу дала сама Лакофф. Она утверждала, что особенности «женского языка» передают качества, во многом определяемые как женские благодаря тому, что являются признаками бессилия: учтивость, самоуничижение, готовность приносить удовольствие. Они также подразумевают отсутствие других качеств — указывающих на власть: авторитетность, компетентность и наличие твердого мнения по поводу предметов посерьезнее, чем персиковый или абрикосовый цвет нижнего белья. Представление о женщине как о подчиненном и зависимом существе является основой эротики, а противоположные образы в произведениях эротической тематики совершенно непопулярны. Большинство мужчин звонят в «Секс по телефону» не потому, что хотят услышать лекцию по квантовой физике, произнесенную решительным тоном, и не для того, чтобы поучаствовать в энергичном споре об экономическом развитии. Пользуясь «женским языком», сотрудники службы дают своим клиентам то, что, как им известно, те желают услышать.

Другая группа людей, изучающих «женский язык», но занимающихся этим по совершенно иным причинам, — транссексуалы, сменившие мужской пол на женский. Они были рождены мужчинами и воспитаны как мужчины, но, став взрослыми, обратились за врачебной помощью, чтобы стать женщинами.

В процессе перемены пола их тела изменяют, прибегая к половым гормонам, а иногда и к хирургии. Но этим людям также необходимо научиться вести себя как женщины: двигаться, одеваться и говорить таким образом, чтобы сойти за женщин в повседневной жизни. Многие из них проходят курсы, формирующие язык и речь. Также существует направление самообразовательной литературы, призванное удовлетворять их нужды.

Ниже я привожу несколько рекомендаций, которые получают транссексуалы, превратившиеся из мужчин в жен-

¹ Kira Hall, 'Lip Service on the Fantasy Lines', in Kira Hall and Mary Bucholtz (eds.), *Gender Articulated* (London: Routledge, 1995), 199–200.

щин. Первый отрывок взят из воспоминаний человека, прошедшего через этот процесс, остальные — из самоучителей:

На уроках постановки голоса меня учили говорить с придыханием очень тонким, звонким голоском и вставлять расчлененные вопросы в конце каждого предложения. А еще я должна была улыбаться всякий раз, когда разговариваю¹.

Учащаяся должна привыкать поднимать и повышать голос во время разговора. <...> Мужчина может произнести фразу «сегодня хороший день» почти монотонно, но женщина должна, повысив тон голоса до предела, прошептать «ты выглядишь обворожительно!» <...> Другой полезный совет — заканчивать предложения с восходящей интонацией, почти как в вопросе².

Когда женщины разговаривают, они активнее двигают губами, чем мужчины; здесь вновь вступают в дело улыбки. <...> Чем выразительнее будет ваша мимика, чем больше вы будете улыбаться, чем больше будете смотреть и слушать, тем лучшей вы будете собеседницей³.

То, насколько авторы этих советов обязаны работе Робин Лакофф, видно невооруженным глазом. Правда, они позаимствовали у нее лишь описание «женского языка», а не феминистическую критику этого явления. Любой, кто будет тщательно следовать этим советам, не станет говорить как женщина, если под этим подразумевается «средняя женщина» или «большинство женщин в большинстве обычных жизненных ситуаций». Большинство

¹ Kate Bornstein, interview with Shannon Bell, in Arthur Kroger and Marilouise Kroger, *The Last Sex: Feminism and Outlaw Bodies* (New York: St Martins Press, 1993), 104–120.

² Veronica Vera, *Miss Vera's Finishing School for Boys Who Want to Be Girls* (New York: Doubleday, 1997), 131–132.

³ Jennifer Anne Stevens, *From Masculine to Feminine and All Points in between: A Practical Guide* (Cambridge, Mass.: Different Path, 1990), 76–77.

женщин будут прилагать огромные усилия, чтобы не соответствовать оскорбительному образу, описанному в этих советах: «собеседница» со щебечущим высоким голоском и нестираемой улыбкой.

Тем не менее для транссексуалов унизительные ассоциации, связанные с этим стилем, возможно, менее важны по сравнению с их связью с женским поведением в противоположность мужскому. Для большинства людей гендер — это фон, на котором они выстраивают представление об иных группах, куда они входят (например, отличников или хулиганов). Он накладывает отпечаток на все, что они делают, но обычно не является главной характеристикой, которую они хотят показать. А транссексуалы, в отличие от остальных людей, зачастую более озабочены тем, чтобы сообщить окружающим о своем гендере как о своеобразной личностной характеристике. Новоиспеченные женщины хотят выдать себя за женщин и не желают, чтобы их приняли за мужчин, которыми они когда-то были. Чрезмерно стереотипная речевая передача женственности в этом случае больше всего подходит для их целей. Возможно, их речевое поведение не подлинно женское, но оно не оставляет сомнений при определении гендера говорящего.

А какие советы получают транссексуалы, совершающие превращение в обратном направлении, из женщины в мужчину? Согласно Дону Кулику, который составил обзор научной и популярной литературы в этой области, ответ на этот вопрос — «почти никаких»¹. «Официальное» объяснение этого опирается на физиологический факт. Большинство транссексуалов, меняющих женский пол на мужской, принимают мужской гормон тестостерон, благодаря которому их голосовые связки утолщаются, а голос снижается. Те транссексуалы, которые стремятся из муж-

¹ Don Kulick, *Transgender and Language: A Review of the Literature and Suggestions for the Future*, *GLQ* 5/4 (1999), 605–622.

чин стать женщинами, напротив, принимают эстроген, не имеющий влияния на высоту голоса. Из этого часто делается вывод, что речь становится проблемой только для транссексуалов, меняющих мужской пол на женский, а тем, кто переживает обратное превращение, не о чем беспокоиться.

Однако, как отмечает Кулик, этим не объясняется недостаток советов по изменению речи для людей, из женщин превращающихся в мужчин. Рекомендации, которые получают люди, проходящие противоположные изменения, не ограничиваются высотой голоса. Они затрагивают улыбки, мягкую манеру разговора, задавание вопросов, внимательное вслушивание в речь собеседника и подбор «женских» слов, например, «обворожительно». Дон Кулик комментирует отсутствие аналогичной озабоченности речевыми приемами, подобающими настоящим мужчинам, среди транссексуалов и их врачей следующим образом:

[Отсутствие подобной заботы. — *Перев.*] обусловлено идеологическими и психологическими причинами. <...> [Оно. — *Д. К.*] отражает широко распространенное в нашей культуре мнение, что принадлежность к мужскому полу самоочевидна, а принадлежность к женскому полу передается через сложную систему действий, требующих верного следования детальным и подробно проработанным инструкциям (зачастую созданным мужчинами) в отношении того, как ходить, разговаривать, сидеть, есть, одеваться, двигаться и выражать чувства¹.

И вновь женщины (а в нашем случае — те, кто стремится стать женщинами) должны уделять много внимания мелким деталям языкового стиля. Для мужчин (или для тех, кто стремится стать мужчинами) достаточно более грубых признаков, таких как высота голоса, чтобы соответствовать своему полу.

¹ Don Kulick, *Transgender and Language: A Review of the Literature and Suggestions for the Future*, *GLQ* 5/4 (1999), 609.

Некоторые группы людей используют в своей речи символические гендерные коды, чтобы передать присущую им чуждость в отношении определенного пола. Один из транссексуалов, которого я цитировала и который описывал, как его учили говорить звонким голосом, использовать расчлененные вопросы и постоянно улыбаться, — «гендерная рецидивистка» Кейт Борнштейн, выработавшая собственный стиль. Описав уроки по постановке голоса, Борнштейн переходит к рассказу о том, как отвергла стиль речи, которому ее учили. «Учителя предполагали, что тебе хочется стать гетеросексуальной женщиной», — поясняет она¹. Сама она намеревалась стать лесбиянкой, и ей казалось, что ее намерение не соответствует принятию чересчур женского стиля речи, символами которого являются тонкий голос и улыбчивость.

Представление о лесбиянках как о женщинах, ведущих себя как мужчины (как и о мужчинах-гомосексуалистах, ведущих себя как женщины), разумеется, стереотипно. Как и мужчины и женщины гетеросексуальной ориентации, гомосексуалисты и лесбиянки различны. Некоторые стили поведения геев и лесбиянок действительно предполагают сознательное отклонение от языковых норм мужественности и женственности или, в некоторых случаях, сознательное противопоставление мужской и женской манеры разговаривать. Примером этого могут послужить записи выступлений шоу гомосексуалистов африканского происхождения, сделанные исследователем Расти Барретом в Техасе. Стиль выступавших представлял собой смесь «женского языка» с речевыми особенностями, которые стереотипы приписывают мужчинам: непристойностями и грубыми высказываниями по темам, связанным с сексом².

¹ Bornstein, interview with Shannon Bell.

² Rusty Barrett, 'Supermodels of the World, Unite!', in Cameron and Kulick (eds.), *Language and Sexuality Reader*, 151–163.

Другое общество, в котором принято переключаться между самопрезентацией в качестве мужчины и самопрезентацией в качестве женщины, — индийские хиджры (евнухи). На родине их считают представителями среднего, «третьего» пола¹. Они говорят на языке хинди, в котором повсеместно присутствуют грамматические ссылки на пол. Любое упоминание о действиях или качествах человека, включая самого говорящего, четко указывает на то, мужчина это или женщина. В большинстве обстоятельств хиджры говорят о себе как о женщинах. Зато когда они рассказывают об успешных сделках или выражают злобу, они переходят на грамматические формы мужского рода. Они также пользуются грамматическими формами мужского рода в отношении других хиджр, чтобы передать глубокое уважение к ним. Это поведение является отклонением от нормы в том смысле, что обманывает ожидания, согласно которым один человек должен постоянно выражать свою принадлежность к единственному полу. Тем не менее видно, что переключение переходит не случайным образом. Действия, эмоции и качества метафорически получают свой пол вполне предсказуемо: например, бизнес ассоциируется с мужским полом так же, как и злоба, а самым уважаемым представителям сообщества присваивается статус мужчин.

Культурные надстройки

Вы можете возразить, что мои примеры представляют собой исключительные случаи и ничего не говорят о поведении «нормальных» мужчин и женщин. С этим можно поспо-

¹ Kira Hall and Veronica O'Donovan, 'Shifting Gender Positions among Hindi-Speaking Hijras', in Victoria Bergvall, Janet Bing, and Alice Freed (eds.), *Rethinking Language and Gender Research* (London: Longman 1996), 251–255.

речь, отметив, что в описанных ситуациях люди занимают-ся явно не тем, что заложено в них от природы, и поэтому на основании именно таких случаев легче обнаружить особенности стоящей за ними системы, которой пользуется каждый из нас, чтобы сообщать окружающим о своем поле. Хотя большинство из нас занимается этим неосознанно, этот процесс все же зависит от культурных кодов, связывающих определенную манеру говорить с определенными говорящими.

Причем говорящие активно смешивают коды не только в исключительных случаях. Язык — часть того сырого материала, из которого мы вытаскиваем свою личность. Множество мелких, но значимых различий в речевых стилях мужчин и женщин — не результат изначальных различий между полами, а следствие непрекращающихся попыток представителей этих полов создать различия. Объем усилий, вкладываемых в этот процесс, красноречиво говорит о значении, которое мы придаем гендеру. Но также он говорит, что гендерно окрашенное поведение не может быть целиком естественным. Ведь если бы оно было таковым, все усилия были бы излишни.

Когда-то существовал лозунг феминисток: «Если быть женщиной естественно, то прекратите меня этому учить». Большую часть последнего десятилетия на нас со всех сторон набрасываются специалисты, учащие женщин и мужчин естественной манере разговора. При этом они объясняют, почему судьба повелевает нам говорить по-разному, и советуют, как уживаться с проблемами, возникающими из-за этих различий (обычный их совет — смириться с тем, что не в силах изменить).

Как я отмечала в главе 1, в этом есть что-то обескураживающее. Никогда в истории человечества мужчины и женщины не были менее различными и менее зависимыми от своих биологических особенностей, чем те, что живут в современных западных обществах. И тем не менее жители за-

падных стран XXI века подчиняются мифологии, утверждающей, будто бы различия между мужчинами и женщинами глубинны и не поддаются изменениям. В последней главе этой книги мы попробуем найти ответ на вопрос. «В чем привлекательность мифа о Марсе и Венере?».

9

ГЛАВА

За пределами мифа о Марсе и Венере

Представление о том, что мужчины и женщины метафорически говорят на разных языках, что они используют язык различными способами и для различных целей, — один из величайших мифов нашего времени. В своей книге я воспользовалась данными практических исследований, попытавшись развеять разнообразные малые мифы, из которых складывается весь миф о Марсе и Венере. Например, согласно ему, женщины говорят больше, чем мужчины, а опыты показали, что на самом деле мужчины говорят больше женщин. Если верить мифу, разговоры женщин направлены на сотрудничество, а подтекст разговоров мужчин подразумевает соперничество. Исследования утверждают, что представителям обоих полов свойственна и та и другая направленность разговоров. Также миф призывает нас верить, что мужчины и женщины не понимают друг друга. Тем не менее научные исследования показали обратное.

Я сделала акцент и на некоторых пунктах, которые авторы литературы о Марсе и Венере предпочитают замалчивать (или в лучшем случае затрагивать их лишь отчасти, а затем забывать). Между мужчинами и женщинами существует много сходства, а различия внутри каждой гендерной группы обычно такие же, как различия между группами,

причем иногда они превышают их как по объему, так и по значимости. Многие из различий зависят от контекста. Те модели речевого поведения, которые легко отследить в одной ситуации, приглушаются, исчезают или меняются местами в другой ситуации. Напрашивается вывод, что они не являются прямыми отражениями черт, неизменно присутствующих представителям разных полов.

Если бы эти наблюдения получили признание, заголовки научных статей звучали бы как «Исследование показало, что мужчины и женщины во многом похожи», а популярные книги по психологии носили бы названия «Противоположный пол — не такая уж загадка» или «В большинстве случаев мы прекрасно понимаем друг друга». Конечно же, такие названия не похожи на названия бестселлеров, так как существует старая и проверенная формула: «мужчины и женщины появились с разных планет». Чем помогает нам миф о Марсе и Венере, из-за чего мы возвращаемся к нему вновь и вновь?

Почему важна норма

В 2003 году среди блогеров и серферов Интернета приобрел популярность сайт под названием «Гендерный гений». Авторы этого сайта утверждали, что их программа способна определить пол автора по образцу написанного им текста объемом в 500 слов. Комментарии посетителей сайта говорили об одном: все они отдали Гению на анализ образцы своих работ. Очевидно, что им не нужен был Гений, чтобы определить свой пол (это и так им известно, а возможность ошибки программы была слишком велика). На самом деле они хотели проверить, насколько созданные ими произведения удовлетворяли представлениям Гения об их принадлежности к какому-либо полу. Один из блогеров, рекомендуя программу другим пользователям, написал:

«Поиграйте с ним: выясните, так ли вы пишете, как вам подобает»¹.

В действительности «Гендерный гений» ничего не говорит о том, как подобает писать мужчинам и женщинам. Гений — это лишь машина, запрограммированная на поиск определенных признаков, частота которых оказалась различной в текстах из контрольной выборки письменного английского языка, созданных мужчинами и женщинами. Машина рассчитывает частоту появления этих черт, а потом выдает ответ, основанный на расчетах. Все, что на самом деле говорит пользователю программа, — насколько его или ее текст поддерживает гипотезу о том, что частотность отдельных признаков в письменном тексте указывает на пол его автора.

Тем не менее из 100 блогеров, чьи ответы стали материалом моего исследования, почти все (за редким исключением) решили, что суждение Гения относится к ним, а не к принципам работы самой программы. Те блогеры, чей пол был определен неверно, искали причины этого в своей личности и жизненном опыте. Одна женщина предположила, что ее отнесли к мужчинам потому, что она получила образование в школе для мальчиков, а несколько других женщин признались, что в детстве были сорванцами. Мужчины шутили, причем иногда с заметным смущением, что, возможно, они являются гомосексуалистами. Когда же ответ Гения был правильным, никто не искал этому объяснения.

Отношение блогеров к результатам работы «Гендерного гения» — типичный подход к теме различий между полами. Люди обычно воспринимают каждое утверждение о мужчинах и женщинах как информацию о поведении мужчин и женщин, соответствующем норме. И эта норма рассматривается как образец для каждого. Разумеется, су-

¹ См. Deborah Cameron, 'Dreaming of Genie: Language, Gender Difference and Identity on the Web', in Sally Johnson and Astrid Ensslin (eds.), *Language in the Media* (London: Continuum), готовится к печати.

ществуют отдельные личности, желающие отличаться от того, что в их культуре считается нормой. Однако у большинства сильно желание быть нормальными. «Нормален ли я?» — один из вечных вопросов в рубрике вопросов к редактору.

На протяжении последних пятнадцати лет миф о Марсе и Венере объяснял нам, что является нормой для представителей различных полов в области языка и общения. Его тезисы о речи мужчин и женщин начали влиять на наши ожидания того, как будут общаться с нами мужчины и женщины, и формировать наше мнение о том, как они общаются на самом деле. В отличие от «Гендерного гения» это не безобидная забава. Мы наблюдаем отрицательное влияние мифа, когда работодатели видят в женщинах более подходящих кандидатов на вакансии, требующие способности вести светскую беседу, а в мужчинах — на вакансии, требующие способности выражать в речи авторитетность. При этом мужчины сталкиваются с большими трудностями при получении «женских» работ, а женщины — при получении «мужских» работ. Горькие плоды мифа мы видим, когда родители и учителя ожидают от девочек больших успехов в изучении языков, а от мальчиков — в изучении математики. Миф действует во вред, когда присяжные на судах по делам об изнасилованиях дают послабления мужчинам, заявляющим, будто они «неверно истолковали сигналы женщин». А еще миф вступает в действие всякий раз, когда кто-то шутит над женской привычкой много разговаривать и неспособностью мужчин выразить свои чувства.

Почему важны различия

Половые различия завораживают нас больше, чем любые другие биологические различия. Например, вполне вероятно, что по образцу текста можно установить возраст на-

писавшего его человека, но никто не будет разрабатывать Гения для этой цели. Насколько мне известно, до сих пор нет научно-популярной книги о различиях между правшами и левшами, которая стала бестселлером.

Праворукость или леворукость больше всего подходят для сравнения с полом, так как и то и другое связано с различиями в строении мозга. В декабре 2006 года статья в журнале *Neuropsychology* сообщила, что левши быстрее и эффективнее, чем правши, справляются с задачами, требующими одновременной обработки множества стимулов, такими, как компьютерные игры¹. Если бы обнаруженные различия были различиями между полами, это исследование, несомненно, получило бы столько же внимания, сколько те, которые сообщали, будто бы мужчинам сложно слышать женщин, мужчины лучше справляются с шопингом, а женщины говорят в три раза больше, чем мужчины.

Если привычка пользоваться той или иной рукой порождает меньше звучных заголовков, чем пол, возможно, это вызвано тем, что открытия в данной области не могут влиться в длительную дискуссию о различиях между правшами и левшами. Мы не считаем их представителями разных видов, прилетевшими с разных планет, они не кажутся нам участниками вечной «борьбы рук». Кроме области спорта мы вообще редко о них задумываемся. Короче говоря, предпочтение той или иной руки не имеет значения для организации социальных отношений человека: оно не определяет ни личностные свойства, ни роль, ни общественный статус. Сообщениям о различиях между левшами и правшами будет всегда недоставать одного важнейшего элемента, который притягивает наше внимание к информации о различиях между мужчинами и женщинами. Эти различия никогда не будут служить основанием для оправдания социального

¹ 'Left-Handers Think More Quickly', *BBC News Online*, 6 December 2006.

неравенства, объясняя его как неизбежное следствие природных различий.

Значит, миф о Марсе и Венере предназначен для этого? Я предоставлю слово четвертой странице обложки книги «Why Men Don't Iron»¹:

Многое из того, что пишут и чему нас учат, подразумевает, что большинство различий между женщинами и мужчинами вызваны обществом и, следовательно, могут быть изменены. И после этих изменений мужчины и женщины станут одинаковыми. Исходя из этого, мужчинам надоедают настойчивыми призывами отбросить старый образ самца-тирана, чтобы ... соприкоснуться с женской частью своей личности. А что если этой женской части не существует? <...> Вообще-то мужской мозг значительно отличается от женского, и их реакции на одни и те же стимулы не могут быть одинаковыми. Таким образом, возрастающая феминизация общества, пищи и образования пагубна для мужчин, как, в конце концов, и для женщин.

Это высказывание принадлежит к проверенной временем традиции зловещих предупреждений об опасностях, которыми чревато изменение природного баланса в отношениях между мужчинами и женщинами. Хотя с этим мнением можно поспорить (если организация мозга делает все попытки изменить мужчин и женщин бесплодными, как же может происходить «возрастающая феминизация общества, пищи и образования», на которую жалуются авторы?), общая установка вполне ясна. Всем нам будет лучше, если мы вернемся к естественному порядку, при котором существуют различия между полами, а мужской пол является главным.

Но как я уже говорила в конце прошлой главы, похоже, что это мнение не стоит высказывать здесь и сейчас. Заметно, что в обществах, где наиболее полно раскрылся миф

¹ Anne Moir and Bill Moir, *Why Men Don't Iron* (New York: Citadel, 1999).

о Марсе и Венере, половые и гендерные различия имеют меньшее значение, чем в недавнем прошлом. Также очевидно, что многие стороны биологических различий между людьми и способами их воспроизводства становятся все более подвластными вмешательству со стороны науки и техники. Операции по перемене пола теперь стали обычным явлением. Так же, как процедуры, позволяющие размножаться одиноким людям, гомосексуалистам и лесбиянкам, бесплодным людям, постклимактерическим женщинам, а в отдельных случаях даже мертвым¹. Были клонированы млекопитающие, такие как овцы, в обход процесса полового размножения. Если мы пока не попытались проделать то же с человеком, то скорее по культурным и этическим соображениям, а не из-за технической невозможности.

Даже наши гены, где якобы скрыто множество половых различий, мы в состоянии изменить. Ученые разгадали тайны генома человека не для того, чтобы сидеть сложа руки и восхищаться ими. В принципе доступных нам знаний достаточно, чтобы вмешиваться в природные процессы с какими угодно целями. Впрочем, так же, как в случае с клонированием, то, как следует и как не следует использовать знания, зависит от этических соображений.

Когда дело доходит до пола и гендера, идеи, в которые люди верили издавна, легко подвергаются сомнению. Одновременно с этим у нас развилась необоримая тяга к материалу, заключающему в себе всевозможные традиционные представления об «истинной» природе мужчин и женщин. Является ли это полноценным противоположным течением или процветанию мифа о Марсе и Венере способствует то, что мы пока не определились в отношении настоящего и будущего значения пола и гендера?

¹ Я имею в виду те редкие случаи, когда перед смертью у мужчины берется сперма и замораживается для того, чтобы его оставшаяся в живых партнерша могла забеременеть при помощи искусственного оплодотворения или оплодотворения *in vitro*.

«Переломный этап в истории человечества»

В январе 2007 года *New York Times* сообщила об одном значительном открытии, выяснившемся в ходе переписи населения США в 2005 году: впервые в истории большинство женщин Америки оказались незамужними¹. Месяцем позже британское Управление национальной статистики обнаружило, что число браков, заключающихся в Соединенном королевстве, упало до небывало низкой отметки².

Этой тенденции способствуют несколько факторов. Среди них то, что женщины стали выходить замуж позже, все больше жен переживают своих мужей и все больше пар предпочитают жить вместе вне брака. И в то же время все больше веса приобретает то обстоятельство, что женщины все чаще предпочитают не выходить замуж вообще и не стремятся к новым бракам после разводов. Они предпочитают быть независимыми, и теперь этот выбор для них доступен. Совсем недавно заработок большинства женщин был недостаточен, чтобы содержать хозяйство. Цена материальной независимости также была высока: «уважаемые» женщины не могли иметь половые контакты или детей вне брака.

Элисон Вулф, занимающаяся изучением демографической политики, заявила, что недавние перемены в положении образованной женщины среднего класса из развитых стран представляют собой не что иное, как «переломный этап в истории человечества»³. В прошлом, отмечает Вулф, жизнь женщины любого класса вращалась вокруг домашних обязанностей и рождения и воспитания детей. Однако в последние 40 или 50 лет технологические и социальные перемены предоставили женщине гораздо больший выбор

¹ '51% of women are now living without spouse', *New York Times*, A1, 16 January 2007.

² 'Marriages Decrease', *National Statistics Online*, 21 February 2007.

³ Alison Wolf, 'Working Girls', *Prospect Magazine*, 121, April 2006.

в отношении того, как жить (например, заводить детей или нет). У привилегированного меньшинства женщин теперь есть возможность вести практически тот же образ жизни, что у соответствующих им в социальном и интеллектуальном отношении мужчин.

Эта возможность возникла благодаря тому, что для женщин открылись образовательные и карьерные перспективы, которые ранее были им недоступны. Вулф отмечает, что в течение последних пятидесяти лет после основания Саммервилл-колледжа (один из первых женских колледжей Оксфорда, основан в 1879 году) почти все его выпускницы, за редким исключением, обратились к сфере образования (самая популярная сфера) или к другим областям деятельности, связанным с заботой об окружающих, таким как здравоохранение или социальная работа, в том случае, если вообще пошли работать. И это происходило не потому, что такая работа больше подходит для женского сознания, как бы сказал Саймон Бэрон-Коуэн, а потому, что прочие пути для них были закрыты. Когда ситуация изменилась, изменился и выбор женщин. К 1980-м годам Саммервилл стал выпускать больше бухгалтеров, чем учителей. В наши дни выпускница колледжа может рассчитывать на такое же продвижение по карьерной лестнице и такой же заработок, как у мужчины с тем же образованием, если не будет заводить детей. Если же она родит ребенка, ее заработок составит 88% от заработка мужчины. Это больше, чем у женщин в совсем недавнем прошлом.

Произошли и другие социальные изменения. Хотя их трудно зафиксировать, они не теряют от этого свою значимость. Представления, которые мои родители считали неизменными законами, утратили свою силу. Раньше считалось, что мужчины и женщины должны общаться в однополых группах (даже если они находятся в одной гостиной или в одном пабе), что им нельзя иметь друзей противоположного пола, заниматься не свойственными

их полу вещами, а также мужчинам и женщинам принадлежали определенные роли в семье. Хотя неравенство остается, теперь у западных женщин гораздо больше свободы, чем раньше. Представители разных полов даже внешне стали более похожи друг на друга, чем два поколения назад.

Ничто из вышесказанного не подразумевает, что гендерные различия стали несущественны и мужчины и женщины теперь равны во всех отношениях. Вулф подчеркивает, что за пределами образованной элиты экономическое неравенство остается весьма заметным. Другие исследователи пишут, что некоторые проблемы, затрагивающие женщин в целом, такие как распространение полового насилия, скорее усиливаются, чем ослабевают. Однако острота различий между полами, которая раньше была заметна во всех слоях общества, значительно притупилась. В устремлениях и возможностях, образе жизни и взглядах образованные мужчины и женщины теперь скорее похожи друг на друга, чем различны.

Такого рода изменения никогда не проходят безболезненно. Наши мысли, чувства, наше ощущение того, кто мы такие, и наши представления о правильном поведении не всегда идут в ногу с технологическим прогрессом и переменами в экономических условиях. И причина не в том, что образ наших мыслей запрограммирован в человеческом мозге со времен каменного века. Так происходит потому, что на самом деле культура не является внешним и преходящим фактором. И наоборот, как я уже отмечала, биологические особенности не являются чем-то неизменяемым, как утверждает в книгах наподобие «Why Men Don't Iron». Перемены в культуре проходят тяжело: они вызывают беспокойство, конфликты, а в некоторых случаях и активное сопротивление. Именно поэтому миф о Марсе и Венере встречает теплый прием в среде образованных европейцев среднего класса.

Перемены и проблема общения пар

Изначальная целевая аудитория литературы о Марсе и Венере — средний класс. Но, по данным исследований, большей части читателей этих материалов присущ уровень образования выше среднего¹. Популярная психология подразумевает более широкую аудиторию. Несмотря на это, в бестселлерах по популярной психологии изображается жизнь именно среднего класса. Периодические издания в основном содержат статьи, основанные на описаниях их жизни. Основная тема — трудности, которые испытывают мужчины и женщины при общении друг с другом, и проблемы, возникающие из-за этого в их отношениях.

Эти трудности, как правило представленные как древние и всеобщие, сводятся к тому, что мужчины и женщины живут в разных социальных мирах, которые наделяют их определенными и трудными для понимания непосвященных манерами разговаривать. Возникает вопрос, почему (не)понимание между мужчинами и женщинами не кажется проблемой в других обществах и социальных группах. Еще более заставляет задуматься то, что если причина непонимания — социальное разделение полов, почему эта проблема наиболее актуальна в сообществах, где такое разделение выражено меньше всего.

В книге 1962 года «Blue Collar Marriage», ставшей классической, социолог Мирра Комаровски сообщила, что американские представительницы рабочего класса, за жизнью которых она наблюдала и с которыми разговаривала, обычно не рассчитывали на продолжительные беседы со

¹ См., напр., Suzana Herculano-Houzel, 'What does the public want to know about the brain?', Letters to the Editor, *Nature Neuroscience*, 6 (2003), 325. Эта исследовательница обнаружила, что почти 90% респондентов из ее выборки, состоявшей из людей, разыскивавших информацию об устройстве сознания в популярных источниках, обладали высшим образованием.

своими мужьями¹. В их сообществе оказалась сильна половая сегрегация. В поисках компании и эмоциональной поддержки они обращались к подругам и родственницам. И большинство из них считало это заменой общения с супругом. Им казалось не только неестественным, но даже эксцентричным ожидать, чтобы муж был их близким другом и хорошим собеседником.

Это отношение типично для традиционных обществ и обычных сообществ среднего класса. Модель «брака соратников», в котором супруги большинство дел выполняют вместе, проводят много времени во взаимодействии друг с другом и видят друг в друге друзей, характерна именно для современного среднего класса. Впрочем, как многие нормы среднего класса, она распространилась на другие слои общества. Комаровски выяснила, что женщины, окончившие среднюю школу, чаще соглашались с этим наблюдением, чем те, кто там не учился. Такие взаимоотношения в браке стали возможны потому, что мужчины и женщины среднего класса не живут в разных социальных мирах (у них достаточно общего материала для поддержания беседы). Также такое общение необходимо: ведь у мужчин и женщин среднего класса обычно немного друзей и родственников одного с ними пола, проживающих поблизости, что было присуще людям, за которыми наблюдала Комаровски.

Сегодня намного меньше жителей западных стран входят в сообщества, подобные сообществу из «Blue Collar Marriage». Экономические и социальные перемены (такие, как мобильность, уменьшение размеров семьи, увеличение количества разводов) ослабили связи, объединявшие традиционные семьи и сообщества. Один из результатов этого — уменьшение размеров сети, поддерживающей каждого человека, что заставляет его полагаться на меньшее количество важных для него людей. В этих условиях люди ожидают

большого от общения с супругами и партнерами. Когда их ожидания не оправдываются, общение между мужчинами и женщинами начинает восприниматься как серьезная социальная проблема.

Для возникновения этой проблемы есть и другие причины. Чем более похожими друг на друга становятся мужчины и женщины, тем чаще они сталкиваются в борьбе за одни и те же цели (должность, статус, деньги, свободное время, личная свобода). Мои родители, поженившиеся в середине 1950-х, никогда не спорили о том, кому выносить мусор, делать покупки, мыть посуду, вести машину, кто выбирает телевизионные передачи или принимает важные финансовые решения. Все эти вопросы были заранее решены при помощи полового различия. А большинству современных пар, наоборот, приходится распределять довольно много прав и обязанностей. И это часто приводит к ссорам и конфликтам.

Вечная тема литературы о Марсе и Венере — якобы неразвитые у мужчин способности к сочувствию и заботе. Это указывает как раз на отсутствие изменений. Когда книга «Why Men Don't Iron» говорит о «возрастающей феминизации общества», под этим скорее всего подразумевается увеличение заметности, статуса и влияния женщин в областях, из которых они раньше исключались или в которых занимали маргинальное положение. Но то, что произошло за последние 40 лет, может быть скорее названо «маскулинизацией общества». Основные перемены состояли в том, что устремления и взгляды женщин среднего класса стали больше походить на мужские, и для них возросло значение личных достижений и личной свободы.

Элисон Вулф указывает, что это привело к тому, что множество женщин среднего класса покинуло оплачиваемые и неоплачиваемые занятия, связанные с уходом за семьей, детьми, старшими, больными и социально обездоленными, когда-то составлявшие основу их жизни. «Путь женщины

¹ Mirra Komarovsky, *Blue Collar Marriage* (New York: Vintage, 1962).

развитого мира когда-то проходил через университет и преподавание к материнству, поддержанию домашнего очага и работе по желанию, — пишет Вулф, добавляя: — Теперь такие женщины слишком заняты»¹.

Эти изменения не были компенсированы соответствующим сдвигом во взглядах и устремлениях мужчин. При том, что мы слышаны о так называемом «новом мужчине» и его склонности к домашнему хозяйству и активному участию в воспитании детей (хотя мужчины бывают различными), опросы настойчиво показывают, что вклад мужчин в работу по дому и рутинные формы заботы о детях ненамного возрос с тех пор, как женщины стали «слишком занятыми»². Женщины, как и прежде, продолжают заниматься домашними хлопотами. Однако, что неудивительно при их занятости на работе, они все чаще задаются вопросом, почему должны делать все это в одиночку. Вот и еще одна причина конфликтов в отношениях современных мужчин и женщин.

Женщины из высшего класса могут решить эту проблему, переключая то, что считается их работой, на женщин из низших слоев. Они часто нанимают нянь, домработниц и сиделок. Однако нельзя легко переложить на других за-

¹ Alison Wolf, 'Working Girls', *Prospect Magazine*, 121, April 2006.

² Согласно Управлению национальной статистики Соединенного Королевства, британские женщины в среднем занимаются работой по дому 3 часа в день, а мужчины — лишь 1 час 40 минут (в это время не входят покупка продуктов и забота о детях, чем мужчины также занимаются меньше, чем женщины). Дополнительные данные от авторов «Why Men Don't Iron»: на самом деле 60% мужчин гладят. У женщин эта доля составляет более 90%. Однако представители обоих полов называют глажение в качестве домашней обязанности, которая не нравится им больше всего. Я позволю себе истолковать различия между полами в этом конкретном случае не как следствие некоего врожденного отращения к глажке у мужчин. По-моему, это всего лишь следствие того, что гораздо меньше женщин способны найти кого-то, кто бы гладил их вещи.

боту об удовлетворении эмоциональных нужд супруга или партнера. Не случайно одной из ключевых тем в книгах о Марсе и Венере является рассмотрение женской жалобы «я забочусь о его чувствах, а он о моих — нет».

Миф о Марсе и Венере со свойственной ему гениальностью признает, что проблемы и конфликты многих людей — следствие социальных перемен, но поясняет их таким образом, как будто они не имеют никакого отношения к социальным переменам. Миф говорит, что эти проблемы стары как мир (в некоторых версиях это утверждение вполне буквально), а их корни кроются в непреодолимых естественных различиях между полами. Отсюда следует, что с проблемами ничего не нужно делать: следует принять то, что невозможно изменить, и подавить стремление искать виноватых.

В главе 5 я указала на главную проблему этой ситуации: на практике женщины ответственны за то, чтобы общение проходило гладко. Опять забота о «личных мелочах» возлагается на плечи женщин, вместо того чтобы стать общим делом обоих полов. Необходимо уточнить, что в этом случае речь идет не только о «личных мелочах»: эти проблемы указывают на более глубокие социальные беды. Мнение о том, что такие проблемы вечны, естественны и неизбежны, заставляет нас оставить поиски новых социальных регулировок, которые помогут улучшить жизнь в обществе, более не управляемом старыми положениями о занятиях, надлежащих мужчинам и женщинам.

Когда миф о Марсе и Венере утверждает, что современные проблемы человечества вызваны извечными естественными различиями, это подразумевает, что с мужчинами и женщинами не произошло ничего особенно важного. Какими бы внешне одинаковыми они ни казались — они получают одинаковое образование, занимают одни и те же должности, зарабатывают одинаковые деньги и ищут одни и те же развлечения, — на более глубоком уровне, на уровне сознания,

строения мозга, согласно мифу, они остались различными. И для многих это звучит обнадеживающе, так как перемены в культуре происходят тяжело. Большинство из нас не любит перемены и промежуточные этапы. И даже если пол больше не определяет наш образ жизни так, как прежде, он остается важной частью нашей личности, нашей социальной и половой жизни. Может быть, мы не хотим возвращаться к традиционному распределению ролей между представителями разных полов; но это не означает, что мы хотим жить в мире, где различия между мужчинами и женщинами не более значимы, чем различия между правшами и левшами.

Отвергая все варианты

Перемены в отношениях между мужчинами и женщинами вызывают у разных людей разную степень озабоченности. Для некоторых консервативно настроенных личностей ослабление традиционных различий и иерархии, связанной с ними, стали основной причиной для беспокойства, а иногда и возмущения состоянием современного мира. В качестве яркого тому примера можно привести подъем новых форм религиозного фундаментализма, уделяющих пристальное внимание вопросам пола и месту женщин. Некоторые формы современного дарвинизма отличаются теми же тенденциями (по иронии судьбы Дарвин является одной из основных мишеней фундаменталистов, так же, как и феминизм). Отдельные дарвинисты ратуют за подчинение законам природы с не меньшим рвением, чем фундаменталисты, проповедующие соблюдение божественных заповедей. Причем и те и другие помешаны на поле и гендере.

Возрождение мысли о том, что большинство различий между мужчинами и женщинами биологического происхождения и поэтому, говорится в «Why Men Don't Iron»,

они «неизменяемы», — отличительная черта современных споров. Многие феминисты и прочие либералы поколения 1960-х считали, что это проявление сексизма, основанное на биологическом детерминизме, навсегда исчезло из поля зрения широкой общественности, теперь же они обеспокоены его возвращением в моду.

В книге «The Blank Slate» Стивен Пинкер заявляет, что их страхи необоснованны: мы можем обсуждать биологические различия между полами, не касаясь наших взглядов на равенство полов. «Бороться с фанатизмом, — говорит он, — не означает провозглашать отсутствие биологических различий между людьми: необходимо на уровне морали избегать суждений об отдельных людях на основании черт, присущих группам людей»¹.

Это звучит весьма позитивно, но несколько неискренне. Пинкер упускает из виду особенность, которую я уже упоминала: не все биологические различия имеют для нас одинаковое значение. Обычно люди не обращаются к теме половых различий, будучи «чистыми листами». У них есть определенная цель: они смотрят на биологию, пытаются объяснить взгляды на общество — какое оно есть и каким должно быть. Хотя сам Пинкер является исключением, большинство людей поддерживают мнение, что если различия между мужчинами и женщинами имеют биологические основания, то они неизбежны («с природой не поспоришь»), желательны («что естественно, то не безобразно»), и мир должен строиться с учетом этих различий.

Даже в этом случае я не хотела бы говорить, что «природные» версии мифа о Марсе и Венере по определению более объективны, чем версии «воспитания». Это бы означало поддержать мнение о том, что биология — наша судьба, и оставить без внимания сходство между этими версиями. Мы не должны пропускать сексистские доводы только пото-

¹ Steven Pinker, *The Blank Slate* (London: Allen Lane, 2002), 145.

му, что они выражаются на языке социологии или психотерапии, а не на языке генетики и неврологии. Если нам предложат выбор между биологическим детерминизмом «Why Men Don't Iron», культурным детерминизмом «You Just Don't Understand» и новомодной болтовней «Men from Mars, Women from Venus», следует отвергнуть все варианты.

Все равно нет смысла спорить о том, основаны ли различия между мужчинами и женщинами на биологических причинах или созданы культурой, когда этих различий не существует. От многих утверждений мифа о Марсе и Венере следует отказаться на этом основании. Когда в 2006 году прессу потрясло известие о том, что женщины говорят в три раза больше, чем мужчины, журналисты несколько дней спрашивали у меня, считаю ли я женскую словоохотливость и мужскую молчаливость результатом действия социальных факторов, врожденных особенностей или их смеси. И вновь все варианты следовало отвергнуть: женщины не говорят в три раза больше, чем мужчины.

В этом споре козырной картой феминизма должны быть данные, полученные в ходе наблюдений за настоящими мужчинами и женщинами. Я надеюсь, что, помимо всего прочего, эта книга дала вам понять: исследования лингвистов, антропологов и других ученых, на сегодняшний день составляющие значительную часть материалов, заслуживают больше внимания, чем им обычно достается. То, что в них говорится о языке, о мужчинах и женщинах, о других эпохах и странах и об изменениях, затрагивающих нас, гораздо интереснее и побуждает к более глубоким размышлениям, чем всем известные банальности мифа о Марсе и Венере.

Если мы хотим, чтобы понимание реальной ситуации заменило мифологию, нам следует отбросить избитые формулы и огульные утверждения о речи мужчин и женщин. Может быть, их поддерживает народная вера, но факты

их опровергают. Факты больше соответствуют надписи на открытке, которую мне однажды подарили: «Мужчины с Земли. Женщины с Земли. Научись с этим жить». Не стоит жить, цепляясь за мифы об общении мужчин и женщин. Для того чтобы разобраться с проблемами и возможностями современных мужчин и женщин, мы должны заглянуть за пределы мифа о Марсе и Венере.

Кэмерон Дебора
Миф о Марсе и Венере

Заведующий редакцией
Руководитель проекта
Ведущий редактор
Литературный редактор
Корректоры
Верстка

Е. Андропова
Е. Андропова
О. Некруткина
Н. Солнцева
А. Моносов, Н. Баталова
Е. Егорова

ООО «Питер Пресс», 198206, Санкт-Петербург, Петергофское шоссе, д. 73, лит. А29.
Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 – литература учебная.

Подписано в печать 14.02.08. Формат 60 × 90/16. Усл. п. л. 14.
Тираж 4000 экз. Заказ № 91.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «Типография Правда 1906».
195299, Санкт-Петербург, Киришская ул., 2.
Тел.: (812) 531-20-00, 531-25-55

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА ИЗДАТЕЛЬСКОГО ДОМА «ПИТЕР»
предлагают эксклюзивный ассортимент компьютерной, медицинской,
психологической, экономической и популярной литературы

РОССИЯ

Москва м. «Электrozаводская», Семеновская наб., д. 2/1, корп. 1, 6-й этаж;
тел./факс: (495) 234-3815, 974-3450; e-mail: sales@piter.msk.ru

Санкт-Петербург м. «Выборгская», Б. Сампсониевский пр., д. 29а;
тел./факс (812) 703-73-73, 703-73-72; e-mail: sales@piter.com

Воронеж Ленинский пр., д. 169; тел./факс (4732) 39-43-62, 39-61-70;
e-mail: pitervrn@comch.ru

Екатеринбург ул. Бебеля, д. 11а; тел./факс (343) 378-98-41, 378-98-42;
e-mail: office@ekat.piter.com

Нижний Новгород ул. Совхозная, д. 13; тел. (8312) 41-27-31;
e-mail: office@nnov.piter.com

Новосибирск ул. Станционная, д. 36;
тел./факс (383) 350-92-85; e-mail: office@nsk.piter.com

Ростов-на-Дону ул. Ульяновская, д. 26; тел. (8632) 69-91-22, 69-91-30;
e-mail: piter-ug@rostov.piter.com

Самара ул. Молодогвардейская, д. 33, литер А2, офис 225; тел. (846) 277-89-79;
e-mail: pitvolga@samtel.ru

УКРАИНА

Харьков ул. Суздальские ряды, д. 12, офис 10–11; тел./факс (1038067) 545-55-64,
(1038057) 751-10-02; e-mail: piter@kharkov.piter.com

Киев пр. Московский, д. 6, кор. 1, офис 33; тел./факс (1038044) 490-35-68, 490-35-69;
e-mail: office@kiev.piter.com

БЕЛАРУСЬ

Минск ул. Притыцкого, д. 34, офис 2; тел./факс (1037517) 201-48-79, 201-48-81;
e-mail: office@minsk.piter.com

Ищем зарубежных партнеров или посредников, имеющих выход на зарубежный рынок.
Телефон для связи: **(812) 703-73-73.**
E-mail: fuganov@piter.com

Издательский дом «Питер» приглашает к сотрудничеству авторов.
Обращайтесь по телефонам: **Санкт-Петербург — (812) 703-73-72,**
Москва — (495) 974-34-50.

Заказ книг для вузов и библиотек: (812) 703-73-73.
Специальное предложение – e-mail: kozin@piter.com

В последние годы тема взаимоотношений между мужчинами и женщинами вызывает у читателей неизменный интерес. Книги о «Марсе и Венере», предлагающие решить все проблемы между полами, научив вас «правильно понимать» друг друга, стали бестселлерами. «Почему люди настолько им верят?» — спрашивает Дебора Кэмерон, профессор социолингвистики Оксфордского университета и автор ряда широко известных научных работ по лингвистике и гендерным проблемам. Используя свой тридцатилетний исследовательский опыт, она рассказывает о том, что достоверно известно о проблемах общения между мужчинами и женщинами и насколько сильно эти научные выводы отличаются от тех сведений, которые мы получаем из популярной литературы последних лет.

Узнайте, почему на самом деле вам бывает непросто понять друг друга и почему «простые решения» из бестселлеров, как правило, не работают!

5 МИРОВОЙ
BEST
SELLER

сам себе
психолог

ISBN 978-5-91180-870-9

9 785911 808709

информация о книгах и веб-магазин